

СВОБОДНЫЕ ИСКУССТВА И НАУКИ НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ: ОПЫТ США И ЕВРОПЫ В КОНТЕКСТЕ РОССИЙСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ

**Bard
CCE**

CENTER FOR CIVIC
ENGAGEMENT

Smolnny

Санкт-Петербургский
государственный университет
Bard College

Факультет
свободных
искусств и наук

Санкт-Петербургский государственный университет

**СВОБОДНЫЕ
ИСКУССТВА И НАУКИ
НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ:
опыт США и Европы
в контексте
российского образования**

Smolny

Санкт-Петербургский
государственный университет
Bard College

Факультет
свободных
искусств и наук

**Санкт-Петербург
2014**

УДК 001.81
ББК 74.58.я43

*Публикация одобрена к печати
ученым советом факультета свободных искусств и наук
Санкт-Петербургского государственного университета*

Центр либерального образования СПбГУ

Свободные искусства и науки на современном этапе: опыт США и Европы в контексте российского образования: Сборник статей /
Под ред. Дж. Беккера, Ф. В. Федчина. — СПб.: СПбГУ, 2014. — 124 с.

ISBN 978-5-4377-0055-6

Предлагаемый читателям сборник содержит переводы статей, посвященных вопросам образования по модели свободных искусств и наук. Авторами материалов являются видные ученые, политики и руководители вузов из США и Нидерландов, — стран, в которых опыт образования по рассматриваемой модели сегодня наиболее успешен. Образование по модели свободных искусств и наук вызывает неизменно возрастающий интерес во всем мире. Большие перспективы применения и развития данной модели есть и в России.

Помимо основополагающих определений, актуальных практических наблюдений и размышлений авторов о развитии в рамках системы либерального образования различных сфер знания — от естественных и технических наук до практических искусств, — в предлагаемый сборник включены данные исследований, свидетельствующие о высокой оценке результатов такого образования на рынке труда.

Настоящее издание будет полезно всем интересующимся развитием образования по модели свободных искусств и наук как в России, так и во всем мире.

УДК 001.81
ББК 74.58.я43

ISBN 978-5-4377-0055-6

Содержание

Предисловие	
Джонатан Беккер и Филипп Федчин	4
Валерий Монахов	10
Джонатан Беккер. Что такое образование по модели свободных искусств и наук... и чем оно не является (перевод Анны Шульгат и Филиппа Федчина)	12
Эффективные педагогические практики (перевод Татьяны Орловой)	41
Марийк ван дер Венде. Развитие высоких мировых стандартов бакалавриата: образование по модели свободных искусств в XXI веке (перевод Натальи Алешиной)	46
Марта Нелл Смит. Гуманитарные науки — не роскошь. Манифест XXI века (перевод Валерия Хардина и Татьяны Орловой)	68
Дэвид Окстоби. О месте искусства в либеральном образовании (перевод Валерия Хардина и Татьяны Орловой)	80
Ширли Тилгман. Будущее научного образования в колледже свободных искусств (перевод Татьяны Орловой и Елены Долгих)	91
Дэн Эдельштейн. Как учить инновациям? О гуманитарных науках и экономике знаний (перевод Валерия Хардина и Марии Чернышевой)	101
Фарид Закария. Почему так важны свободные искусства? (перевод Натальи Алешиной)	110
Нам нужна не просто специальность: приоритеты работодателей и успех студентов в высшем образовании (перевод Валерия Хардина и Татьяны Орловой)	112

Предисловие

Настоящее издание содержит переводы ряда статей об образовании по модели свободных искусств и наук, которые могут быть полезны для университетских преподавателей и администраторов в России. И хотя у этой модели есть много предшественников в русскоязычном мире, до сих пор существует лишь довольно ограниченное число публикаций на русском языке, которые были бы посвящены внимательному изучению образования по модели свободных искусств и наук в общем контексте современного высшего образования и в особенности функционированию этой модели как системы в ряде ведущих университетов мира. Тем не менее, в последние годы стали появляться отдельные издания по этой тематике на русском языке, включая и те, что были подготовлены Центром либерального образования Санкт-Петербургского государственного университета. Настоящий сборник призван дополнить эти усилия; в него включены статьи, где в деталях описываются цели и структура образования по модели свободных искусств и наук, представлены исследования по применению и оценкам результативности этой системы образования. Прежде всего, речь идет об опыте Соединенных Штатов и Нидерландов, где образование по модели свободных искусств и наук как система университетского образования хорошо развито. Однако стоит отметить, что влияние такой модели образования в мире в целом растет и что внедряющие ее образовательные институты появляются повсюду.

Почему русскоязычная аудитория может быть заинтересована в развитии образования по модели свободных искусств и наук?

Во-первых, такое образование отвечает многим задачам из числа тех, которые стоят сегодня перед экономикой России и других стран. Присущие этой модели акценты на инновации, гибкость и возможность развиваться в течение всей жизни согласуются со многими острыми экономическими потребностями сегодняшней России. Алексей Кудрин, на протяжении многих лет занимавший пост министра финансов РФ и являющийся сегодня деканом факультета свободных искусств и наук СПбГУ выступает горячим сторонником данной модели образования, полагая, что она «важна для дальнейшего движения России вперед».¹ Андрей Фурсенко, бывший

¹ См.: www.nytimes.com/2014/09/08/education/a-missionary-for-liberal-arts.html?_r=0.

министр образования и науки РФ, отметил необходимость изменений в России, подчеркивая тот факт, что «согласно данным ряда рекрутинговых агентств, до 70% российских специалистов с высшим образованием по прошествии пяти лет уже не работают по специальности».¹ Приведем также следующие его слова о задачах современного образования, которые полностью согласуются с ключевыми характеристиками образования по модели свободных искусств и наук: «Инновационная экономика предполагает способность быстро и гибко реагировать на меняющиеся условия. Обучение в течение всей жизни становится не просто желательным, а необходимым условием». Подобно этому, Игорь Реморенко, будучи заместителем министра образования и науки РФ, заявлял: «Образование [должно] развивать у граждан <...> творческие способности, умение решать проблемы, навыки участия в сложной проектной работе, способность ориентироваться в условиях быстрой смены технологий».²

Во-вторых, образование по модели свободных искусств и наук отвечает требованиям международных рейтингов, которые стали в последние годы одной из самых обсуждаемых тем в вузовских кругах России. На самом деле, одного взгляда на большинство глобальных университетских рейтингов достаточно, дабы убедиться, что основные десять-двадцать ведущих университетов реализуют модель свободных искусств и наук на уровне бакалавриата. Такие вузы, как Гарвард, Йель, Колумбийский университет, Стэнфорд и Принстон — все строят учебные планы своих программ бакалавриата на принципах свободных искусств и наук. Более того, ведущие колледжи свободных искусств и наук, располагающиеся на территориях отдельных кампусов, — самые яркие образцы данной модели, из которых ни один не включен в международные рейтинги по причине их слишком небольших размеров, — в ряде случаев выпускают больше будущих нобелевских лауреатов из числа своих студентов, и гораздо больше в пропорции к общему числу выпускников, чем ведущие исследовательские университеты, возглавляющие основные международные рейтинги. Другими словами, нет ничего несовместимого между образованием по модели свободных искусств и наук и самыми высокими научными достижениями: скорее, можно говорить о корреляции между одним и другим.

¹ Андрей Фурсенко. Образование должно идти в ногу со временем. 2009. 23 октября [mon.gov.ru/rur/ministr/int/6436].

² Игорь Реморенко. Модель «Российское образование — 2020» создается в интересах потребителей образовательных услуг. 2008. 18 июля [mon.gov.ru/rur/dir/remorenko/int/4793].

В-третьих, интерес к этой модели внутри российского высшего образования все возрастает. Санкт-Петербургский государственный университет, в состав которого входит факультет свободных искусств и наук, в этом отношении является безусловным лидером. Всего уже семнадцать вузов Российской Федерации получили лицензии Министерства образования и науки на открытие образовательных программ по аналогичному учебному плану, хотя и не везде эти программы еще открыты или успешно реализуются. В ряде учебных заведений, включая и несколько федеральных исследовательских университетов, внедряются элементы из числа тех, что традиционно ассоциируются с моделью свободных искусств и наук. К таким элементам можно отнести совмещение общеобразовательной широты с глубиной освоения определенной предметной области, междисциплинарные учебные программы, методики преподавания, ориентированные на студента.

В настоящем издании освещаются несколько сюжетов. Две статьи — Джонатана Беккера, вице-президента по международным делам и программам по развитию гражданской ответственности Бард колледжа, — нью-йоркского колледжа свободных искусств и наук с полуторасотлетней историей («Что такое образование по модели свободных искусств и наук... и чем оно не является»), и Марийки ван дер Венде, декана-основателя Университетского колледжа Амстердамского университета («Развитие высоких мировых стандартов бакалавриата: образование по модели свободных искусств в XXI веке») — дают определение и раскрывают контекст современного образования по модели свободных искусств и наук, опираясь на опыт в Соединенных Штатах и Европе. Статья «Результативные образовательные практики» от Американской ассоциации колледжей и университетов, ведущей американской ассоциации вузов, заинтересованных в либеральном образовании, суммирует некоторые «педагогические и учебные практики, широко используемые и доказавшие свою продуктивность» для университетских студентов.

В следующих трех статьях внимательно исследуются различные аспекты образования по модели свободных искусств и наук. Как ясно из названий, статья Марты Нелл Смит, профессора из Университета Мэриленд и директора-основателя Мэрилендского института по использованию новых технологий в гуманитарных науках («Гуманитарные науки — не роскошь. Манифест XXI века») и статья Дэвида Окстоби, президента Колледжа Помона («О месте искусства в либеральном образовании») обращаются соответственно к роли гуманитарных наук и практических искусств в данной модели. Ширли Тилгман, бывший президент Принстонского университета, в своей статье решительно отстаивает роль

естественных наук в системе свободных искусств. Она подчеркивает способность этой образовательной системы готовить выдающихся ученых-практиков и, вторя Нобелевскому лауреату Томасу Кечу, указывает на особенную успешность колледжей свободных искусств и наук в подготовке ученых и инженеров.

В последних трех текстах предлагаются более практические доводы в пользу модели свободных искусств и наук. Фарид Закария, один из ведущих американских аналитиков в области внешней политики, который вырос в Индии, но получил бакалаврский диплом в Йельском университете, а диссертацию защищал в Гарварде, выступает с убедительной защитой либерального образования в своей статье «Почему так важны свободные искусства?» Он подчеркивает важность заложенного в модель свободных искусств и наук принципа «неразрывной связи мышления и письма», делает акцент на том, как «говорить и выражать себя», и высоко оценивает привитие способности «учиться тому, чтобы учиться». В этом он вторит Альберту Эйнштейну, который писал, что «ценность образования в колледже свободных искусств и наук состоит не в заучивании многочисленных фактов, а в тренировке способности мыслить и решать задачи, не описанные в учебниках». Дэн Эдельштейн, преподающий в Стэнфордском университете, утверждает в своей статье «Как учить инновациям? О гуманитарных науках и экономике знаний», что уроки инноваций можно извлекать в той же, или, может быть, даже в большей степени, чем из опыта естественных наук — из опыта наук гуманитарных. В последней статье «Нам нужна не просто специальность: приоритеты работодателей и успех студентов в высшем образовании» предлагается детальное исследование позиций руководителей трехсот крупнейших американских компаний относительно их ожиданий от высшего образования и возможных рекомендаций будущим работникам. Результаты демонстрируют убедительную поддержку модели свободных искусств и наук. Можно упомянуть следующие:

- 93% американских работодателей согласны с тем, что «демонстрируемая способность потенциального кандидата на рабочее место мыслить критически, ясно выражать свою мысль и решать сложные проблемы *гораздо важнее*, чем то, какая специальность значится в дипломе бакалавра». Немногие считают, что само по себе наличие специфических предметных знаний и навыков — то, что больше всего необходимо для успеха в личной карьере;
- 80% работодателей согласны с тем, что вне зависимости от специальности, каждый студент бакалавриата должен получить широкое общее образование по модели свободных искусств и наук;

- 74% опрошенных порекомендовали бы образование по модели свободных искусств и наук знакомому молодому человеку в качестве лучшего способа обеспечить успех в сегодняшней глобальной экономике.

Завершая это предисловие, имеет смысл сделать несколько разъяснений, касающихся определения образования по модели свободных искусств и наук (*liberal arts and sciences education*), поскольку термины «либеральное образование» (*liberal education*), «свободные искусства» (*liberal arts*), «свободные искусства и науки» (*liberal arts and sciences*) часто используются столь различно, что это может привести к замешательству читателей.

Современное образование по модели свободных искусств и наук можно определить как систему высшего образования, призванную развивать в студентах желание и способность учиться, мыслить критически, общаться и ясно выражать свои мысли, а также готовить их к роли сознательных граждан общества. Модель характеризует гибкий учебный план, требующий как общеобразовательной широты, так и предметной глубины, она поощряет междисциплинарность и дает студентам большую свободу выбора. Ее также отличает использование принципов ориентированной на учащихся педагогики, интерактивной и активно вовлекающей студентов в постоянную работу по анализу текстов как в аудитории, так и за ее пределами. Понятие «образование по модели свободных искусств и наук» иногда используется как синоним понятия «либеральное образование». Однако последний может включать лишь некоторые, а не все, элементы модели свободных искусств и наук. Другими словами, принципы либерального образования образуют многие «строительные блоки» свободных искусств и наук как системы образования. Эти «блоки» обладают собственной самодостаточной ценностью, но могут быть не объединены в завершенном систематическом смысле.

Свободные искусства в то же время отсылают к специфическому набору академических дисциплин, ассоциирующихся прежде всего с гуманитарными науками. Здесь стоит отметить, что в контексте образования по модели свободных искусств и наук, дисциплины, связываемые с термином «свободные искусства» могут включать интерпретативные и практические искусства, социальные и естественные науки, математику и компьютерные науки. Наконец, *колледж свободных искусств* — это особый тип высшего учебного заведения, часто небольшой по размеру и располагающийся на отдельном загородном кампусе, который облегчает тесное взаимодействие преподавателей и студентов, и учебный план которого основан на свободных искусствах и науках как на максимально широко понятой дисципли-

нарный спектр, а также как на определенной образовательной системе.¹ В этом контексте важно подчеркнуть, что слова «колледж» и «университет» в американском словоупотреблении используются как синонимы, часто отсылая к образованию на уровне бакалавриата: колледж — это не среднее или среднее специальное учебное заведение. Студенты-бакалавры в Гарвардском университете учатся в Колледже Гарварда, а студенты Йельского университета — в Колледже Йеля.

Перед тем как предложить читателям ознакомиться с материалами статей этого сборника, мы хотели бы поблагодарить своих коллег за вклад в его подготовку: Ольгу Воронину, профессора Бард колледжа, которая сыграла важную роль в формировании самой идеи издания. Американскую Ассоциацию колледжей и университетов (AAC&U), которая любезно позволила нам опубликовать перевод ряда статей из журнала «*Liberal Education*». Марийку ван дер Венде, Ширли Тилгман и Фарида Закарию, которые также любезно согласились на публикацию перевода своих текстов. Перевод — это всегда вызов, и в этом контексте мы хотели бы выразить большую благодарность за усилия Наталье Алешиной (факультет свободных искусств и наук СПбГУ), Татьяне Орловой (Бард колледж), Валерию Хардину (Американский университет в Центральной Азии), а также Марии Чернышевой (факультет свободных искусств и наук СПбГУ) и Елене Долгих (факультет свободных искусств и наук СПбГУ). Без искренней заинтересованности Ольги Кувакиной по приведению текста в заключительное состояние настоящее издание не смогло бы увидеть свет.

Редакторы прекрасно понимают, что не все идеи и концепции, высказываемые в настоящем сборнике, напрямую применимы в российском контексте. Однако мы верим, что более детальное и внимательное знакомство с опытом других стран в реализации модели свободных искусств и наук может помочь тем из российских коллег, кто заинтересован в содержательной и продуктивной реформе образования, найти свой собственный путь.

Джонатан Беккер

Вице-президент и декан по международным связям
и программам повышения гражданской
ответственности Бард колледжа, США

Филипп Федчин

Старший преподаватель кафедры междисциплинарных
исследований и практик в области искусств,
факультет свободных искусств и наук СПбГУ

¹ American Association of Colleges and Universities. What is 21st Century Liberal Education [www.aacu.org/leap/what-is-a-liberal-education].

* * *

Предлагаемый читателям сборник статей, посвященных проблемам развития современного либерального образования в США и Европе, представляется интересным для всех, кто ищет пути обновления российского университетского образования. Задачи формирования и воспитания человека, обеспечения передачи культурного опыта, поиска нового знания — все это относится к числу тех вечных вопросов, решение которых в каждую новую эпоху требует критического переосмысления, казалось бы, уже устоявшихся и ставших общепризнанными подходов. Постоянная саморефлексия является важным инструментом обеспечения способности университета исполнять свою общественную миссию, связанную с постижением мира, окружающего человека.

Развитие науки и новых технологий в современную эпоху и связанные с этим процессы глобализации повлекли за собой колоссальные общественные изменения, неизбежно требующие переосмысления всей картины мира. Поиск эффективных и адекватных новой реальности способов выживания приводит к восприятию мира как единой и целостной системы, состоящей из многообразия непрерывно взаимодействующих подсистем, и сама возможность такого понимания мира не в последнюю очередь зависит от способности общества продуцировать определенный тип интеллектуальной культуры. Образовательные институции, осознавая архаизацию устоявшихся базовых концепций, положенных в основу своей деятельности, оказываются в ситуации, когда необходим поиск новых парадигмальных трендов. Принципиальным следствием этой мировоззренческой позиции является и признание того, что «все естественные науки связаны с общечеловеческой культурой».¹

Достижение столь сложной цели осуществляется за счет применения педагогических методов, которые и принято называть системой преподавания по модели свободных искусств и наук, либо либеральным образованием. К их числу относится и междисциплинарный учебный план, и возможность индивидуализации образовательной траектории каждого студента, и выбор дисциплин и курсов, и интерактивный метод проведения

¹ Пригожин И., Стенгерс И. Порядок из хаоса: Новый диалог человека с природой. М., 2014. С. 30.

занятий, предполагающий диалог учителя и ученика, и нацеленность на формирование навыков критического мышления, и обретение способности к самостоятельному генерированию нового знания. Дискуссия о либеральном образовании не ограничивается вопросами методов обучения, она позволяет обратиться к анализу базовых, очень серьезных и глубоких вопросов, которые включают в себя проблемы современного общества, понимания природы человека, осмысление его потребностей и возможностей.

Среди других дискуссионных вопросов читатель сможет познакомиться и с размышлениями о значении естественнонаучных дисциплин для модели либерального образования, и о роли общенаучной теории для развития интеллектуального инструментария обучающихся, а также об «оптимальном» балансе классического наследия и последних достижений в области науки и технологий.

Все упомянутые выше, как и многие другие актуальные для современной образовательной практики проблемы заинтересуют и российского читателя. Ведь проект либерального образования оказался востребованным и в России, где более пятнадцати университетов получили лицензии на право ведения образовательной деятельности по направлению «Искусства и гуманитарные науки», в основе которого лежат принципы либерального образования. Первая такая программа была открыта в Санкт-Петербургском государственном университете и на ее базе открылся факультет свободных искусств и наук, в составе которого работает Центр либерального образования. Центр занимается организацией научных исследований в области либерального образования, проводит конференции и семинары по этой тематике, а также осуществляет публикации,¹ одна из которых и предлагается на суд читателей.

В. М. Монахов

Содиректор Центра либерального
образования СПбГУ

¹ См., напр.: Либеральное образование в России: теории, дискуссии, методы. СПб., 2014.

Что такое образование по модели свободных искусств и наук... и чем оно не является¹

Предисловие к статье 2014 года

Настоящая статья является новой, дополненной и отредактированной, версией текста, который я написал более десяти лет назад, в 2003 году, под названием «Что такое либеральное образование... и чем оно не является».² Прежняя статья появилась в тот момент, когда эксперименты по созданию образовательных программ по модели свободных искусств и наук в Центральной и Восточной Европе находились на ранней стадии своего развития. В статье 2003 года был отражен опыт, полученный в ходе создания Смольного института свободных искусств и наук, являвшегося результатом сотрудничества между Бард колледжем — колледжем свободных искусств и наук с полуторавековой историей, расположенного в прекрасном кампусе в долине Гудзона к северу от Нью-Йорка, и Санкт-Петербургским государственным университетом — одним из старейших и самых уважаемых университетов России. За эти годы Смольный институт из образовательной программы филологического факультета СПбГУ переродился в первый в России факультет свободных искусств и на-

* Вице-президент и декан по международным связям и программам повышения гражданской ответственности Бард колледжа, США [jbecker@bard.edu].

¹ Данная статья появилась в результате доработки доклада, сделанного автором на конференции выпускников программы международных студенческих обменов Института «Открытое общество», Будапешт (Венгрия), июнь 2003 года.

² См.: Беккер Дж. Что такое либеральное образование и чем оно... не является // Проблемы либерального образования: Сборник статей. СПб., 2012. С. 20.

ук. Сегодня в России уже и другие университеты — от небольших частных институций из сферы искусств до федеральных исследовательских университетов — демонстрируют заинтересованность в развитии образовательных программ по модели свободных искусств и наук. За это время Бард колледжем были инициированы программы партнерства в Киргизской Республике, Палестине, Германии, сейчас нами изучаются возможности создания новых программ в Китае и Южной Африке. Кроме того, образование по модели свободных искусств и наук успешно реализуется в Европе, особенно в Нидерландах, где целым рядом образовательных учреждений были достигнуты значительные успехи.

За десятилетие, прошедшее со времени написания первой статьи, изменилась окружающая образовательная среда и были извлечены важные уроки. Структура и суть аргументации в новой статье остаются в целом теми же, но в ней учтены значимые изменения, начиная с названия, которое теперь отсылает не просто к либеральному образованию (*liberal arts*), но к модели свободных искусств и наук (*liberal arts and sciences*), дабы с самого начала дать понять, что естественные науки и математика формируют часть системы либерального образования, которая здесь обсуждается. Я уверен, что годы спустя, с дальнейшим развитием технологий, открытых массовых онлайн-курсов (*MOOCs*), нас ждут и другие изменения, но, несмотря на это, основные принципы образования по модели свободных искусств и наук останутся теми же.

Введение

В последние годы перед системами высшего образования во всем мире встали новые вызовы — от вопросов стоимости образования и появления новых технологий и открытых массовых онлайн-курсов (*MOOCs*), до проблем зависимости между университетским образованием и перспективами трудоустройства. В поисках новых подходов многие деятели высшей школы, особенно сформировавшиеся в европейской/гумбольдтовской традиции, обращаются к экспериментам с моделью свободных искусств и наук, истоки которой мы обнаруживаем еще в Античности.

В Центральной и Восточной Европе, а также в странах бывшего Советского Союза, где я провел несколько лет и с которыми связан целым рядом проектов на протяжении более чем двух десятилетий, образование по модели свободных искусств и наук впервые привлекло внимание членов академических сообществ как «антидот» марксистско-ленинской идеологии, пронизывавшей

учебный процесс в советское время. Эту образовательную модель часто связывали с понятием повышения гражданской активности на волне разрушения авторитарных режимов. Многие также видели в образовании, основанном на принципах свободных искусств и наук, средство внедрения междисциплинарных подходов при построении учебного плана, и через это — избавление от жесткости, доминировавшей в высшем образовании в этом регионе. Некоторые с энтузиазмом отнеслись к перспективе создания в рамках учебного плана классического университета программ по практическим искусствам, существование которых до этого момента было ограничено консерваториями и другими профессиональными школами. В то же время кого-то привлекали новые педагогические подходы, ориентированные на студентов. Со временем в посткоммунистическом мире характер интереса к образованию по модели свободных искусств и наук стал похож на отношение к нему в других частях света, где история образования и традиции были иными. Будь то Европа, Азия, Латинская Америка или Африка, преподаватели и администраторы высшей школы пытались приспособить и реализовать либеральные модели высшего образования применительно к своей собственной среде.¹ Для кого-то это стало реакцией на возникновение новых структур: так, в Европе разделение образования на два уровня — бакалавриат и магистратуру, ставшее результатом Болонского процесса, дало студентам возможность экспериментировать в процессе построения своей учебной траектории до принятия ими решения о специализации.² Другими

¹ См.: Susan Gillespie (2012) *Opening Minds: The International Liberal Education Movement*. *World Policy Journal*. Winter 2001/2002. P. 79–89; Patti McGill Peterson. *A Global Framework: Liberal Education in the Undergraduate Curriculum*. In: *Confronting Challenges to the Liberal Arts Curriculum*. Ed. by Patti McGill Peterson. NY. P. 1–23. Парадоксально, но интерес к образовательной модели свободных искусств и наук во всем мире вырос после атаки на Соединенные Штаты. Такое образование высмеивалось как элитистское и отвергалось как устаревшее и переживающее период «упадка». Даже его защитники говорят о необходимости «оживления» и «реструктуризации». См.: W. R. Conner (1998) *Liberal Arts Education in the Twenty-First Century*. AALE Occasional Paper # 2, 25 May 1998 [www.aale.org/conner.htm]. Carol M. Barker (2002) *Liberal Arts Education for a Global Society*. Carnegie Corporation of New York [www.carnegie.org]. P. 9; Stanley Katz (1996) *Restructuring for the Twenty-First Century*. In: *Rethinking Liberal Education*. Nicholas H. Farnham, Adam Yarmolinsky (eds.). NY. Oxford University Press. P. 77–90.

² См.: Marijk van der Wende (2013) *Trends towards Global Excellence in Undergraduate Education: Taking the Liberal Arts Experience into the 21st Century*. *International Journal of Chinese Education*. Vol. 2. P. 289–307.

в модели свободных искусств и наук была оценена возможность привносить в образование рыночную конкуренцию: преподаватели признают ограничения старых педагогических подходов, особенно в свете конкуренции МООКов (MOOCs). Наконец, для кого-то это вопрос модернизации: экономика постоянно меняется и вследствие этого шансы сохранить в течение всей жизни работу выпускнику, имеющему единственную узкую специальность, весьма невелики; сегодня студентам необходимо уметь быстро переучиваться, гибко адаптироваться, они должны быть готовы выходить за пределы жестких рамок, которые являются результатом гиперспециализации и традиционного дисциплинарного подхода. Образ Стива Джобса (который небольшой период времени учился в Рид колледже), представляющего iPad через метафору перекрестка двух улиц — «свободные искусства» и «технология», — заменил образ студента, прилежно внимающего оксфордскому тьютору.

Адаптация модели свободных искусств и наук к новой образовательной среде не является простой задачей. Подчас страстное желание реформы не подкрепляется необходимыми знаниями и тогда на «помощь» нередко приходят зарубежные «эксперты», не всегда знакомые с местными условиями и больше озабоченные абстрактными громкими идеями, а не реальным институциональным строительством. Слишком часто на конференциях и семинарах, которые я посещал в Восточной Европе, я видел усталые глаза местных реформаторов, наблюдающих, как американцы предаются абстрактным рассуждениям о внедрении либерального образования и/или дают советы, оторванные от локального контекста. Если все, что мы можем предложить, сводится к возвышенным образам и парафразе известного афоризма Джастиса Поттера Стюарта — вы «узнаете это», когда «увидите это», — нас, как преподавателей и администраторов, ожидает фиаско; растет риск непонимания и неадекватных попыток реализации образовательной модели, и, в конечном счете, риск оказаться в тупике. Как преподаватели, как люди, мыслящие критически, мы должны отказаться от абстракций и выделить то, что является принципиальным для современного образования по модели свободных искусств и наук.

В настоящей работе я преследую одну практическую цель: дать этой модели образования определение, которое поможет людям, принявшим решение об ее использовании в своих учебных заведениях. Я надеюсь выработать практическую формулировку того, что представляет собой образование по модели свободных искусств и наук в высшем учебном заведении, с особым акцентом на то, что происходит в аудитории. И эта задача — не просто интеллектуальное упражнение.

Последние шестнадцать лет мы с коллегами из Бард колледжа участвуем в совместном с Санкт-Петербургским государственным университетом проекте, о котором я упоминал в Предисловии к этой статье. Общими усилиями был создан прецедент признания Министерством образования России программы по направлению «Искусства и гуманитарные науки», которая реализовывалась Смольным институтом, а в 2011 году на этой основе был создан факультет свободных искусств и наук СПбГУ. Мы принимали участие в развитии этой модели не только в России, но и в Германии, Киргизстане, Палестине, Южной Африке и Китае. Многие из того, о чем будет сказано в этой статье, может показаться очевидным для тех, кто хорошо знаком с современным образованием по модели свободных искусств и наук, особенно специалистам из США, где данная модель получила наибольшее распространение, но обращение к каждой из затронутых проблем продиктовано реальным опытом.

Необходимо сделать особый акцент на одном обстоятельстве, которое часто игнорируется, — это единство системы управления, принципов построения учебного плана и используемых педагогических подходов; из этих трех компонентов формируется инфраструктура, делающая возможным образование по модели свободных искусств и наук.

При условии четкого разъяснения того, как функционируют образовательные системы такого рода, и условия опровержения ряда возникающих ошибочных представлений, мы добьемся ясного понимания потенциальными реформаторами природы того проекта, который они хотят осуществить, и одновременно предупредим их о трудностях, с которыми они могут столкнуться. Свободные искусства и науки — система непростая для понимания, и при ее освоении могут возникнуть проблемы. Покидая порт, нужно знать, куда плывешь.

Надо подчеркнуть, что процесс такого осмысления не односторонний: когда занимаешься изучением других традиций и адаптацией известной тебе образовательной системы к новым условиям, то в значительной степени учишься сам.

Деконструируя модель свободных искусств и наук и выстраивая ее заново, взаимодействуя с теми, кто адаптирует и переосмысляет старые подходы, мы совершенствуем и наше понимание собственной образовательной системы, мы лучше видим как недостатки, так и ее потенциал.

При написании данной статьи я во многом опирался на работы Филиппа К. Шмиттера и Терри Линн Карла, в частности на статью «Чем является демократия и чем она... не является», где исследуется эта более

древняя и широкая идея.¹ Используя подход Шмиттера и Карла, я попытаюсь дать определение основным характеристикам и понятиям, которые делают модель свободных искусств и наук уникальной системой образования, а также процедурам, правилам и конкретным мерам, посредством которых можно создать условия, благоприятные для успешного существования такой модели; кроме того, я остановлюсь на ряде типичных заблуждений и ошибочных суждений в отношении образования по модели свободных искусств и наук.

Определение

Для разъяснения того, что мы подразумеваем под образованием по модели свободных искусств и наук, следует начать с определения. Далее формулируются не только цели либерального образования, но и средства к их достижению. Если по вопросу о целях всеобщее согласие достигнуто, то средства гораздо чаще служат поводом для разногласий.

Современное образование по модели свободных искусств и наук представляет собой систему высшего образования, призванную воспитывать в учащихся желание и способность учиться, критически мыслить и умело выражать свои мысли, а также воспитывать граждан, способных стать активными участниками демократического общества. Такую систему отличает гибкий план обучения, совмещающий широту дисциплинарного охвата с глубиной изучения предмета, поощряющий междисциплинарность и предоставляющий студентам максимально возможную свободу выбора. Кроме того, модель реализуется через ориентированную на студента педагогику — интерактивную и вовлекающую учащихся в работу с текстами как в аудитории, так и за ее пределами.

Стоит оговорить ряд вопросов, связанных с интерпретацией этого определения.

Во-первых, важно подчеркнуть, что речь здесь идет о системе образования, под чем я понимаю целостную академическую практику, которая определяет весь образовательный процесс и включает в себя цели образования, учебный план, используемые педагогические

¹ Philippe C. Schmitter, Terry Lynn Karl (1991) What Democracy is... and is Not. Journal of Democracy. Vol. 2. No. 3. Summer 1991. P. 75–88.

методики и требуемую административную структуру.¹ Чтобы должным образом функционировать, эта система нуждается в «институционализации», когда все ее элементы «хорошо знакомы, приняты и практикуются большинством, если не всеми» лицами, действующими в ее рамках, включая преподавателей, студентов, администраторов, руководящие органы и аккредитующие учреждения.² Иными словами, подавляющее большинство тех, кто связан с образованием по модели свободных искусств и наук, должны знать и соглашаться с требованиями и ожиданиями этой модели именно как системы. Этот акцент на свободных искусствах как системе отличается от их трактовки как простого набора изучаемых дисциплин, будь это классические тривиум (грамматика, логика и риторика) и квадравиум (арифметика, геометрия, музыка и астрономия) или более современная ассоциация с искусствами и гуманитарными науками. Хотя и верно, что современное образование по модели свободных искусств и наук может включать в себя все эти предметы (искусства, гуманитарные науки, социальные науки, естественные науки как отличные от подготовительного этапа профессионального образования), но как система она также включает не только предметы, но и принципы построения учебного плана, специфические процедуры, которые обеспечивают такие возможности, как свобода выбора студентами конкретных учебных дисциплин, междисциплинарный характер учебного плана и педагогические методики, подразумевающие демократизацию процесса обучения.

Во-вторых, я специально использую термин «образование по модели свободных искусств и наук» как отличающийся от термина «либеральное образование». Хотя два этих понятия отсылают к сходным целям и часто используются как взаимозаменяемые, в моем представлении *образование по модели свободных искусств и наук как система* — более целостный феномен. Так, например, преподаватель может реализовывать принципы либерального образования, используя интерактивные методы преподавания, но он может быть в этом отношении одинок в своем учебном заведении и его может сдерживать узкоспециальный и не гибкий учебный план. Подобным же образом учебный план может предусматривать некоторый выбор для студента в рамках направления или специальности, но эти последние могут быть ограничены лишь социальными или гуманитарными науками. Я понимаю подходы и практики, ассоциируемые с либеральным образованием (интерактивные методики преподава-

¹ Ibid. P. 76.

² Ibid.

ния, пристальное чтение текстов, гибкий учебный план, соединяющий широту и глубину), как «строительные блоки» системы свободных искусств и наук. И даже сами по себе полезные, они, будучи изолированными от других компонентов, могут оказаться недостаточными для формирования системы образования по модели свободных искусств и наук.¹

В-третьих, в этой статье я использую термин «свободные искусства и науки» намеренно: хотя в последнее время учебный план «свободных искусств» чаще всего ассоциируется с литературой и гуманитарными науками, естественные науки и математика исторически являлись частью учебного плана «свободных искусств и наук» и тесно связаны с рядом самых значительных вызовов, стоящих сегодня перед гражданами общества, будь то распространение массовых заболеваний, голод или проблемы сохранения окружающей среды. Если студенты должны участвовать в решении важных проблем, стоящих перед современным обществом, то они должны быть достаточно подготовлены для понимания количественных методов в современных социальных науках и современных естественнонаучных теорий. Как отметила Ширли Тилгман, бывший президент Принстонского университета, у колледжей свободных искусств и университетов есть две отличающиеся друг от друга важнейшие задачи в сфере естественнонаучного знания: это формирование научно-образованных граждан и подготовка нового поколения ученых.² Распространенные допущения о научном знании также разоблачают предрассудок, подразумевающий, что методики преподавания, используемые в точных и естественных науках, полностью отличаются от тех, что востребованы во всем остальном пространстве университета и что

¹ Американская ассоциация колледжей и университетов дает такое определение либеральному образованию: «Подход к образованию на уровне бакалавриата, который дает личности новые возможности, готовя ее противостоять сложным, разнообразным и изменчивым ситуациям. Этот подход делает акцент на широте знаний о мире в его целостности (то есть и о науке, и о культуре, и об обществе) так же, как глубине достижений в специфической интересующей человека области. Он помогает студентам развивать чувство социальной ответственности, сильные интеллектуальные и практические навыки, востребованные во всех основных областях исследований, — такие, как коммуникабельность, навык аналитического мышления и навык решения задач, демонстрируемая способность применять знания и навыки в конкретных жизненных ситуациях». См.: www.aacu.org/leap/what-is-a-liberal-education.

² См.: *Marijk van der Wende*. Trends towards Global Excellence in Undergraduate Education. P. 289–307 (см. перевод в настоящем издании с. 46); *Shirley M. Tilghman* (2010) The Future of Science Education in the Liberal Arts College. January. 2010 [www.princeton.edu/president/tilghman/speeches/20100105].

эти методики лишены подходов, ориентированных прежде всего на студента. Как будет показано ниже, это на самом деле не так: инновативное, ориентированное на студента преподавание в области точных и естественных наук позволяет на самом раннем этапе поставить студента на путь академической карьеры и порождает убедительные результаты процесса обучения.

В-четвертых, я специально дополняю термин «образование по модели свободных искусств и наук» словом «современное», подчеркивая таким образом, что основной объект моего анализа — практика наших дней. Ведь либеральное образование имеет долгую историю, и многие вузы гордятся тем, что придерживаются традиционных методик. Например, в колледже Сент-Джонс (с отделениями в Аннаполисе, штат Мэриленд, в Санта-Фе, штат Нью-Мексико) существует своеобразный «курс великих книг», который студенты проходят на протяжении всех четырех лет обучения. Таким образом, этот колледж возвращается к истокам системы либерального образования в Европе и США. В этом подходе много ценного, но хочу подчеркнуть, что считать его современным или воспринимать как норму не стоит, а потому он не подпадает под определение, предложенное нами.¹

Наконец, я использую словосочетание «высшие учебные заведения», чтобы избежать путаницы, связанной с терминами «колледж» и «университет». Тогда как в США эти термины используются как взаимозаменяемые, ситуация иная, к примеру, в Европе и других частях света, где термин «колледж» применяется к среднему образованию и/или к техническому обучению. Многие наблюдатели не осознают, что в большинстве самых престижных исследовательских университетов США программы подготовки бакалавров называются колледжами, будь то Колледж Гарвардского университета, Колледж Йельского университета, Колледж Колумбийского университета. Более того, колледжи свободных искусств и наук, располагающиеся в отдельных кампусах (такие, к примеру, как Амхерст колледж, Колледж Суортмор, Колледж Уильямс), считаются одними из самых престижных программ подготовки бакалавров, несмотря на то, что их нельзя найти в известных мировых рейтингах, которыми одержимы сегодня многие администраторы вузов и чиновники как в странах БРИКС, так и в других регионах мира. Реальность такова, что образование по модели свободных искусств и наук существует сегодня в рамках различных структур — будь то американский колледж свободных искусств и наук, находящийся на территории

¹ Подробнее о колледже Сент-Джонс см.: www.sjca.edu.

отдельного кампуса вне городской черты, «университетский колледж» в Европе, колледж для особо одаренных студентов (*Honors College*) в главных университетах отдельных штатов в США или в структуре исследовательских университетов, занимающих первые места в международных рейтингах.

Обратим теперь более пристальное внимание на содержание образования по модели свободных искусств и наук.

Цели

В первой части нашего определения говорится о целях. Основной принцип образования по модели свободных искусств и наук состоит в том, что во главу угла здесь ставится скорее развитие личности, нежели подготовка студента к какой-то конкретной профессиональной деятельности. Если мы вспомним о греческих корнях этой модели, то увидим, что главной ее целью было воспитание граждан, способных стать активными участниками демократического общества. В наши дни она призвана двигать студентов еще дальше, подготавливая их к деятельности в динамичной социальной и экономической среде. Сторонники модели свободных искусств и наук свято верят в то, что любовь к учебе, способность критически мыслить и умение выражать свои мысли имеют бóльшую ценность для жизни, чем глубина знаний по одному предмету. Эти качества особенно важны, поскольку позволяют выпускникам приспосабливаться к меняющимся социально-экономическим условиям и помогают им развиваться, учиться и адаптироваться в новых условиях по прошествии многих лет после окончания учебного заведения.

Учебный план

Вторая часть определения, которая сфокусирована на учебном плане и методиках преподавания, является столь же важной и, возможно, более актуальной для международного контекста, в котором теперь существует образование по модели свободных искусств и наук. Одно дело — рассуждать о высоких целях, и совсем другое — определить реальные условия, которые будут способствовать их достижению.

В том, что касается учебного плана, наиважнейшей чертой модели свободных искусств и наук является *право выбора*. Студент может осуществить это право двумя способами: во-первых, учебный план достаточно

гибок, и студент располагает достаточной мерой свободы, чтобы *выбрать курсы*, которые он хочет изучать; во-вторых, у студента есть возможность *выбрать сферу научных интересов* (часто это называется специализацией) после того, как он поступил в высшее учебное заведение. Тот факт, что учащиеся играют важную роль в формировании собственной программы обучения, принципиален для демократизации образовательного процесса. Право выбора означает, что единого для всех учебного плана и универсального пути к приобретению высшего образования не существует. Впрочем, у права выбора есть еще один очень важный аспект: принимая серьезные решения в отношении собственного образования, молодой человек учится делать выбор в других жизненных ситуациях. Помимо этого, предоставляемая студентам возможность выбирать сферу научных интересов после того, как они поступили в высшее учебное заведение, свидетельствует о том, что приверженцы модели свободных искусств и наук видят в студентах личностей, способных к росту и переменам, делая акцент на образовании как процессе, продолжающемся в течение всей человеческой жизни, и на способности к критическому мышлению, которая здесь более важна, чем накопление знаний. В этом принципиальное отличие современной модели свободных искусств и наук от классических образовательных систем Европы (как Западной, так и Восточной), распространенных по всему миру. В этих системах абитуриенты поступают на достаточно автономные факультеты, эффективно функционирующие как мини-университеты. К примеру, студент, поступивший на юридический, исторический или инженерный факультет, не покидает его в течение четырех-пяти лет — времени обучения, потому что классическая европейская система не только подразумевает, что молодой человек поступает в высшее учебное заведение, уже имея четкое представление о своих научных интересах, она при этом постепенно, но значительно сужает широту дисциплинарного охвата уже в начале обучения.

Однако право выбора в образовании по модели свободных искусств и наук не означает, что учащимся разрешено все — и это стало большим разочарованием для многих студентов, буквально трактовавших слово *liberal*. Учебный процесс в этой системе управляется тем, что можно назвать *bounded uncertainty*.¹ Согласно вышеприведенному определению, учебный план по модели свободных искусств и наук формируется так,

¹ Philippe C. Schmitter, Terry Lynn Karl (1991) What Democracy is... and is Not. Journal of Democracy. Vol. 2. No. 3. Summer. 1991. P. 82.

чтобы обеспечить не только широту охвата, но и глубину изучения.

Широта обычно достигается благодаря тому, что существует определенный набор обязательных курсов (его часто называют общеобразовательной программой или общими курсами), разработанных таким образом, чтобы все студенты могли ознакомиться с классическими текстами и/или важными методами исследования и подходами к знанию.¹ Широта охвата может также реализовываться посредством так называемых требований широты образования, которые обязывают студента обращаться к различным группам дисциплин, тогда как выбор конкретных курсов остается за ним.²

Эти требования постоянно обсуждаются в большинстве вузов (к примеру, в Бард колледже в настоящее время идет плановый пересмотр учебных планов). Здесь важно подчеркнуть три момента. Во-первых, чтобы соответствовать стандартам модели свободных искусств и наук, должна существовать структура требований, обеспечивающая необходимую широту учебного плана каждого студента. Ведь если такого рода широта не является обязательной, то это серьезно подрывает основы системы. Во-вторых, в современном варианте модели свободных искусств и наук учебный план не может ограничиваться изучением искусств и гуманитарных наук, а должен непременно включать математику и естественные науки. Как уже было отмечено выше, это необходимо, если в дальнейшем студенту предстоит принимать важные для граждан современного общества решения. Наконец, количество требований не должно быть слишком большим, иначе студенты лишатся права выбора, о важности которого говорилось выше.

Что касается глубины изучения того или иного предмета, то современный учебный план обычно требует, чтобы студент вместе с преподавателями выбирал сферу научных интересов или специализацию. Требования, предъявляемые студенту, должны быть четкими и ясными. Программы специализации могут потребовать, чтобы студент освоил определенный набор курсов согласно выбранной им теме, могут указать на необходимость

¹ См., напр., Чикагский университет [collegecatalog.uchicago.edu/thecollege/thecurriculum] или Колумбийский университет [www.college.columbia.edu/core/core].

² К примеру, в настоящее время Бард колледж требует от студентов выбрать курсы по следующим областям изучения: анализ искусства; иностранные языки, литература и культура; история; гуманитарные науки; курс, включающий компонент лабораторной работы; литература на английском языке; математика и компьютерные науки; практические искусства; социальные науки. Все курсы классифицируются согласно требованиям, которым они удовлетворяют.

освоить ряд обязательных дисциплин или порекомендовать прохождение дисциплин в определенной последовательности. Рекомендации могут быть даны и по изучению дисциплин из смежных областей. Главная цель заключается в том, чтобы выпускник приобрел минимально достаточную профессиональную квалификацию хотя бы в одной интеллектуально целостной сфере (иногда студенты концентрируются в двух областях). Также следует подчеркнуть, что набор специализаций не ограничен традиционными научными дисциплинами. Институты, работающие по модели свободных искусств и наук, оказываются особенно успешными в развитии междисциплинарных программ, которые дополнили, а иногда и вытеснили устаревшие подходы, сохранив при этом интеллектуальную целостность. Исследования окружающей среды, когнитивные исследования, программы по здравоохранению и по правам человека — это все примеры программ, которые обращены к решению самых сложных проблем, стоящих сегодня перед человечеством и требующих междисциплинарных подходов.

Здесь важно сделать одно предупреждение: сочетать широту дисциплинарного диапазона с глубиной изучения предмета непросто. Одна из тенденций (в особенности в тех вузах, где доминирует образовательная модель, характерная для континентальной Европы) — усиление роли специализации, причем по объему требований она иногда может воспроизводить ранее существовавшие образцы. Это большой риск для такого элемента, как широта дисциплинарного диапазона. В идеале право выбора не должно ограничиваться требованиями широты образования — напротив, оно должно действовать в рамках разумного на протяжении всего времени обучения.

Преподавание

Другим важнейшим компонентом нашего определения современного образования по модели свободных искусств и наук является преподавание.¹ По утверждению Вартаана Грегорьяна, «акт преподавания является душой либерального образования».² Педагоги помогают студентам оттачивать аналитические способности,

¹ Полезные разъяснения по вопросам преподавания и педагогики см. в книге: *Schneider C. G., Shornberg R. (2001) Contemporary Understandings of Liberal Education. Association of American Colleges and Universities.*

² Цит. по: *Lang E. M. (1999) Distinctively American: The Liberal Arts College. Daedalus. Winter 1999. Vol. 128. No. 1. P. 135.*

знакомя их с различными точками зрения на предмет, с разнообразными теоретическими подходами, требуя, чтобы их подопечные читали тексты критически. Но дело не только в ином содержании обучения, но и в новом подходе к образовательному процессу в целом. Интерактивная, ориентированная на студента педагогика означает, что аудитория перестает быть местом, где происходит односторонняя передача знаний от преподавателя к студенту. Более того, общение педагога и его подопечных включает в себя не только чтение лекций, как это до сих пор происходит в большинстве учебных заведений мира. Вместо этого происходящее в аудитории обучение носит интерактивный характер. Именно здесь учащиеся могут обсуждать сделанные допущения и выводы, анализировать тексты и извлекать из них свою собственную интерпретацию, спорить, моделировать различные ситуации в играх¹ и учиться друг у друга, способствуя совместными усилиями демократизации процесса обучения. Однако чтобы подготовиться к такому демократичному процессу в аудитории, необходимо многому научиться за ее пределами. Чтобы сформулировать собственную позицию и даже сделать выводы, отличные от выводов преподавателя, учащимся следует заранее ознакомиться как с первоисточниками, так и с аналитическими текстами, посвященными темам, о которых пойдет речь в аудитории. В естественных науках, например, это может означать вовлечение студентов в процесс исследования, основанный на постоянных открытиях, то есть речь и идет о работе в лаборатории с самого первого дня обучения. Как сказал Грэхам Хатфул, исследователь из Медицинского института им. Ховарда Хагса Питтсбургского университета, «студенты должны заниматься наукой с первого дня, а не просто читать о том, как это делают другие».² Благодаря этому студенты способны предла-

¹ Дебаты и использование игр, подобных «Модели Объединенных наций», являются особенно эффективными инструментами обучения в классе. См., напр.: William W. Newmann, Judyth L. Twigg. (2000) Active Engagement of the Intro IR Student. A Simulation Approach. PS: Political Science and Politics. Dec. 2000. Vol. 33. No. 5. P. 835–842; Christopher C. Joyner (2003) Foreign Policy: Classroom Debates As Pedagogical Devices. ILSA Journal of International & Comparative Law. Winter 2003. Vol. 9. No. 2. P. 331. Влияние симуляций и дебатов распространяется далеко за пределы изучения внешней политики: исследования показывают, что они могут быть влиятельными инструментами в самых разных областях учебного плана, включая социальные и естественные науки, литературу.

² Исследования показывают, что «внедрение исследований, основанных на практических открытиях, — сложных, запутанных, настоящих — в раннем образовательном опыте может значительно улучшить результаты этого опыта. Студенты, участвующие

гать продуманные решения и делать заключения, отличные от тех, к которым пришел преподаватель. Роль преподавателя должна заключаться в том, чтобы помогать своим подопечным ориентироваться в материале, делать пояснения к их высказываниям, выражать собственную точку зрения и оценивать работу студентов. При этом он не должен находиться где-то на недостижимой высоте — быть непререкаемым авторитетом: отказываясь от лекционного формата, преподаватель должен частично пожертвовать и этим.

Безусловно, педагогический подход может видоизменяться в зависимости от личности преподавателя и изучаемого предмета. Система образования по модели свободных искусств и наук предоставляет педагогам свободу в выборе стиля преподавания. Здесь далеко не каждый преподаватель отдает предпочтение чисто сократическому методу. Более того, степень интерактивности может меняться в зависимости от предмета изучения: скажем, у курса по физике — иные задачи, иная структура, чем у курса истории. К тому же, независимо от личности педагога и предмета изучения, существуют определенные характеристики, которые должны преобладать в системе образования по рассматриваемой нами модели:

- 1) обучение должно происходить с использованием интерактивного способа;
- 2) студентов нужно поощрять к тому, чтобы они задавали вопросы и подвергали сомнению те или иные суждения;
- 3) у преподавателя нет монополии на знание;
- 4) значительная часть обучения происходит вне аудитории.

Процедуры, правила и организация учебного процесса по модели свободных искусств и наук

Теперь, когда мы проанализировали ряд ключевых характеристик и понятий, благодаря которым образование по модели свободных искусств и наук можно считать отдельной системой высшего образования, нам следует обратиться к реальности и сосредоточиться на

в исследованиях, получают лучшие оценки, демонстрируют больший интерес к специализациям в сфере STEM, тратят меньше времени на получение ученой степени и демонстрируют больший интерес к последипломному образованию». См.: www.hhmi.org/advance-science/building-authentic-research-experiences.

факторах, позволяющих такой системе существовать. Здесь мы рассмотрим несколько структурных элементов в цепочке «руководство вуза — учебный план — педагогика», а затем еще ряд более специфических моментов, связанных с преподаванием и педагогикой. Первая тема особенно важна, поскольку о ней слишком часто вспоминают в самом конце. Зачастую руководители вузов сосредоточены целиком на задачах преподавания и слишком мало внимания уделяют тем жизненно важным механизмам, благодаря которым система образования по модели свободных искусств и наук может функционировать.

Структурные элементы

Первым важным структурным элементом является административная структура: *академический календарь, система оценки студентов и расписание занятий должны укреплять такие основы либерального образования, как широта диапазона и глубина изучения, а не подрывать их.* Это может показаться банальным, но устройство подобных структур на удивление часто искажает процесс обучения.

Самый вопиющий пример я наблюдал в Центрально-европейском университете (ЦЕУ) в Будапеште¹ — новой и весьма прогрессивной «либеральной» (но не являющейся институтом свободных искусств и наук) организации, где я работал в середине 1990-х годов. Из-за спешки, с которой ЦЕУ был основан в самый разгар падения коммунизма, университет оказался в ловушке: при его создании были скопированы модели, характерные для вузов континентальной Европы, где факультеты обладают определенной автономией и успешно функционируют как отдельные организации. В ЦЕУ руководители факультетов создавали свои собственные академические программы от начала и до конца — целиком, в результате чего в сравнительно небольшом (пятьсот студентов) университете оказалось восемь факультетов с шестью академическими календарями, пятью системами оценки работы студентов и тремя вариантами академического часа. Таким образом, были созданы непреодолимые барьеры между факультетами, и учащиеся одних курсов практически не могли посещать занятия других (к примеру, второй триместр для студентов-политологов длился десять недель, тогда как

¹ В то время у Центрально-европейского университета, основанного Джорджем Соросом, были кампусы в Будапеште, Праге и Варшаве. На сегодняшний день остался только один кампус — в Будапеште.

для историков — шестнадцать). Само собой, подобная система препятствовала работе междисциплинарных программ, принципиально важных для самой сути такой организации.

В менее драматических случаях (и даже в той организации, где я работаю в настоящий момент) расписание бывает составлено таким образом, что студенты, к примеру, должны выбирать между точными науками и практическими искусствами. Таким образом, создается непреодолимый конфликт между различными дисциплинами, отрицательно влияющий на образовательный процесс (при этом с календарем и системой оценки работы студентов все может быть в порядке).¹

Второй важный структурный элемент, играющий значительную роль в системе образования по модели свободных искусств и наук, — норма, определяющая то количество времени, которое студенты проводят в аудитории, и число курсов, которые они могут прослушать в течение одного семестра. Поскольку преподавание в системе образования по модели свободных искусств и наук включает в себя ориентированную на студента педагогику и демократический порядок ведения занятий, то *учащиеся должны готовиться к работе в классе, самостоятельно читая тексты. От студентов также требуется предоставлять письменные работы.* Это значит, что учащиеся не в состоянии проводить в аудитории по шесть-семь часов ежедневно, а также не могут посещать десять, двенадцать или четырнадцать курсов в семестр, как это принято во многих странах бывшего Советского Союза. Подобный учебный план, зачастую отвечающий государственным требованиям, оставляет слишком мало времени для самостоятельной работы, и учащиеся целиком и полностью зависят от преподавателя как единственного источника знаний. В сущности, если учебное заведение последовательно в своей приверженности принципам свободных искусств и наук, то, на мой взгляд, большинству студентов следует ограничиться четырьмя или пятью (в крайнем случае, шестью) курсами стандартного объема в течение одного семестра. Возможны исключения, если часть курсов предполагает нагрузку, меньшую, чем в стандартных курсах (то есть менее трех-четырёх часов в неделю). Однако из этого не следует, что посещение занятий не имеет значения. Напротив, поскольку большое внимание уде-

¹ К примеру, мы выяснили, что у нас — в Бард колледже — студентов просто лишали возможности изучать точные науки, поскольку занятия по предметам этого цикла были назначены на понедельник и четверг (причем в четверг проводились длительные лабораторные работы), а большинство лекций по социологии, искусству и гуманитарным наукам проводились по понедельникам и средам или вторникам и четвергам.

ляется обучению в классе, то от студентов ожидаются регулярное посещение занятий и вклад в процесс обучения посредством вопросов и участия в дискуссиях. Классическая европейская система образования, где посещение лекций зачастую является необязательным, отличается от системы образования по модели свободных искусств и наук, в которой посещаемость настолько важна, что студенты, не присутствующие на занятиях регулярно, получают самые низкие оценки или оказываются неаттестованными.

Последний структурный элемент, вплотную связанный с вопросами преподавания, — занятие в аудитории. В двух словах: для того чтобы интерактивный процесс был возможен, *группа учащихся должна быть небольшой*. «Магического» числа студентов не существует, к тому же многое зависит от предмета обсуждения и личности педагога. Одно можно сказать с уверенностью: огромные аудитории, битком набитые учащимися, несовместимы с принципами образования по модели свободных искусств и наук. Большую часть классов для занятий следует обустроить так, чтобы сделать их пригодными для основательной дискуссии, а в некоторых классах можно создать уютную атмосферу научного семинара. Иными словами, нужно снимать напряжение, обычно испытываемое студентами.¹

Обратная сторона такого подхода в том, что он требует больших материальных затрат. В связи с этим нужно отметить, что некоторые крупные американские вузы (в том числе большие государственные университеты) разработали финансовые стратегии, позволяющие сокращать подобные затраты. В этих вузах большие курсы структурированы таким образом, что все студенты должны посещать лекции основного преподавателя, но потом класс делится на меньшие группы, которые регулярно встречаются в формате семинара, чтобы в деталях обсудить тему лекции и литературу по данному вопросу. Основная лекция может содержать интерактивные элементы, но такая интерактивность изначально ограничена, поскольку атмосфера большой аудитории и большое количество студентов значительно снижают индивидуальную активность. Так что подобная схема не идеальна.² Однако если эта схема разработана эффективно и во внимание приняты

¹ Желательно, хотя и не обязательно, не выстраивать стулья рядами перед преподавателем, а расставить их полукругом или вокруг стола. Это поможет разрушить барьеры и пригласить студентов к активному участию, а также будет способствовать демократизации образовательного процесса.

² Другая проблема американских вузов в том, что небольшие семинары часто проводятся аспирантами, не обладающими достаточным опытом преподавания и/или знанием предмета.

те факторы, о которых пойдет речь далее, то и таким образом можно соответствовать минимальным требованиям современной системы образования по модели свободных искусств и наук. Более того, если вспомнить об экономических условиях в большинстве стран, где есть интерес к такой модели, то такой путь может оказаться единственно возможным.

Преподавание и педагогика

Разговор о процедурах, правилах и установках, связанных с преподаванием и педагогикой, мы начнем с той подготовки, которая должна предшествовать встрече преподавателя со студентами в аудитории. Как уже говорилось, совершенно необходимо, чтобы учащиеся *заранее изучили литературу, посвященную обсуждаемым на занятии вопросам*. Интерактивное преподавание и демократизация учебного процесса ставятся под угрозу, если студенты предварительно не ознакомились с материалами занятия. Если такие материалы не предоставлены, то почвы для полноценной дискуссии практически нет, и учащиеся вынуждены главным образом задавать вопросы о тех или иных фактах. В подобном случае студенты находятся в невыгодном положении, не имея возможности оспорить трактовку преподавателя или не имея возможности учиться друг у друга.

Именно поэтому необходимо, чтобы студентам предоставлялась программа курса со списком литературы, где было бы указано конкретно, какие материалы нужно изучить к тому или иному занятию.¹ Длинный список рекомендованной литературы, столь распространенный во многих странах, не удовлетворяет критериям образования по модели свободных искусств и наук по двум серьезным причинам. Во-первых, нет никакой уверенности в том, что учащиеся будут знать, какие материалы следует просмотреть к тому или иному занятию, не говоря уже о том, что они просто могут проигнорировать значительную часть списка. Во-вторых, интерактивный процесс оказывается парализованным, если студенты не могут апеллировать к одним и тем же источникам.²

¹ Подобная программа может включать в себя и многое другое; например, в ней можно четко оговорить основные темы курса, свод вопросов, которые предстоит обсудить, советы по подготовке к занятиям и список рекомендованной литературы. Как будет сказано далее, в этой программе следует четко оговорить требования к учащимся и все те показатели, по которым впоследствии будет определяться окончательная оценка студента.

² Если вместо того, чтобы ознакомить студентов с программой курса в начале занятий, преподаватель решит выдавать им список литературы порциями — по мере прочтения курса,

Напрашивается логическое заключение: *у студентов должен быть доступ к рекомендованной литературе*. Независимо от того, приобретаются такие материалы в магазине или через Интернет, берутся в библиотеке или выдаются преподавателем, нужно убедиться в том, что у студентов есть к ним доступ. На память мне приходит один случай, возможно, воспринятый мной слишком субъективно: когда учащиеся одного курса отправились на поиски книги из списка обязательной литературы, выяснилось, что во всем городе существует только один экземпляр этого издания. В других случаях материалов могло вообще не оказаться в наличии. Как бы хорошо ни была составлена программа курса, она почти бессмысленна, если у студентов нет доступа к необходимой литературе. Из этого следует вывод, который возвращает нас к отнюдь не безоблачной реальности: чтобы система образования по модели свободных искусств и наук работала успешно, необходима серьезная финансовая поддержка библиотек и/или активное внедрение новых технологий.

Еще один момент, ключевой для преподавания и педагогики, — *оценка работы студента*. Существуют различные и разной степени эффективности методы оценки, но следует выделить те критерии, которые принципиально важны для системы образования по модели свободных искусств и наук. В особенности это касается открытости и ответственности, столь необходимых для демократического обучения. Во-первых, студенту должно быть совершенно ясно, из чего формируется его оценка. В программе курса должны быть четко прописаны поставленные перед студентом цели и задачи, а также то, как выполнение этих задач влияет на окончательный балл. Во-вторых, в современной системе образования по модели свободных искусств и наук особое внимание нужно уделить тому, чтобы оценивать работу студента на протяжении всего курса. Это значит, что на окончательную оценку влияет совокупность оценок, полученных студентом на промежуточных этапах. Сюда входят: промежуточные экзамены, заключительные экзамены, эссе, исследовательские работы, устные доклады, лабораторные исследования, художественные проекты и участие в обсуждениях тем (список может быть дополнен).

то теоретически он сможет подготовить учащихся к интерактивной дискуссии. Однако, судя по опыту, эта альтернатива значительно уступает первому варианту и по большому счету неосуществима. В реальности такой путь почти всегда заканчивается тупиком по ряду причин: студентам зачастую не удается достать материалы накануне занятия; те, кто пропустил предыдущую лекцию, не получают списка литературы; учащиеся не могут планировать свою подготовку к занятиям.

Необходимо упомянуть еще несколько важных вопросов. Современная система образования по модели свободных искусств и наук не приемлет тотальную зависимость оценки от заключительного экзамена, особенно если это устный экзамен, во время которого экзаменатор и экзаменуемый беседуют один на один (такой метод широко распространен в Европе и на постсоветском пространстве). Почему же дело обстоит именно так? Вспомним, что цель экзаменатора не просто в том, чтобы оценить знания студента, но и в том, чтобы помочь ему совершенствоваться. Однако заключительный экзамен, которому придается такое значение, не предоставляет возможности для обратной связи. Особенно проблематичны устные экзамены, поскольку их результаты не поддаются проверке. Такие экзамены демонстрируют всеисилие экзаменаторов, которые, как показывает опыт, в своей оценке слишком часто выходят за рамки учебной программы, а иногда могут руководствоваться мотивами, идущими вразрез с демократическими принципами, лежащими в основе как образования по модели свободных искусств и наук, так и либерального образования в целом. Значит ли это, что современная образовательная модель свободных искусств и наук отвергает заключительные экзамены как таковые? Конечно, нет. Заключительный экзамен, безусловно, влияет на оценку. Знания по некоторым предметам легче оценить с помощью такого заключительного экзамена, по другим — труднее. Суть в том, что в системе образования по модели свободных искусств и наук такой экзамен не должен быть доминантой процесса оценки. Результат этого экзамена нужно брать в расчет при выставлении окончательного балла, но он никак не может быть единственным и даже главным критерием оценки.

Говоря о необходимости оценивать работу студента на протяжении всего курса, следует упомянуть еще два момента. Первый касается характера заданий, предлагаемых учащимся. Для современной модели свободных искусств и наук крайне важно, чтобы студенты писали эссе и исследовательские работы. Если одна из основных целей такого типа образования — стимулировать у студентов способность выражать свои мысли, то учащимся просто необходимо совершенствовать свое владение пером. Впрочем, устные выступления играют не менее важную роль, и мой российский опыт подсказывает мне, что американским вузам следует уделять этому вопросу больше внимания. Тем не менее именно письменные работы лучше всего учат студентов анализировать чужие и обосновывать собственные утверждения, развивать и оттачивать свою мысль. Следует добавить, что в эпоху Интернета особенно важно культивировать у студентов способность к эффективной

исследовательской деятельности. Перед активными, вовлеченными в научный и творческий процесс людьми стоят новые задачи: вместо того, чтобы учиться добывать информацию, им теперь нужно учиться выуживать искомое из вороха доступных им материалов.

И, наконец, последний момент, связанный с оценкой работы студента, — обеспечение обратной связи. Идея образования по модели свободных искусств и наук подразумевает подробный и своевременный отзыв преподавателя о работе студента. Такой отзыв является одним из основных инструментов обучения, в особенности, когда речь идет о развитии исследовательских способностей и совершенствовании письменной речи. Я был свидетелем того, как педагогам удавалось оценивать студентов на протяжении всего периода занятий и задавать письменные работы исследовательского характера, но при этом не было возможности детально прокомментировать деятельность своих подопечных. В некоторых случаях педагоги ограничивались только кратким комментарием, а иногда просто ставили оценки. Этот момент отражает одну из главных трудностей системы образования по модели свободных искусств и наук: она требует от преподавателей значительных временных затрат, что в результате может недешево обходиться.

Дополнения

Есть еще несколько процедур, правил и установок, играющих важную роль в системе образования по модели свободных искусств и наук и поэтому заслуживающих упоминания, это:

- 1) правила приема должны быть ясными, честными и справедливыми — демократическая форма обучения не может начинаться с коррупции и злоупотребления властью;
- 2) преподаватели должны осуществлять научное руководство эффективно; поскольку система предоставляет студентам право выбора, при этом предъявляя им ряд требований, совершенно необходимо, чтобы студенты ощущали поддержку педагога;
- 3) система оценок должна быть хорошо развита и дипломы должны быть конвертируемыми; мы живем в эпоху размывания границ, когда молодежь стремится ко все большей мобильности, а значит, современная система образования по модели свободных искусств и наук должна гарантировать, что выпускники найдут себе применение и за пределами страны.

Первый шаг к этому — внятная и ясная система оценки знаний.

Чем образование по модели свободных искусств и наук... не является

Мы попытались дать определение современной системе образования по модели свободных искусств и наук и охарактеризовать процедуры, правила и установки, делающие существование такой системы возможным. А теперь, чтобы окончательно внести ясность, следует поговорить и о том, чем эта система не является. Ведь зачастую мы представляем себе эту систему образования чем-то вроде сосуда, наполняемого разнообразными идеями и гипотезами. Уделив внимание нескольким распространенным заблуждениям (о некоторых из них уже упоминалось выше), мы сможем избежать ложных выводов.

Во-первых, принципы образования по модели свободных искусств и наук соблюдаются отнюдь не только в так называемых колледжах свободных искусств, которые располагаются на территориях отдельных кампусов (*residential liberal arts colleges*) и нередко считаются лучшими образцами программ по подготовке бакалавров, ориентированных на развитие студента.¹ Самые известные международные исследовательские университеты, включая и крупные государственные учебные заведения, предлагают учащимся весьма успешные образовательные программы, реализующие модель свободных искусств и наук. Правда, в ряде случаев они идут на существенные компромиссы: преподаватели-почасовики и аспиранты ведут основной объем занятий, и, в отличие от колледжей свободных искусств и наук, располагающихся на территориях собственных кампусов, некоторые ведущие профессора редко соприкасаются со студентами бакалавриата. В других случаях создается отдельный факультет или институт внутри университета, иногда еще именуемый колледжем для одаренных студентов (*honors college*).² Подобный подход особенно хорошо работает в странах, где проводятся реформы образования, поскольку позволяет реформаторам организовывать образовательные структуры, реализующие модель свободных искусств и наук в уже существующих учреждениях. Таким образом, новоиспеченные институты могут воспользоваться ресурсами уже существующих университетов. В особенности это каса-

¹ Eugene M. Lang (1999) *Distinctively American: The Liberal Arts College*. Daedalus. Winter 1999. P. 133–150.

² Один из примеров — университет Мичигана, см.: www.lsa.umich.edu/lsa/parents/liberal_arts.

ется преподавателей, аудиторного фонда и библиотек. Преподаватели могут работать только на факультете свободных искусств и наук или вести «двойную жизнь», не оставляя своих постов на более традиционных факультетах/кафедрах.

Во-вторых, система образования по модели свободных искусств и наук не препятствует активной исследовательской работе преподавателей. На самом деле, несмотря на большую преподавательскую нагрузку, необходимо поощрять преподавателей в их занятиях научной работой. Преподаватели, которые активно вовлечены в научные исследования, чаще всего являются и лучшими педагогами, поскольку они более знающие и более увлеченные своим предметом специалисты, лучше представляют себе перспективные направления развития соответствующей научной области. Как утверждает Майкл Рот, президент Уэсли колледжа, одного из старейших и самых престижных американских колледжей свободных искусств и наук, «в программах свободных искусств и наук <...> модель «исследователь — педагог» означает, что наши преподаватели верят в замкнутый круг, объединяющий их научные изыскания с их преподаванием. Творческий импульс, который они получают в учебной аудитории, помогает им двигаться вперед в научной работе, что, со своей стороны активизирует их преподавание и стимулирует дальнейшее развитие учебного плана».¹

В-третьих, нет ничего несовместимого между подготовкой бакалавров по модели свободных искусств и наук и высокими международными рейтингами, на которых, увы, сегодня сфокусировано внимание такого значительного числа университетских руководителей. На самом деле, скорее обратное утверждение является правдой: большинство вузов, занимающих верхние строчки в самых востребованных мировых рейтингах (*Times Higher Education*, *Shanghai Index*, *QS* и т. п.), привержены образованию по модели свободных искусств и наук. Так, Йельский университет считает Йельский колледж «сердцем университета», где каждый год в рамках бакалаврской программы, построенной по модели свободных искусств и наук, предлагается более двух тысяч учебных курсов, что позволяет реализовывать замечательный как по широте охвата, так и по глубине освоения предметов учебный план.² Хотя в таких вузах размер классов обычно больше, чем в отдельных колледжах, и они в меньшей степени концентрируют

¹ Michael Roth. The Proper Role of Interdisciplinary Studies [www.huffingtonpost.com/michael-roth/the-proper-role-of-interd_b_471063.html].

² См.: www.yale.edu/academics/ downloaded.

свое внимание именно на подготовке бакалавров, особенно если речь идет о самых известных профессорах, которые в первую очередь заняты собственными исследованиями и работой с аспирантами, но, тем не менее, там реализуется образовательная модель свободных искусств и наук.

При этом стоит подчеркнуть, что встречаются ситуации, когда отдельные колледжи свободных искусств, предлагающие модель в самом чистом виде, обеспечивают очень высокое качество образования, вопреки тому, что даже лучшие из них не фигурируют в мировых рейтингах. У них просто слишком мало преподавателей, чтобы соответствовать критериям рейтингов, не говоря о том, что в методологии большинства рейтингов качеству подготовки бакалавров не придается достаточного значения. Так, если бы мы поменяли формулу некоторых исследований, чтобы оценить университеты по количеству нобелевских лауреатов, которые обучались там на уровне бакалавриата, а не преподавали, то тогда выяснилось бы, что у Суотмор колледжа больше таких выпускников, чем у Принстонского университета, а у Амхерста больше, чем у Стэнфорда. Рейтинги — плохой индикатор того, о чем должны беспокоиться преподаватели, и они не должны отпугивать тех, кто заинтересован в построении системы качественного образования на уровне бакалавриата по модели свободных искусств и наук.

В-четвертых, мы не должны думать, что система либерального образования приговаривает своих выпускников к вечной безработице. Многие работодатели, в том числе и те, кто связан с бизнесом и финансами, охотно берут на работу выпускников колледжей свободных искусств и наук.¹ Более того, многие из них сами закончили такие вузы². Действительно, система образования по модели свободных искусств и наук готовит выпускников к новым экономическим условиям, в которых гибкость и способность к адаптации являются гораздо более ценными качествами, чем верность одному месту работы на протяжении всей жизни.³ Уделяя большое

¹ Hart Research Associates. It takes More Than a Major: Employer Priorities for College Learning and Student Success: What Employers Want from College Graduates. Liberal Education. Spring 2013. Vol. 99. No. 2 [www.aacu.org/liberaleducation/le-sp13/hartresearchassociates.cfm, downloaded]. См. также: Richard H. Hersh (1997) The Liberal Arts College: The Most Practical and Professional Education for the Twenty-First Century. Liberal Education. Summer 1997. P. 26–33.

² См.: Richard H. Hersh.

³ Согласно докладу Всемирного банка о ситуации в образовании в странах Европы и Центральной Азии, переход от централизованной к рыночной экономике вызвал сильный рост потребно-

внимание развитию личности, воспитывая в студентах способность критически мыслить, решать проблемы и умело выражать свои мысли, система либерального образования воспитывает граждан, которые без труда ориентируются в меняющемся мире. И это — важная часть миссии данной системы образования. Возможно, в начале своей карьеры выпускники института свободных искусств кажутся менее подготовленными к рынку труда, но у них есть навыки как в исследовательской деятельности, так и в самостоятельном приобретении знаний, способность к решению проблем, и поэтому в долгосрочной перспективе они окажутся скорее более ценными сотрудниками, чем их более узко и специально образованные коллеги.

В-пятых, выпускники образовательных программ, построенных по модели свободных искусств и наук, не уступают выпускникам более традиционных институций в своей способности продолжать образование на уровне магистратуры и аспирантуры. Исследование Нобелевского лауреата Томаса Р. Сеча, посвященное оценке успешности выпускников колледжей свободных искусств и наук, продемонстрировало, что такие колледжи выпускают почти в два раза больше людей, получающих впоследствии докторские степени по точным и естественным наукам, чем программы бакалавриата в целом, и самые известные колледжи соперничают с лучшими исследовательскими университетами в степени эффективности производства будущих докторов наук.¹ В самом деле, на момент, когда проводилось исследование Сеча, колледжи свободных искусств являлись тремя из шести и одиннадцатью из двадцати пяти лучших американских учебных заведений в плане выпуска студентов, которые получают докторские степени по науке и технике.²

В-шестых, система образования по модели свободных искусств и наук вовсе не обязательно должна вы-

сти в легко обучаемых, способных решать проблемы и добывать нужную информацию работниках. Доступный международный тест продемонстрировал, что в этом отношении страны Европы и Центральной Азии находятся далеко позади стран ОЭСР (OECD). См.: *Berryman S. E. Hidden Challenges to Education Systems in Transition Economies. The World Bank Europe and Central Region. Human Development Sector. September 2000. P. 113.*

¹ *Cech T. R. (1999) Science at Liberal Arts Colleges: A Better Education? Daedalus. Winter 1999. P. 213.* Сеч продолжает: «Приведу субъективный пример: когда самые успешные ученые сравнивают уровень образования в своих институтах свободных искусств с уровнем большого исследовательского университета, они в большинстве своем считают, что именно институт помог им добиться карьерных вершин».

² *Ibid. P. 200.*

теснять уже существующую систему образования. Эта модель может сосуществовать и даже продуктивно взаимодействовать с более традиционными системами. Один важный момент, который стоит отметить из нашего российского опыта, показывает, что в России преподаватели, работающие как по программе свободных искусств и наук, так на традиционных факультетах, используют методики новой модели в своей педагогической практике в более традиционном контексте. Значит, факультет свободных искусств и наук совсем не обязательно конкурирует с другими частями университета: речь идет о взаимодополнении, а не о конкуренции.

В-седьмых, образовательные программы, реализующие модель свободных искусств и наук, не должны ассоциироваться исключительно с либеральной идеологией. В самом деле, если эти программы призваны воспитывать людей с критическим мышлением и активных граждан, то необходима убежденность, что студенты получают представление о целом ряде перспектив, в том числе и более консервативных. В учебном заведении такого рода студенты смогут подробно ознакомиться со всем спектром политических идей и направлений в современном обществе.

И, наконец, система образования по модели свободных искусств и наук не является чем-то неподвижным. Одна из причин, по которой эта система существует столь долгое время, — способность модифицировать свои правила и установки в соответствии с меняющимися обстоятельствами. По мере появления технологических новшеств будут совершенствоваться и педагогические методики. Распространяясь по всему земному шару, система образования по модели свободных искусств и наук будет впитывать традиции различных народов и адаптироваться в новых условиях. Многие структурные элементы этой системы остаются неизменными, но все же она не стоит на месте.

Заключительные размышления

Написание данной работы в значительной степени вызвано растущим интересом к образованию по модели свободных искусств и наук во всем мире. Тем не менее, пока потенциальные реформаторы и их союзники задумываются о возможном внедрении этой модели у себя дома, хочу предупредить их о тех трудностях, которые могут встретиться им на пути.

Первая трудность. Система образования по модели свободных искусств и наук требует серьезных затрат — не только финансовых. Здесь необходимо большее ко-

личество преподавателей и помещений, чем в других системах высшего образования. Высокие требования предъявляются к библиотеке и компьютерной сети, где должно быть размещено внушительное количество материалов, служащих для подготовки к занятиям. Нужны и существенные административные ресурсы для того, чтобы управлять такой сложной структурой. Учитывая возросшую нагрузку на государственные бюджеты, потенциальным реформаторам необходима творческая жилка, чтобы адаптировать к своим условиям эту систему, которая откроет путь «в большой мир», о чем многие так мечтают.

Вторая трудность. Учебный план программы свободных искусств и наук может существенно расходиться с государственными образовательными стандартами. В странах с довольно жестким государственным регулированием в сфере образования (где оговаривается очень многое — от величины учебной нагрузки до содержания преподаваемых дисциплин) нужно либо рассчитывать на понимание со стороны государства, либо искать нестандартные решения при составлении учебного плана. Факультету свободных искусств и наук (Смольному институту) СПбГУ в России повезло, так как Министерство науки и образования настолько положительно восприняло новую форму обучения, что, в сущности, разрешило одну из самых смелых реформ образования в посткоммунистической Европе. Далеко не все министерства поступят так же.

Третья трудность. Преподавание в системе образования по модели свободных искусств и наук может оказаться очень непростой задачей для тех, кто привык к обычному дидактическому подходу чтения лекций, а тем более для тех, кто делал это десятилетиями. Демократизация процесса обучения может оказаться невероятно трудной, особенно когда студенты попытаются оспорить суждения преподавателя. Более того, как упоминалось ранее, проблема может быть и в необходимых дополнительных затратах времени: от преподавателей требуется готовить программу курса и проверять, легко ли доступна обязательная литература, читать многочисленные письменные работы и составлять на них подробные отзывы. Там, где педагоги по экономическим причинам вынуждены занимать две, а то и три ставки, у них просто не хватает времени на то, чтобы соответствовать требованиям системы образования по модели свободных искусств и наук.

При этом многие из тех педагогов, кто недавно стал работать по этой системе, чувствуют себя свободнее и получают большее удовлетворение от работы. Они с радостью меняют свои старые конспекты и абсолютную власть над аудиторией на новую обстановку, в которой возможны плодотворное взаимодействие и инте-

ресная дискуссия. Разнообразный учебный план также помогает им обсуждать со своими студентами свежие темы и создавать новые междисциплинарные курсы.

Четвертая трудность. Нужно серьезно задуматься над тем, как выпускники бакалавриата факультета свободных искусств и наук могут адаптироваться в магистерских программах, разработанных для выпускников учебных заведений с более интенсивной профессиональной подготовкой в соответствующей области. Глубина изучения предмета, которую гарантирует система образования по модели свободных искусств и наук, должна подготовить студентов к таким программам, но в этом будет непросто убедить тех педагогов и администраторов, которые больше привыкли подсчитывать количество пройденных курсов, нежели учитывать качество обучения. В некоторых случаях нужно приложить усилия для того, чтобы достичь договоренности и беспрепятственно перевести студента на такую программу. Но это не значит, что выпускники института свободных искусств боятся испытаний. Это не так, и лучшим примером тому является американский опыт образования в области точных, естественных, технических наук, о котором упоминается в уже цитировавшейся работе Томаса Сеча. А казалось бы, в таких областях выпускники программы свободных искусств и наук не должны составлять конкуренцию выпускникам традиционных вузов.

Система образования по модели свободных искусств и наук не является панацеей, которая может решить все проблемы общества. Тем не менее, если такая система организована должным образом, то она сумеет воспитать в студентах способности, необходимые как для активной жизни в гражданском обществе, так и для научной и профессиональной карьеры. В странах, где высшее образование находится под гнетом узкой специализации и дидактических методик в преподавании, образование по модели свободных искусств и наук может стать той альтернативой, которая получит поддержку студентов и преподавателей. Эту систему не так просто внедрить, но результат, безусловно, оправдает затраченные усилия.

Эффективные педагогические практики¹

Краткий обзор

Приведенные ниже практики преподавания и обучения были повсеместно испытаны и показали свою эффективность при обучении на уровне бакалавриата для студентов с различным уровнем базовой подготовки. Эти практики могут реализовываться в разных формах в зависимости от специфики студенческого контингента, от институционального контекста и приоритетов.

На многих кампусах анализ вовлеченности студентов в активные формы учебного процесса, подобно описываемым ниже примерам, позволил оценить вклад конкретных практик в общее развитие студентов в ходе обучения. Однако почти всюду использование активных учебных практик носит несистематический характер в ущерб качеству обучения. Ниже речь идет о кратких описаниях эффективных практик, которые, согласно результатам проведенных исследований, повышают процент студентов, успешно заканчивающих весь курс обучения и увеличивают вовлеченность студентов в учебный процесс. Кроме того, уделяется особое внимание тому, почему именно данные типы практик являются эффективными, каким студентам они доступны, и, наконец, какова разница их воздействия на студенческий контингент с различным уровнем и характером подготовки.

Семинар первого года

Многие колледжи сегодня стараются включить в свой учебный план семинары первого года или аналогичные обязательные курсы, когда поток студентов разделяется

¹ Предлагаемый текст является выдержкой из доклада, прочитанного Джорджем Д. Кухом. High-Impact Educational Practices: What They Are, Who Has Access to Them, and Why They Matter (AAC&U, 2008). Текст оригинала см.: www.aacu.org/leap/hips.

на небольшие группы и на ответственных за них преподавателей, с занятиями, происходящими регулярно в течение всего первого года. В такого рода эффективном учебном опыте в первый год обучения акцент обычно делается на развитии способностей критического анализа, частых письменных заданиях, на повышении информационной грамотности, активном использовании форм групповой работы и другие умения, которые развивают у студентов интеллектуальные и практические компетенции.

Семинары первого года могут вовлекать студентов в изучение самых животрепещущих проблем научного знания и знакомить с собственными исследованиями преподавателей.

Коллективный интеллектуальный опыт

Старая идея «основной части» учебного плана трансформировалась во множество современных форм — таких, как набор обязательных общих учебных курсов или вертикально организованную программу общеобразовательных дисциплин, включающую и углубленный междисциплинарный компонент на продвинутом этапе, и/или требует работы в составе студенческого коллектива. Эти программы обычно сочетают широкий набор тем (например, технологии и общество, глобальная взаимозависимость) с большим количеством разнообразных учебных и дополнительных курсов для студентов.

Студенческие сообщества

Основная цель студенческих сообществ заключается в том, чтобы создавать возможности для образовательного опыта, выходящего за рамки учебных дисциплин и вовлекающего студентов в решение «больших вопросов», которые значимы за пределами аудитории колледжа.

Группа студентов берет два или более связанных между собой курса и работает вместе со своими профессорами. Многие студенческие сообщества изучают одни и те же вопросы и/или работают с одной и той же литературой с точки зрения разных дисциплин. Некоторые сознательно связывают «свободные искусства» и сугубо «профессиональные дисциплины», другие же отводят важнейшее место практически полезной деятельности на благо общества.

Курсы с большим объемом письменных заданий

Курсы, где сделан акцент на большом количестве письменных заданий, входят в учебный план в контексте самых разных предметных областей и на всех этапах обучения, включая и написание дипломной работы. Студентов поощряют к совершенствованию навыков письма, а также редактирования письменных работ, предназначенных как для разных целевых аудиторий, так и связанных с разными дисциплинами. Эффективность этого постоянно повторяющегося разнообразного опыта письма привела к одновременной динамике в развитии таких умений, как количественная и информационная грамотность, устное общение, а в некоторых кампусах и к навыку рассуждения об этических проблемах.

Коллективные задания и проекты

Коллективное обучение сочетает в себе две основные цели: учиться работать и решать проблемы в группе и совершенствовать собственное понимание благодаря готовности внимательно прислушиваться к позиции других людей, и особенно тех, у кого другая биография и другой жизненный опыт. Подходы варьируются от групповой работы в рамках одного курса до групповых устных и письменных заданий и совместных проектов и исследований.

Студенческая научно-исследовательская работа

Во многих колледжах и университетах студентам предоставляется возможность проводить научные исследования практически в любой дисциплинарной области. Однако активнее всего научно-исследовательская деятельность студентов-бакалавров развивается в области естественных и точных наук. И благодаря поддержке Национального научного фонда и ученого сообщества в целом, преподаватели перерабатывают свои курсы, чтобы связать ключевые концепции и темы с ранним и активным вовлечением студентов в систематические исследования. Цель состоит в том, чтобы привлечь студентов к изучению актуальных проблем, эмпирическому наблюдению, ультрасовременным технологиям и зараз-

ить азартом, возникающим в процессе поиска ответов на действительно важные вопросы.

Изучение многообразия мира

Многие колледжи и университеты уделяют внимание курсам и программам, которые помогают студентам открыть для себя культуры, жизненный опыт и мировоззрение, отличные от их собственного. Такие курсы могут быть посвящены как культурному разнообразию в самих США, в мире в целом, так и тому и другому вместе, и в них изучаются «непростые различия» — расовое, этническое и гендерное неравенство, или посвящены продолжающейся по всему миру борьбе за права человека, свободу и власть. Часто изучение разных культур дополняется опытом работы с местными сообществами или опытом обучения за рубежом.

Практическое обучение с элементами общественной деятельности

В этих программах обучение осуществляется в сотрудничестве с партнерами колледжа из местного сообщества, и практическая работа в этом случае является обязательной частью курса. Идея заключается в том, чтобы предоставить студентам возможность получения опыта практической работы, связанного с предметами, изучаемыми ими в рамках учебной программы, и помочь проанализировать и решить проблемы, которые могут возникнуть на рабочем месте. Важным моментом программ является возможность применения полученных знаний в реальных рабочих условиях, а затем обсуждения полученного опыта в аудитории. В основе таких программ лежит идея о том, что колледж, будучи частью местного сообщества и используя его ресурсы, должен со своей стороны помогать этому сообществу, и что работа с местными партнерами помогает подготавливать студентов к активной гражданской жизни и будущей работе.

Стажировки

Стажировки являются другой распространенной формой практического обучения. Идея состоит в том, чтобы студенты могли получить опыт на рабочем месте,

связанный с их возможной будущей карьерой, и в ситуации непосредственного взаимодействия с профессионалами в выбранной области, которые осуществляют руководство и делятся со студентами своими советами. Если стажировка входит в расчет общей учебной нагрузки, то тогда студенты готовят итоговый проект или письменную работу, оцениваемую преподавателем.

Ключевые курсы и проекты

Называются ли такие курсы «ключевыми» (*capstone*) либо как-то иначе, они представляют собой кульминацию образовательного опыта студента, завершающего свое обучение в колледже. От студента ожидается завершение работы над каким-то проектом, в результате которого должно быть продемонстрировано и применено все то, чему студент научился за все время обучения. Этот проект может быть дипломной работой, представлением, портфолио «лучших работ» или выставкой произведений.

Ключевые проекты могут выполняться как в рамках требований программ специализации, так и в качестве общеобразовательного требования.

Развитие высоких мировых стандартов бакалавриата: образование по модели свободных искусств в XXI веке¹

Недостатки бакалавриата

Высшее образование приобретает массовый характер, и бакалавриат с его недостатками становится предметом напряженных дискуссий и глубокого анализа. В основном критику вызывают плохие результаты обучения, слабая вовлеченность студентов в учебный процесс, небольшой процент первокурсников, продолжающих обучение на следующий год, а также неизменность или уменьшение доли учащихся, закончивших обучение. Условия ухудшаются: лекционные аудитории переполнены, соотношение числа преподавателей к числу студентов падает, связь между исследовательской и преподавательской работой ослабевает, преподавате-

* Декан и основатель Амстердамского университетского колледжа, профессор в области инноваций в высшем образовании Свободного университета Амстердама (the Vrije Universiteit Amsterdam — VU), почетный профессор CHEPS Университета Твенте. Занимала пост президента, в настоящее время является вице-президентом Управляющего совета IMHE/OECD; член Международного консультационного совета Центра изучения университетов мирового класса, Шанхайского университета Цзяо Тун, член Higher Education Authority Ireland, а также различных национальных и международных редакционных советов.

¹ Настоящий текст является переводом статьи: *Marijk van der Wende. Trends towards Global Excellence in Undergraduate Education: Taking the Liberal Arts Experience into the 21st Century*. Center for Studies in Higher Education. University of California, Berkeley. 18.12 (December 2012). См. оригинал по адресу: www.cshe.berkeley.edu/publications/trends-towards-global-excellence-undergraduate-educationtaking-liberal-arts-experience.

ли теряют интерес к работе с бакалаврами. Более того, несмотря на значительные усилия, сохраняется и даже растет неравенство, — начальное высшее образование становится менее доступной общественной услугой. Как резюмировал Маскатин, «продукт современного образования — если не принимать в расчет совсем небольшое число хороших студентов с хорошими результатами после качественных курсов, — едва ли можно назвать отличным или экономически целесообразным» [2009, 51]. Даже самые лучшие университеты разочарованы уровнем бакалавриата [Bok 2006; Lewis 2006].

Образование на уровне бакалавриата, будучи главной миссией университета, показывает безрадостные результаты, уровень научно-исследовательской работы, напротив, растет. Вдобавок к доминирующей парадигме «публикуй или погибнешь», согласно которой научная деятельность является единственно значимой задачей академического сообщества, мировые рейтинги еще сильнее подстегнули стремление к высоким научным показателям. Во многих странах масла в огонь подлили и инвестиции в науку, направленные на рост научных достижений и репутации ведущих государственных учреждений [Palfreyman, Tapper 2009]. Очевидно: то, что измеряют рейтинги, к образованию не имеет никакого отношения. Престиж вряд ли построишь на успехах в преподавании. Программы, которые ставят во главу угла качество преподавания, требуют больших затрат при повсеместном внедрении. Кроме того, их гораздо меньше, чем образцовых научно-исследовательских институтов.

Ущерб для бакалавриата прямо пропорционален растущему преобладанию исследовательской работы, и тот факт, что мировые рейтинги лишь усугубляют его положение, подтверждается и признается многими вузами.¹ В этом смысле бакалавриат в исследовательских университетах подвергается большему риску, чем профессиональное или постдипломное образование. Ему редко придают первостепенное значение. Более того, порой создается впечатление, что начальная ступень высшего образования превратилась в главную проблему исследовательского университета, вероятно, даже помеху личным или институциональным достижениям на пути к мировому престижу. Разделяя подобную точку зрения, некоторые с готовностью заявляют, что единственная действенная модель конкурентоспособного на мировом рынке исследовательского университета

¹ Обзор см.: M. C. van der Wende (2008) Rankings and Classifications in Higher Education. A European perspective. In: Higher Education Handbook of Theory and Research. J. C. Smart (ed.). Vol. 23. Springer. P. 49–71.

непрерывно подразумевает увеличение и рост доли магистрантов и аспирантов.

Тем не менее, бакалавриат останется краеугольным камнем любой системы высшего образования и, следовательно, миссией каждого работающего в этой области учреждения, включая исследовательские университеты. Можно утверждать, что качество и будущее научной работы и исследовательских университетов в значительной степени зависят от качества подготовки бакалавров [Elkana, готовится к печати], а результаты, демонстрируемые студентами на этой образовательной ступени, являются главным показателем потенциала экономики знаний. Следовательно, как студенческий спрос, так и общественные ожидания будут расти. оплакивание старых добрых времен высшего образования для избранных и гумбольдтианских идеалов бесполезно и, как показывает практика, препятствует возможностям и развитию бакалавриата в XXI веке.

Маятник качнулся: переопределение высоких стандартов преподавания и обучения...

Решающая роль высшего образования в развитии человеческих ресурсов для растущей мировой экономики широко признана и в доказательствах не нуждается. Именно благодаря ей возобновилась дискуссия об образовательных целях и появилось понимание необходимости заново сформулировать миссию университета, которая отводит первостепенное значение преподаванию и учебному плану [Altbach et al. 2009; 2011]. Более того, важнейшее значение в эпоху глобализации и бюджетных ограничений приобретают вопросы, связанные с подготовкой квалифицированных кадров без потери ресурсов. Таким образом, широкое обсуждение того, как контролировать высшее образование на предмет результатов обучения становится неизбежным [Arum, Roksa 2011]. Маятник качнулся.

В то же время дискуссии о высоких стандартах образования, или «университете международного класса», которые ведутся во всем мире, позволили лучше понять риски несбалансированного подхода, который поощряет достижения в одной области (научно-исследовательская работа) и пренебрегает результатами в другой (обучение), совершенно не принимая во внимание тот факт, что они обе представляют собой существенные и неотъемлемые элементы миссии университета. Следовательно, необходимость разграничения, то есть расширение ряда параметров для определения высоких

стандартов, а также методов выполнения этой задачи, признается все большим числом экспертов [Marginson, Van der Wende 2009; Van Vught 2009; Van der Wende 2011a]. Попыткой практической реализации этой идеи стала Европейская инициатива по разработке комплексной мировой системы университетских рейтингов — *U-Multirank*,¹ где отдельно оцениваются результаты преподавания и обучения.

Обе эти тенденции привели к (пере-)определению высокого стандарта преподавания и обучения как одного из ряда институциональных показателей (высокие стандарты в преподавании и научно-исследовательской работе). Также растет число вузов, которые хотят ассоциироваться и заслужить отличную репутацию, главным образом своей преподавательской миссией. Сегодня необходима соизмеримость результатов преподавания и обучения в разных странах мира. Надежные индикаторы и критерии для их оценки еще предстоит разработать. Проект ОЭСР (Организации экономического сотрудничества и развития — *OECD*) по оценке результатов обучения в высшем образовании (*Assessment of Higher Education Learning Outcomes — AHELO*)² должен стать значительным шагом в этом направлении.

Для образовательных учреждений (пере-)определение высоких стандартов в преподавании и обучении подразумевает рост понимания того, чему необходимо обучать, почему и как. Оно требует перспективного взгляда на ценности, знания и навыки, необходимые в XXI веке.

... и возобновление интереса к образованию по модели свободных искусств

В США поводом для обсуждений необходимых реформ стала не только самокритика, но и существенные попытки определить траекторию дальнейшего развития. В отчете LEAP (*National Leadership Council for Liberal Education and America's Promise*)³ «*College Learning for the New Global Century*» был представлен убедительный набор «важных учебных результатов» и «принци-

¹ См.: www.u-multirank.eu.

² См.: www.oecd.org/edu/ahelo.

³ LEAP — инициатива Американской ассоциации колледжей и университетов (AAC&U), отстаивающая важность либерального образования в XXI веке и возможности для всех американских студентов обучаться по модели свободных искусств и наук.

пов достижения высоких стандартов в образовании» [AAC&U 2007]. Отчет также включал обзор и консolidированное мнение о состоянии либерального образования членов Американской ассоциации колледжей и университетов (AAC&U), в которой состоят более одной тысячи двухсот учреждений. Значимый вклад в переосмысление либерального образования в плане новых педагогических методик был внесен Левиным [2006] и стал результатом длительной работы различных профильных организаций.¹

По утверждению Альтбаха, возобновившаяся дискуссия о ценности и возможной потребности в либеральном образовании ведется не только в США, но и во многих других странах мира, что подчеркивает значение широкой междисциплинарной учебной программы, нацеленной на развитие творческих способностей, инициативности, критического мышления, уважения к традициям и культуре других народов, умения решать задачи и коммуникативных навыков [2009, 109]. С восстановлением свободных искусств и наук в качестве главной цели учебного плана многие вузы стали уделять больше внимания преподаванию и учебно-методической работе [2011, 249]. Нассбаум отмечает, что университеты многих стран, помимо США, работают над внедрением принципов свободных искусств в существующие учебные программы. Они признают важность этой модели в выработке ответов на проблемы плюрализма, взаимного страха и подозрительности, с которыми сталкивается общество [2010, 125].

В Европе обсуждение свелось главным образом к реформе структуры образования благодаря Болонскому процессу. Он привел к тому, что бакалавриат стал отдельной, самостоятельной ступенью образования и способствовал (воз-)рождению программ свободных искусств в Европе. Отчасти такое положение дел можно считать ответной мерой на необходимость дифференцировать массовые европейские образовательные системы по двум главным критериям. Первый связан с необходимостью разработать более широкие и гибкие бакалаврские программы для того, чтобы исправить недостатки слишком ранней и чрезмерной специализации, восстановить баланс между широтой и глубиной учебного плана, таким образом увеличив эффективность обучения. Второй — с необходимостью запустить программы высшего образования, которые более избирательно подходят к приему студентов и нацелены исключительно на высокое качество и стандарты об-

¹ The American Academy for Liberal Education (AALE), the TEAGLE Foundation, the Center of Inquiry in the Liberal Arts at Wabash College.

разования, то есть необходимостью пересмотреть содержание и структуру элитарного образования в современных чрезмерно эгалитарных образовательных системах [Van der Wende 2011b].

Показательным примером являются Нидерланды, где с 1998 года ведущими исследовательскими университетами — Утрехтским, Амстердамским, Лейденским и Маастрихтским — были основаны пять колледжей свободных искусств и наук. Эти так называемые университетские колледжи представляют собой новое направление в системе высшего образования страны и ориентированы на высокие стандарты качества. Их учреждение стало ответом на критику в адрес университетского образования, демонстрирующего недостаточный уровень дифференциации, как отмечалось в отчете ОЭСР 2008 года. Документ указывал на то, что в стране мало программ, нацеленных на высокие стандарты качества, что должна быть усилена международная составляющая, а слишком ранней специализации следует избегать. Университетские колледжи стали ответом на критические замечания по всем этим пунктам.

Амстердамский университетский колледж (АУК) был основан в 2009 году совместными усилиями Амстердамского университета и Свободного университета Амстердама. АУК — это международная образовательная программа, построенная на принципах свободных искусств и наук. Колледж, обладающий собственным кампусом с общежитиями, предъявляет высокие требования к поступающим. Выпускники получают общий диплом двух основавших колледж университетов. Тот факт, что два крупнейших исследовательских вуза Амстердама объединили усилия для создания бакалаврской программы по модели свободных искусств и наук, является примером «сотрудничества на местном уровне с целью конкурентоспособности на мировом рынке». Предпосылкой такой кооперации послужило представление о том, что лидеры будущего должны будут работать вне национальных, культурных и дисциплинарных рамок, чтобы быть успешными в глобализированном и многообразном в культурном отношении обществе XXI века. Отсюда следует выбор модели свободных искусств и наук.

Нидерландские университетские колледжи недавно получили особый юридический статус, наделяющий их большей автономией по сравнению с обычными университетскими программами, которая заключается в установлении собственных правил отбора студентов и платы за обучение. Эта образовательная модель привлекла к себе внимание других европейских стран. Так, ряд подобных колледжей возник в Германии. Государственный Научный совет страны рассматривает эту образовательную модель в качестве элемента буду-

щей дифференциации системы высшего образования [Wissenschaftsrat 2011].

Совершенно ясно, что изменения в Соединенных Штатах и Европе не происходят независимо друг от друга. Это, в частности, отмечает и Ротблат [2003]. Он также считает, что транснациональный диалог о высшем образовании приобрел бóльший смысл, когда массовый характер высшего образования в Европе вынудил политиков обратиться к более дифференцированным и специализированным системам высшего образования, включая такую модель бакалавриата, как свободные искусства и науки. Тем не менее, у американской и европейской моделей либерального образования есть как сходства, так и различия.¹

Вновь возникший интерес к модели свободных искусств не ограничивается вышеупомянутыми регионами. Как пишет Кирби [2008], ведущие китайские университеты наряду с американскими коллегами уверены в значимости общего и либерального образования, в основе которого лежит приверженность к воспитанию цельной личности, а не только подготовка специалиста, что может показаться парадоксальным в век господства науки и технологии, вынуждающий к более ранней и узкой специализации. Тем не менее, именно фокус на воспитание цельной личности, который восходит к конфуцианским представлениям об образовании, в настоящее время является краеугольным камнем образовательной реформы в главных вузах Китая. В результате текущих изменений в элитных университетах страны — Пекинском, Фуданьском, Чжэцзянском, Уханьском и Университете имени Сунь Ятсена — появились небольшие колледжи, предлагающие бакалаврские программы в духе свободных искусств и наук. В других университетах были открыты программы общего образования, специализация отложена на второй год обучения и введены более широкие образовательные требования (например, все студенты Пекинского университета, даже те, кто получает сугубо профессиональную подготовку, берут общеобразовательные курсы по литературе, философии и истории); или были внедрены учебные планы, построенные на принципах свободных искусств и наук. Единый международный колледж является первым независимым колледжем свободных искусств и наук в Китае.

В Восточной Азии преимуществами увеличения бакалаврской ступени с трех до четырех лет воспользовались в Гонконге: в учебном плане нового бакалавриата

¹ Обзор см.: M. C. van der Wende (2011) The Emergence of Liberal Arts and Sciences Education in Europe: A Comparative Perspective. In: Higher Education Policy. Vol. 24. P. 233–253.

первые два года обучения организованы главным образом по модели свободных искусств и наук. Некоторые ведущие японские университеты также рассматривают возможность подобных преобразований. Программы либерального образования заработали в Тайване, а недавно Национальный университет Сингапура объявил о планах по открытию колледжа свободных искусств и наук в партнерстве с Йельским университетом. Похожие инициативы появляются и в других регионах, например на Ближнем Востоке. Так, Нью-Йоркский университет недавно запустил полноценный колледж свободных искусств и наук с собственным кампусом в Абу-Даби. Среди заслуживающих упоминания прошлых примеров — основанный в 1866 году Американский университет в Бейруте и Американский университет в Каире (основан в 1919 году). В последнее время учебные программы, построенные по модели свободных искусств и наук, появились в России, Центральной и Восточной Европе, Центральной Азии, Палестине и Бангладеше. Высшие учебные заведения, пытающиеся объединить широту образования, которую дают свободные искусства и науки, со специальным профессиональным образованием, работают в Турции, Индии и Южной Африке [McGill 2011].

То, что во всем мире вновь заговорили о ценности и потенциальной потребности в свободных искусствах и науках свидетельствует как о расширении подходов к составлению учебных планов в эпоху возросшей глобализации и интернационализации, так и о быстрой смене направлений развития образования в мировом масштабе. Но чем именно обосновано появление интереса к свободным искусствам и наукам и каковы его цели? В какой степени эта тенденция является «мировой»? Каким образом новый курс на либеральное образование соотносится с определением высоких стандартов и требований к бакалаврскому образованию в XXI веке?

Определение мировых стандартов качества образования: движущие силы модели свободных искусств в XXI веке

Образование по модели свободных искусств и наук должно давать широту дисциплинарного охвата и глубину изучения предмета. Оно должно сочетать широкие знания о культуре, науке и обществе с углубленным изучением отдельной интересующей студента сферы. При этом такое образование призвано помочь студентам в развитии чувства социальной ответственности, а также совершенствовать важные и универсальные

интеллектуальные и практические навыки: умение общаться, способность анализировать и решать поставленные задачи, применять полученные знания и навыки в реальной жизни.

Аргументы в пользу этого подхода к бакалавриату в XXI веке можно разделить на три широкие категории.

Первая категория аргументов носит *эпистемологический* характер и относится к развитию знания. Самые перспективные научные исследования ведутся на стыке традиционных дисциплин. Некоторые «главные вопросы», стоящие перед наукой и обществом в целом, не поддаются решению в рамках одной дисциплинарной области. Поэтому при изучении таких областей, как климатические изменения, энергия, здоровье и благополучие человека, упор делается на кросс- и междисциплинарные исследования. Эта тенденция должна найти отражение и в образовательных программах вузов.

Следующая категория аргументов имеет *экономический, утилитарный* характер и относится к трудоустройству выпускников. Обществу, живущему по законам экономики, основанной на научных знаниях и инновациях, а также глобальной конкуренции, требуются так называемые навыки XXI века. Обладающие ими выпускники вузов могут творчески и критически мыслить, решать задачи, работать в команде и общаться, невзирая на языковые, культурные и дисциплинарные барьеры.

Третья категория аргументов говорит о *нравственных и социальных* аспектах, а также о гуманистической традиции либерального образования. Подчеркивается важность воспитания цельной личности, личного и интеллектуального развития, а также социальной ответственности гражданина и подготовки активных участников демократического общества.

Схема 1

Как показано на схеме и как будет описано подробнее ниже, эти аргументы не являются взаимоисключающими. До некоторой степени они взаимосвязаны. Принципиально новыми их назвать нельзя, однако сле-

дует заметить, что первые две категории аргументов обусловлены развитием мировой инновационной экономики, которая в значительной степени определяет начальное высшее образование в XXI веке. Третья категория, социально-нравственные аргументы, гораздо сложнее по сравнению с двумя другими поддается переопределению в современных условиях. Нам не кажется, что ей свойственна конвергентность в политическом и идеологическом смысле. Более того, между экономическими и социально-нравственными аргументами могут возникать противоречия. Растущий упор на утилитарность образования, по утверждению Нассбаума [2010], может наносить урон гуманистическим традициям и ценностям.

Междисциплинарность и роль дисциплин

Если раньше междисциплинарность была свойственна исключительно магистерским, аспирантским и исследовательским программам, то сейчас она все в большей степени признается ключевым компонентом высоких стандартов качества бакалавриата. Знакомство с примерами из реальной жизни, крупными тематическими областями и «главными проблемами человечества» с первого года обучения позволяет студентам расширить интеллектуальные горизонты, мотивирует их к обучению, а также помогает решить проблему с посещаемостью занятий и больше не навевает скуку [Elkana, готовится к печати]. Обучение предстает в другом свете и приобретает новый импульс, когда студенты вовлекаются в процесс через решение важных вопросов, которые имеют непосредственное отношение к их собственному жизненному опыту, истории и целям [Muscatine 2009]. Кроме того, этот подход приводит к более осознанному выбору области специализации в будущем. Например, физику и химию студент выберет для лучшего понимания проблем рационального и экологичного природопользования. Конечно, междисциплинарный подход не может заменить скрупулезного преподавания отдельных дисциплин. Подлинная междисциплинарная работа предполагает не только широкое междисциплинарное мышление, но и способность грамотно общаться с экспертами в различных областях. Для этого необходима углубленная подготовка как минимум по одной, а в идеале по двум дисциплинам. По мнению Гарднера, «если обучение не опирается на одну из областей знаний, тогда междисциплинарное мышление просто не работает» [2008, 55]. Согласно его теории, постигая конкретную дисциплину, человек овладевает, по крайней мере, одним способом мышления как отдельным

методом познания, который вместе со способностью синтезировать позволяет «творческому разуму» выйти на новый уровень. Таким образом, с первых занятий рассмотрение реальных ситуаций в классе нужно вести параллельно с полноценными вводными курсами по отдельным дисциплинам [Elkana, готовится к печати].

Маскатин [2009] говорит о комбинации «ядерных (междисциплинарных проблемно-ориентированных) семинаров» и «планетарных курсов». Такое сочетание междисциплинарных и дисциплинарных подходов воплощает в жизнь понятие широты и глубины как неотъемлемой черты либерального образования и помогает преодолеть проблему выбора между дисциплинарностью и междисциплинарностью. При этом остается актуальным соблюдение баланса, времени и последовательности курсов, особенно с учетом студенческого выбора, — важной характеристикой модели свободных искусств и наук, которая неразрывно связана с развитием личности и расширением интеллектуального горизонта.

Другая часто обсуждаемая тема касается роли гуманитарных и социальных наук в учебном плане. Гуманитарные науки, изучение других культур, языков и религий, а также формирование способности к моральным суждениям и изучение философии крайне значимы для всестороннего развития, критического мышления и этических оценок. В то же время молодые люди должны научиться мыслить научно, то есть понимать, что такое научный метод, владеть точными и естественнонаучными знаниями, разбираться в технологиях и технике, чтобы иметь обоснованную точку зрения или выносить осмысленные решения по таким противоречивым вопросам, как исследования стволовых клеток или атомная энергетика. Ч. П. Сноу [1959] в своей знаменитой лекции «Две культуры» говорил, что размежевание между «двумя культурами» современного общества — точными и естественными науками — с одной стороны, и гуманитарными науками — с другой, стало главным препятствием на пути решения мировых проблем.

Либеральное образование XXI века должно сократить имеющийся разрыв и объединить оба мировоззрения. Для этого ему достаточно опереться на собственную историю, уходящую корнями к античной и средневековой модели семи свободных искусств — тривиума, включавшего грамматику, риторику и логику (диалектику), и квадравиума (арифметика, геометрия, астрономия, музыка). Несмотря на то, что в учебных планах колледжей свободных искусств и наук долгое время преобладали гуманитарные науки, математика несомненно является ключевой для этой образовательной модели дисциплиной и необходима для обучения количественным методам и статистике. Точные и есте-

ственные науки в контексте либерального образования можно рассматривать двояко: с одной стороны, как область изучения (рассмотрение научных явлений или освоение отдельных дисциплин позволит впоследствии систематизировать и суммировать полученные знания); и как метод познания или мышления, с другой стороны. Последний дает основание утверждать, что естественнонаучные дисциплины являются свободными науками [Schield 2005].

Президент Принстонского университета недавно заявила, что учебные заведения, основанные на принципах свободных искусств, выполняют две совершенно разновекторные миссии: готовят будущих ученых и разбирающихся в естественных науках граждан. По ее утверждению, программы свободных искусств и наук всегда включали естественнонаучные дисциплины. Они не являются заповедником для либералов и художников, как склонны думать многие [Tilghman 2010]. Как показывает практика, в аспирантуры по естественным наукам и инженерному делу поступают больше выпускников ведущих американских колледжей свободных искусств и наук, чем самых престижных частных исследовательских университетов. Такое положение дел объясняется маленькими размерами классов, высокой мотивацией преподавателей и междисциплинарной подготовкой не только в естественных, но и в гуманитарных науках [Cech 1999; Steitz 2001]. Несомненно, в XXI веке естественные науки заняли свое место в системе либерального образования. Таким образом, все более распространенным становится термин «свободные искусства и науки». Студенты, которые им обучаются, имеют возможность выбирать курсы из большого ряда программ по естественным, гуманитарным и социальным наукам, что стимулирует их к составлению знаний, полученных в результате обучения, в единую картину.

И, наконец, следует упомянуть традиционное, остающееся актуальным и сегодня, противоречие между либеральным и профессиональным образованием. Однако «такое разделение основано на предрассудке, что практическое — враг истинного. Это очевидная глупость» [Menand 2010, 16]. Старые нападки на полезные знания остались в прошлом, на самом деле основанное на знаниях общество не может существовать в условиях разделения технического/практического и теоретического [Elkana, готовится к печати]. Идея о том, что либеральное образование по сути своей не готовит к будущей профессиональной деятельности, проходит испытание на прочность природой и сложностью главных проблем нашего времени. В действительности общество должно проложить новые пути через традиционные раздельные полосы между свободными искусствами и науками и областями профессиональной специализации.

Необходимо сделать серьезный упор на то, чтобы научить студентов выстраивать полученные знания в единую систему и применять их, соединяя аналитические навыки с практическим опытом применения знаний [AAC&U 2007]. Открывая для себя всю широту свободных искусств и наук в бакалавриате, студенты таким образом закладывают фундамент, на котором впоследствии будет базироваться более специализированная подготовка к академической или профессиональной работе. Студенты получают возможность подготовиться не к одной, а к любой профессии, включая те, которые еще не изобретены [Tilghman 2010].

Общие навыки и специфика региональных контекстов

Сосредоточенность на формировании общих навыков в основном сильно связана с возможностью трудоустройства после окончания вуза. Поэтому выше мы отнесли ее к категории экономических и утилитарных аргументов. Ожидается, что трудоустройство в XXI веке окажется в зависимости от все более нестабильных рынков труда и изменения требований, предъявляемых к навыкам соискателя. Особенно повышенным спросом будут пользоваться нестандартные коммуникативные и аналитические навыки; потребность в рутинных когнитивных умениях и ручном труде уменьшится [OECD 2010]. Типичный список «навыков XXI века» включает в себя креативность, способность к новаторству, критическому мышлению, решению задач, общению, сотрудничеству, получению и вычленению информации, а также владение информационными технологиями, медиаграмотность, социальные и кросс-культурные навыки, лидерство и ответственность [Trilling, Fadel 2009]. ОЭСР — не единственная организация, ратующая за их развитие. Европейская комиссия заявляет о своем видении инициативой «Новые навыки для новой работы», предлагая сделать больший упор на общих умениях и критикуя монодисциплинарный и косный характер большинства европейских программ [ЕС 2005]. Ранее к созданию широких мультидисциплинарных образовательных программ и большему вниманию к формированию навыков для будущего трудоустройства призывал Доклад Диаринга¹ [1997]. Разумеется, работодатели

¹ «Доклад Диаринга», формально известен как доклады Национального комитета по исследованиям высшего образования (NCIHE) — это ряд докладов 1997 года о путях развития высшего образования в Соединенном Королевстве, самый об-

согласны с тем, что выпускники должны уметь мыслить творчески, общаться, рассуждать аргументировано и логически, творить, писать, говорить и руководить. В последнее время они все чаще и чаще признают, что модель свободных искусств и наук формирует эти умения и способности. Полноценные программы либерального образования всегда совершенствовались в своих студентах именно те навыки, которые сегодня в эпоху новой экономики жизненно необходимы и могут позволить преуспеть, — это глубина, широта, контекстуальные и постоянно развивающиеся знания, а также стремление к более глубокому пониманию вопроса.

Следовательно, выпускники программ, основанных на модели свободных искусств и наук, являются (или должны быть) изобретательными, находчивыми, обладают живым умом, умеют мыслить вне рамок и условностей, знают общество и культуру и рассматривают технологии как средство, а не самоцель. Все это дает им преимущества в создании и получении лучших возможностей в условиях новой экономики [Greenwald 2010].

Приведенный выше аргумент показывает, что экономическая целесообразность (развитие навыков для трудоустройства) необязательно должна служить обоснованием только прикладных научных или профессиональных образовательных программ или же идти вразрез с принципами свободных искусств. Напротив, вышеупомянутые навыки необходимы выпускникам всех программ.¹ Тем не менее, некоторые эксперты критично отозвались на рассмотрение реформы бакалавриата глубоко в контексте трудоустройства, например, в Европе. С их точки зрения, Болонский процесс расценивает способность к трудоустройству не иначе как подготовку для рабочей силы, не принимая во внимание более широкие интеллектуальные интерпретации [Elkana, готовится к печати]. Из-за сосредоточенности на экономических преимуществах трехступенчатого образования, которое ставит во главу угла профессиональную подготовку в прагматическом смысле, без внимания остается широкий набор таких компетенций, как критическое мышление, коммуникативные навыки, способность принимать решения с учетом морально-нравственных ценностей, гражданская ответственность, — то есть все те умения и навыки, которыми сильна американская традиционная модель свободных искусств [Gaston 2008].

ширный обзор проблем высшего образования в Соединенном Королевстве с начала 1960-х годов. Сэр Рональд Диаринг — основной автор докладов, номинальный президент Ноттингемского университета. — *Прим. перев.*

¹ См., напр.: Bok D. (2006) *Our Underachieving Colleges. A Candid Look at How Much Students Learn and Why They Should be Learning More*. Princeton: Princeton University Press.

В то же время другие авторы выражали недовольство тем, что европейские университеты по-прежнему мало интересуются образовательными ценностями, определившими бакалаврские программы во многих американских колледжах, — широким начальным образованием, включающим гуманитарные науки [Kirby 2008]. По их мнению, интерес к модели свободных искусств и наук, который демонстрируют некоторые учебные заведения Европы, на самом деле имеет мало общего с либеральным образованием как таковым, а скорее свидетельствует о поиске путей усовершенствования работы со студентами. Эти обвинения не совсем беспочвенны. Несмотря на то, что Болонский процесс (заново) придал бакалавриату статус отдельной полноценной образовательной ступени, он практически не обозначил важность расширения учебных планов бакалавриата или развития общих навыков. Более глубокое понимание знаний, критического мышления и междисциплинарности так и не стало, вопреки ожиданиям, центральным элементом проведенной реформы [Van der Wende 2011b].

Многие эксперты единодушно признают значимость критического мышления для бакалавриата. Век информации, с его многообразием данных, доступных всем и всегда, требует способности оценивать претензии на знание. Выпускники должны уметь хорошо рассуждать логически, выделять информацию высокого качества из общего потока, отличить надежные источники от второстепенных. Развитие критического мышления у студентов азиатских вузов призвано кроме всего прочего раскрыть их творческий потенциал и сформировать более творческих выпускников, нивелируя таким образом один из главных недостатков образовательных систем азиатских стран. Как уже говорилось выше, ведущие учебные заведения в этом регионе считают свободные искусства и науки отличным способом проведения таких качественных преобразований. Однако остается актуальным вопрос о том, насколько успешным окажется развитие свободных искусств и наук в обстановке несвободы, например, в Китае, где политическая индоктринация по-прежнему остается частью политического процесса и свобода слова не является неотъемлемым правом человека [Huistendahl 2010]. Подобные сомнения высказывались и о сотрудничестве Йельского университета с Национальным университетом Сингапура по открытию колледжа свободных искусств. Преподаватели Йеля утверждали, что принципы свободных искусств не согласуются с царящим в стране положением в области прав человека и академических прав и что существующая в Сингапуре цензура не гарантирует академические свободы и свободу выражения [Yung 2011].

Гражданская ответственность и необходимость глобальной перспективы

Третья категория аргументов в пользу образования по модели свободных искусств касается нравственных и социальных аспектов, в особенности социальной и гражданской ответственности членов демократического общества. Понятие «гражданская ответственность» заслуживает особого внимания. Несомненно, оно содержит значительную нравственную составляющую. По мнению Элканы, «сознательным гражданином» является человек, понимающий главные проблемы, которые стоят сегодня перед человечеством, а также ограниченность необходимых для их решения интеллектуальных инструментов. Гражданская (социальная) ответственность заключается в серьезном намерении участвовать в преодолении существующих ограничений и проблем. В демократических обществах она естественным образом подразумевает выполнение каждым неравнодушным гражданином возложенных на него обязанностей по отношению к своей стране. Как говорилось выше, в некоторых странах востребованность такой концепции не столь очевидна.

В этой связи важно обозначить сферу гражданской ответственности. Работает ли она на национальном уровне (ответственность за государственное строительство), региональном (например, европейская или азиатская), мировом, или включает одновременно все три уровня? Отчет инициативы *LEAP* об обучении в колледжах в глобальный век [AAC&U 2007] представил убедительный взгляд на необходимость глобальной перспективы для либерального образования, заявив, что недавние события в мире ясно показали важность связи образования с вопросами гражданской ответственности в демократическом обществе, плюрализма и интеркультурализма.

Влиятельные американские ученые также заявляют, что формирование граждан посредством высшего образования означает, что студенты должны быть готовы к жизни и работе в культурно разнообразной международной среде, требующей понимания широкого ряда культур [Nussbaum 1997]. Эта задача сегодня крайне актуальна, хотя нужно признать, что в наши дни у молодых людей по окончании колледжа представлений об окружающем мире за пределами Запада несоизмеримо больше, чем у выпускников, выходящих из колледжей еще несколько десятилетий назад [ibid 2010]. Тот факт, что благодаря развитию технологий человечество оказалось связанным как никогда раньше, говорит о том, что у нас появилось больше возможностей, чем когда-либо, стать гражданами мира [Gardner 2011].

Тем не менее, как следует из отчетов о важных результатах обучения по системе свободных искусств и наук, межкультурное образование не является приоритетом ни для американских преподавателей, ни для студентов [AAC&U 2005]. Бок [2006] констатирует, что даже самые престижные учебные программы в США мало ориентированы на предоставление знаний о глобальном мире — изучении иностранных языков и культуры разных стран. Сторонники либерального образования в других частях света, например программа либерального образования Варшавского университета (Польша), убеждены в необходимости развивать понимание культурных особенностей не только у студентов учебных заведений Европы, но и США, несмотря на слабую заинтересованность последних в освоении иностранных языков, которые в Европе считаются неременным условием образования и мобильности [Tymowski 2011].

Как заявил президент Американского университета в Бейруте (Ливан), пока существует национальная неприязнь и межкультурное непонимание, подготовка граждан мира должна оставаться целью образования по системе свободных искусств и наук в XXI веке [Fallis 2009]. Неудивительно, что призывы к развитию интрекультуральных и космополитичных подходов раздаются в регионах, которые пережили или и по сей день вынуждены справляться с серьезными международными или национальными конфликтами. Этот факт вовсе не означает, что направленность на межкультурное образование и интернационализацию не должны взять на вооружение другие государства. На недавней встрече ААКиУ (AAC&U), посвященной глобализации как цели высшего образования, участники обсудили, как уйти от поверхностных рассказов о глобализации, к примеру, внедрив в учебные планы такие общие и важные для всего мира темы, как всемирное здравоохранение и права человека. Присутствовавшие на встрече представители колледжей признали, что правительствам и работодателям нужны специалисты с лучшим пониманием культур зарубежных стран и окружающего мира. С такими сотрудниками они окажутся в более выигрышном положении на десятилетия вперед [Inside Higher Ed. 2011].

Следует понимать, что изучение хотя бы одного иностранного языка необходимо и крайне важно для развития когнитивной способности функционировать в другой лингвистической системе и гибкости в переключении между такими системами. Непреложным условием является также понимание «культур зарубежных стран». Эти навыки необходимы без исключения каждому; мультинациональные организации ищут сотрудников со знанием иностранных языков и культу-

ры других стран. В Китае к этому вопросу относятся очень серьезно [Hulbert 2007]. Требования к изучению иностранного языка удовлетворяются за счет изучения английского. Помимо него, в Бойя колледже свободных искусств и наук в Университете имени Сунь Ятсена преподают латынь и древнегреческий. В Европе набор предлагаемых иностранных языков отличается большей прагматичностью и включает в себя в первую очередь современные языки (хотя латыни и древнегреческому учат в старших классах классических школ до поступления в университет); к традиционным европейским языкам в последнее время все чаще добавляют китайский и арабский. Таким образом, на повестке дня появился вопрос о том, какие иностранные языки следует изучать и преподавать в глобальном мире, отодвинув на задний план споры и сомнения о необходимости освоения иностранного языка как такового. Нужно понимать, что преуспеть в изучении иностранного языка можно исключительно в межкультурной среде, с международным студенческим контингентом и преподавателями, которые прошли подготовку и работали в разных странах мира. Тем не менее, большинство статей и обсуждений не уделяют внимания важности межкультурной диверсификации в образовании по модели свободных искусств XXI века.

Свободные искусства как тренд к мировому стандарту качества образования в XXI веке, но не панацея

Кажется, что модель свободных искусств и наук отвечает на множество требований, определяющих критерии качества начальной ступени высшего образования в XXI веке. Ее преимущества были проанализированы при помощи трех категорий аргументов (эпистемологического, экономического и социогуманистического). Также были освещены разнообразные концептуальные и межрегиональные различия. Тем не менее, свободные искусства и науки как широкая образовательная модель может быть подходящей перемычкой или средством интеграции большинства из предполагаемых аргументов и практик. В то же время необходимо подчеркнуть ряд сдерживающих факторов.

Во-первых, эмпирических данных, свидетельствующих о том, что образование по модели свободных искусств и наук является глобальным трендом, по-прежнему недостаточно. Сравнительные международные критерии и методы по большей части отсутствуют (см. выше). В США, однако, недавно пришли к вы-

воду, что у студентов, прошедших курсы по системе свободных искусств и наук, выше показатели овладения различными навыками по результатам тестирования *The Collegiate Learning Assessment*.¹ Другими словами, колледжи свободных искусств демонстрируют большую эффективность в стимулировании обучения студентов [Arum, Roksa 2011]. В Нидерландах в два-три раза больше студентов колледжей свободных искусств переходят на второй год обучения и быстрее получают диплом по сравнению со студентами обычных бакалаврских программ в исследовательских университетах [Reumer, Van der Wende 2010]. Программы свободных искусств и наук значительно выигрывают по числу выпускников, продолжающих обучение в аспирантуре.

Во-вторых, тот факт, что различные тренды к достижению мировых стандартов качества образования слились в подход, основанный на принципах свободных искусств и наук, по меньшей мере, на концептуальном уровне и в качестве цели ряда ведущих систем и учреждений, не означает, что этот подход или модель может рассматриваться как панацея от всех проблем, которые необходимо преодолеть бакалаврскому образованию и которые мы перечислили в первой части статьи. Число студентов, обучающихся по таким программам, довольно мало, особенно за пределами Соединенных Штатов. Следовательно, нам по-прежнему предстоит решить важный вопрос, каким образом можно тиражировать такие программы.

В заключении необходимо обратить более пристальное внимание на интернационализацию программ, построенных по модели свободных искусств и наук, и опыт их реализации в разных странах мира. Осмысление этих вопросов окажется более результативным при участии международного сообщества в обсуждении модели либерального образования и бакалаврского образования в целом. Обсуждая значимые в XXI веке ценности, знания и навыки мы всегда должны помнить о будущем. Особенно плодотворное обсуждение могло бы показать, что модель свободных искусств и наук дает возможность высшему образованию наконец-то распрощаться с по-прежнему расхожими ностальгическими размышлениями об исторических моделях университетского образования и нескончаемыми прениями об искусственных и ложных педагогических дихотомиях.

¹ The Collegiate Learning Assessment — стандартная система тестирования, состоящая из задач на практическое применение знаний, призвана оценить результаты обучения в учебных заведениях США.

Библиография

- Altbach P. G., Reisberg L., Rumbley L. E.* (2009) Trends in Global Higher Education. Tracking an Academic Revolution. Paris: UNESCO and Center for International Higher Education, Boston College.
- Altbach P. G., Gumport P. J., Berdahl R. O.* (2011) (eds.). American Higher Education in the Twenty-First Century. Social, Political, and Economic Challenges. Third Edition. Johns Hopkins University Press.
- Arum A., Roksa J.* (2010) Academically Adrift. Limited Learning on College Campuses. University of Chicago Press Books.
- Association of American Colleges and Universities (2005). Liberal Education Outcomes. A Preliminary Report on Student Achievement in College. Washington DC: AAC&U.
- Association of American Colleges and Universities (2007) College Learning for the New Global Century. A Report from the National Leadership Council for Liberal Education and America's Promise (LEAP). Washington DC: AAC&U.
- Bok D.* (2006) Our Underachieving Colleges. A Candid Look at How Much Students Learn and Why They Should be Learning More. Princeton: Princeton University Press.
- Cech Thomas R.* (1999) Science at Liberal Arts Colleges: A Better Education? In: *Daedalus*, (128) 1. P. 195–216.
- Elkana Y., Klöpper H.* (forthcoming) The University in the 21st Century: Teaching the New Enlightenment and the Dawn of the Digital Age.
- European Commission (2005). Mobilizing the brainpower of Europe: Enabling universities to make their full contribution to the Lisbon strategy.
- Fallis G.* (2009) Liberal Arts Education in the 21st Century: Anachronism or Vanguard? Paper presented at the Presidential Inauguration of Peter F. Dorman as the 15th President of the American University in Beirut.
- Gardner H.* (2008) Five Minds for the Future. Harvard Business School Press.
- Gardner H.* (2011) Truth, beauty, and goodness reframed: Educating for the virtues in the 21st century. New York, NY: Basic Books.
- Gaston P. L.* (2008) Bologna: A Challenge for Liberal Education and an Exceptional Opportunity. Washington, DC: AAC&U.
- Greenwald R. A.* (2010) Liberal Arts II: The Economy Requires Them. *Inside Higher Education*, 1 October 2010.
- Huistendahl M.* (2010) Less politics, More Poetry: China's Colleges Eye the Liberal Arts. *The Chronicle of Higher Education*. 3 January 2010.

- Hulbert A.* (2007) Re-education. The New York Times, 1 April 2007.
- Inside Higher Education (2011). Gloing Global, Going Liberal Arts. 28 January 2011.
- Kirby W. C.* (2008) On Chinese, European and American Universities. In: *Deadalus*, Summer 2008. P. 139–146.
- Kuh G. D., Kinzie J., Schuh J. H., Whitt E. J. & Associates* (2005) *Student Success In College: Creating Conditions That Matter*. San Francisco: Jossey-Bass.
- Levine D. N.* (2006) *Powers of the Mind. The Reinvention of Liberal Learning in America*. The University of Chicago Press.
- Lewis H. R.* (2006) *Excellence without a soul. Does liberal education has a future?* New York: Public Affairs.
- Marginson S., M.C. van der Wende* (2009) Europeanisation, International Rankings, and Faculty Mobility: Three Cases in Higher Education Globalisation. In: *Higher Education to 2030. Vol. 2: Globalisation*. Paris: OECD. P. 109–140.
- McGill Petersen P.* (2011) Liberal Education in the Global Perspective. In: *International Higher Education*. No 62. P. 10–11.
- Menaud L.* (2010) *The Marketplace of Ideas. Reform and Resistance in the American University*. New York, London: W.W. Norton & company.
- Muscatine C.* (2009) *Fixing College Education. A New Curriculum for the 21st Century*. University of Virginia Press.
- New York Times (24 January 2011). The Winner: A liberal Education.
- Nussbaum M.* (1997) *Cultivating Humanity: A Classical Defense of Reform in Liberal Education*. Cambridge, MA: Harvard University Press.
- Nussbaum M.* (2010) *Not for Profit. Why Democracy needs the Humanities*. Princeton University Press.
- OECD (2008). *Reviews of Tertiary Education — The Netherlands*. Paris: OECD.
- OECD (2010). *Globalisation, competition and quality in higher education: oecd's insights*. Presentation by Barbara Ischinger at the DAAD Conference on New Horizons for the International University, Berlin, October 2010. Van der Wende: *Global Excellence in Undergraduate Education* 9.
- Palfreyman D., Tapper T.* (2009) (eds.). *Structuring Mass Higher Education. The Role of Elite Institutions*. London: Routledge.
- Reumer C., Wende M. C. van der* (2010) *Excellence and Diversity: Selective Admission Policies in Dutch Higher Education. A Case Study on Amsterdam University College*. University of Berkeley, Centre for Studies in Higher Education. *Research and Occasional Papers Series: CSHE.15.10*.

- Rothblatt S.* (2003) *The Living Arts: Comparative and Historical Reflections on Liberal Education*. Washington, DC: Association of American Colleges and Universities.
- Schild M.* (2005) *Making Science a Core Liberal Art for the 21st Century*. Washington: Project Kaleidoscope (PKAL).
- Steitz T. A.* (2001) *Science Education at Liberal Arts Colleges: Why they do it so well*. Lawrence Today, Spring 2001 Issue. Lawrence University.
- Tilghman S. M.* (2010) *The Future of Science Education in the Liberal Arts College*. Speech by the President of Princeton University, at the Presidents Institute of the Council of Independent Colleges on January 5, 2010.
- Trilling B., Fadel C.* (2009). *21st Century Skills: Learning for Life in Our Times*. Jossey-Bass.
- Tymowski A. W.* (2011) *Liberal education and the Intercultural Classroom*. In: *M. O'Connor, Wilczek P.* (eds.). *College and the Academic Community in the European and the American Tradition*. Boston, Warsaw. P. 28–47.
- F. A. van Vught* (2009) (ed.) *Mapping the Higher Education Landscape. Towards a European Classification of Higher Education*. Dordrecht, Germany, Springer.
- Wende M. C. van der* (2008) *Rankings and Classifications in Higher Education. A European perspective*. In: *J. C. Smart* (ed.). *Higher Education Handbook of Theory and Research*. Vol. 23. Springer. P. 49–71.
- Wende M. C. van der* (2011a) *Towards a European Approach to Ranking*. In: *Nian Cai Liu, Qi Wang, Ying Cheng* (eds.). *Paths to a World-Class University. Lessons from Practices and Experiences*. Global Perspectives on Higher Education. Sense Publishers. P. 125–139.
- Wende M. C. van der* (2011b) *The Emergence of Liberal Arts and Sciences Education in Europe: A Comparative Perspective*. In: *Higher Education Policy*. Vol. 24. P. 233–253.
- Wissenschaftsrat* (2011) *Empfehlungen zur Differenzierung der Hochschulen*.
- Yung A.* (2011) *Singapore: Yale tied-up to proceed despite controversy*. University World News, 3 April 2011.

Гуманитарные науки — не роскошь. Манифест XXI века¹

Гуманитарные науки являются ключом к пониманию человеческой жизни, а отнюдь не роскошью. Любитель современной поэзии, знающий творчество Одри Лорд, увидит в этом утверждении аллюзию на эссе начала 1980-х годов: «Поэзия — не роскошь, а жизненно важная потребность нашего существования. Благодаря ее пронизывающему свету, мечты, надежды на выживание и перемены утверждаются сначала в языке, потом в сфере идей, и, наконец, реализуются в конкретном действии. Поэзия — это способ именования безымянного, чтобы его можно было помыслить. Самые дальние горизонты наших надежд и страхов вымощены нашими стихами, вытесанными из каменного опыта повседневной жизни» [1984, 38]. У Лорд «наши» означает «созданные женщинами»; у меня это слово означает «созданные людьми», всеми нами. Моя «поэзия» включает в себя музыку, историю, искусство, философию, танец, театр — все искусства и гуманитарные науки.

Подзаголовок этой статьи мог бы звучать так: «Лучше думать на языке поэзии» или даже «Следи за тем, какие метафоры используешь». Поэты думают над метафорами, и через это сохраняют нам язык, на который постоянно покушаются политики, реклама и все те, кто, засоряя язык, стремятся «растрогать» нас с помощью метафор, навязать нам привычку не задумываться критически о смысле используемых сравнений. Выступая перед студентами Амхерст колледжа, Роберт

* Профессор английского языка в Университете штата Мэриленд, Колледж Парк; учредительный директор Института технологий в гуманитарных науках, Мэриленд.

¹ Настоящий текст представляет собой перевод статьи: *Martha Nell Smith. The Humanities are not a Luxury: A Manifesto for the Twenty-First Century. Liberal Education. Winter 2011. Vol. 97. Issue 1. P. 48–55.* Для написания оригинала были использованы материалы публичной лекции, прочитанной автором 30 сентября 2010 года в связи с признанием Марты Нелл Смит выдающимся ученым — преподавателем Университета штата Мэриленд 2010–2011 года.

Фрост прямо заявил, насколько важна метафора для мышления: «Мы все еще просим юношей в колледже думать... но редко объясняем, а что, собственно, значит “думать”, редко говорим им, что это равносильно соединению одного и другого, рассказу об одной вещи с точки зрения другой. Сказать им об этом — значит помочь им подняться на первую ступень лестницы, вершина которой уходит в небо» [1972, 336]. События в развитии академической жизни еще больше убеждают меня в том, насколько важны основополагающие метафоры, используемые нами в мышлении.

Беспокоясь об используемых метафорах

Говоря о последствиях бюджетного кризиса для высших учебных заведений, Марк Юдоф, президент Университета штата Калифорния, сделал следующее радикальное заявление по национальному телевидению: «Во многих сферах бизнеса, если максимально широко трактовать это понятие, дела идут хорошо. Наши больницы принимают пациентов, наш медицинский бизнес, медицинские исследования, система ухода за больными в порядке. Но вот главная проблема у нас другая: кто будет платить зарплату кафедре английского языка? Она же должна у нас быть. Наконец, кто будет платить социологам и гуманитариям? Вот где оказывается у нас проблема» [2009]. Когда я слушала Юдофа, в памяти вдруг возникли слова моего покойного отца, когда-то страстно убеждавшего меня: «Аспирантура по английскому языку? Ты с ума сошла? Ты же никогда не найдешь работу!» В моем воображении мелькали вырезки из газеты «Нью-Йорк таймс», которые он присылал мне без комментариев, но с обведенными красным заголовками, вроде такого: «Специалист по английскому языку, закончивший аспирантуру Йельского университета, сидит за баранкой такси, чтобы заработать на жизнь». Мы спорили по телефону и на праздничных обедах. «Юридическая школа!» — кричал он. «Ph.D. по английскому языку, поэзии!» — кричала я в ответ. Эти воспоминания нахлынули на меня, когда я услышала, как Юдоф выделил профессоров английского, вопрошая: «Кто будет платить им зарплату?»

Позже, в письме к редактору журнала «Хроника высшего образования» Юдоф попытался разъяснить свою точку зрения. Но, в итоге, он сделал все еще хуже. «Когда я сказал телевизионной аудитории, что основная проблема, с которой столкнулся Калифорнийский университет, состоит в ответе на вопрос, кто будет платить зарплату кафедре английского языка, я имел в виду, что хроническое недофинансирование системы

университетов штата оказало большее давление на те дисциплины и соответствующие кафедры, которые в отличие, скажем, от больниц и научно-исследовательских лабораторий не могут рассчитывать на внешние источники финансирования <...> Мое упоминание кафедры английского языка <...> было только примером. Ранее в том же контексте я упоминал абстрактную кафедру португальского языка. Я мог бы с таким же успехом назвать и курс по социологии для первокурсников» [2010].

В контексте сегодняшнего положения университетов, замечания Юдофа не вызывают удивления. В конце концов, такое мнение неоднократно высказывали многие администраторы и даже преподаватели. Доминирующий сегодня нарратив о том, что учебные программы, преподаватели и научные исследования в области гуманитарных наук стоят денег, но не приносят дохода, порождает точку зрения, которая приводит к определенным решениям, и в результате мы имеем нынешнее положение вещей. Проблема в том, что за этим нарративом скрывается метафора, соединяющая не связанные между собой вещи и, таким образом, вводящая в заблуждение.

Эмили Дикинсон как-то заметила: «Мы постигаем через сравнение» [1998, 580]. И она была абсолютно права. Наши метафоры направляют наше мышление; они формируют то, что определяет наше воображение. Фраза Юдофа «как платить» направляет наши мысли в сторону «дороговизны» гуманитарных наук. Посмотрите определение слова «роскошь», и вы прочтете «дорогой», «несущественный» и «желаемый, но такой, без которого можно обойтись». Стало трудно не просто в прежнем объеме сохранять поддержку гуманитарных исследований, но и сохранять ее вообще, ведь такие исследования не финансируются ни крупными фармацевтическими корпорациями, ни военными; точно так же все труднее находить ресурсы для реализации нашей педагогической модели, требующей, чтобы классы были меньше по размеру, и чтобы взаимодействие студентов и профессоров носило более тесный, прямой и личный характер; сложнее находить ресурсы для административной инфраструктуры, чтобы время, которое лучше посвятить чтению или письму, не уходило на ксерокопирование, подготовку PDF-файлов или заполнение еще одной формы, документирующей наше время, наши поездки, наши канцелярские принадлежности.

Риторика вроде той, которую использует Юдоф, характеризует гуманитарные и социальные науки как предметы роскоши, что-то желательное, но не необходимое, без чего можно обойтись в корпоративном мире современного американского университета. Возможно, Юдоф не использует более откровенные сравнения, потому что знает — его способ сопоставления одного с другим не выдерживает критики.

В статье под названием «На самом деле гуманитарные науки приносят прибыль», опубликованной в журнале «Хроника высшего образования», Роберт Уотсон, профессор английского языка в Калифорнийском университете в Лос-Анджелесе полемизирует с приведенными комментариями Юдофа [2010]. Уотсон отмечает, что образование в области гуманитарных и социальных наук обычно «приносит больше доходов от оплаты обучения, чем составляют все 100% расходов». Письмо Юдофа в редакцию журнала «Хроника высшего образования», которое делает его аргументацию еще сомнительнее из-за включения в первоначальный список будто бы поглощающие бюджетные ресурсы вуза программы всех гуманитарные и социальных наук, было ответом на статью Уотсона. Тем не менее, удивительно, что, охарактеризовав гуманитарные науки как необязательную роскошь, Юдоф вслед за этим подтверждает тезис Уотсона о том, что программы в области гуманитарных наук себя действительно окупают: «Я уже давно высказывал мнение, что поскольку все студенты вносят одинаковую оплату, можно сказать, что университетские подразделения в области гуманитарных наук осуществляют перекрестное субсидирование подразделений, связанных с естественнонаучным знанием и инженерными специальностями. Ввиду расходов на лабораторное оборудование и необходимости устанавливать высокую зарплату преподавателей в программах, связанных с широко востребованными рынком труда компетенциями, такие подразделения вуза являются более дорогими». Итак, хотя, как и многие другие, он характеризует гуманитарные науки как желанные, но дорогие, как обременительные и в плане создания и в плане поддержки — используя выражения, описывающие и определяющие «роскошь», — гуманитарные науки однозначно таковыми не являются. Они не только приносят в казну университета больше, чем тратят, но, и, перефразируя слова Лорд, гуманитарные науки «просвещают нас, дают нам возможность сохранять свои надежды и мечты о выживании и переменах, сначала в языке, потом в идее, а затем в материальном действии. Гуманитарные науки — это такой способ именования безымянного, который позволяет его помыслить».

Гуманитарные науки не охвачены кризисом

Юдоф и другие люди, пытающиеся описать сложившуюся ситуацию, используют обманчивую метафору, направляющую наше мышление таким образом, что мы не можем думать с ясностью, по крайней мере, о со-

стоянии гуманитарных наук. «Основополагающая проблема» у Юдофа становится «кризисом» (вспомните, сколько вы видели статей со словами «кризис» и «гуманитарные науки» в заголовках). Нам необходимо снова взвесить используемые метафоры; посмотрите в словарь, вы увидите, что «кризис» — это «поворотный момент», «коренное изменение». Сейчас нужно четко и однозначно указать на простой факт: гуманитарные науки не находятся в состоянии кризиса.

Да, образы, которые мы не ожидали увидеть в средствах массовой информации, были широко использованы — так, что могло показаться, будто гуманитарные науки действительно находятся в кризисе. В конце концов, кто ожидал увидеть толпы студентов, преподавателей и сотрудников университетов, размахивающих от руки написанными плакатами с призывом «спасти гуманитарные науки», в окружении похожих на Дарта Вейдера полицейских в полном защитном снаряжении и шлемах? Визуально это напоминает образы, которые я видела еще подростком, — антивоенные протесты, люди, бросающие гранаты со слезоточивым газом обратно в полицейских, студенты, застреленные Национальной гвардией в Государственном университете Кента. Когда люди видят лозунги, призывающие «спасти гуманитарные науки», они думают, что это кризис, переломный момент. Но не кризис привел к этим протестам и лозунгам, хотя все продолжают называть это так.

Чтобы продемонстрировать свою точку зрения, я прибегну к хронологической версии телевизионной игры-викторины «*Jeopardy*» («Рискуй!»). Посмотрим, сможете ли вы назвать примерные даты следующих четырех цитат.

- Первая взята из заявления в аспирантуру: «"Статистика, собранная из ежегодных опросов Ассоциации современных языков (*MLA*) ... не внушает оптимизма новым кандидатам наук, стремящимся стать преподавателями высших учебных заведений". Спасибо, Ассоциация, что ты развеяла мой студенческий идеализм и сделала еще сложнее и без того трудную задачу объяснения того, почему я хочу учиться в аспирантуре. Почему, в самом деле, в эпоху сокращения набора студентов, сокращения бюджетов, а также ослабевающего интереса к гуманитарным наукам я обратила свой взор на академическую карьеру?»
- Вторая цитата взята из высказывания президента Американского совета научных обществ (*ACLS*): «Надо отметить, что последние десять-пятнадцать лет не были особенно счастливым временем для тех из нас, кто работает в области гуманитарных наук. В колледжах и университетах мы увидели движение в сторону от изучения истории, философии, лите-

ратуры и иностранных языков — тех дисциплин, которые являются центральными для наших проблем, и, мы считаем, для проблем страны. Мы видим заметное снижение компетенции в чтении и письме, основных инструментах нашей профессии. Мы видим, что выпускники аспирантуры не могут найти академические рабочие места и, следовательно, зарабатывают себе на жизнь, где могут».

- Третья цитата принадлежит всемирно известному историку: «Гуманитарные науки везде под огнем. Они теряют почву под ногами каждый день; у них множество врагов и горстка защитников».
- Четвертая, и последняя, цитата — от американского ученого и литературного критика: «Сами гуманитарные науки потеряли свою гуманистическую сущность и стали скромными служанками науки».

Приведем правильные ответы на нашу игру-викторину. Первое высказывание относится к 1980-му году — автором является профессор Мэрили Линдеманн из Университета штата Мэриленд, которая получила несколько предложений, когда пошла на рынок труда в конце 1980-х. Высказывание, относящееся к 1982-му году, принадлежит президенту ACLS Роберту М. Лумянскому. Следующее высказывание относится к 1938-му году, принадлежит оно историку Гилберту Чинарду. И, наконец, последнее высказывание прозвучало в 1902-м году, его автор — литературный критик Ирвинг Бэббит, основатель «Нового гуманизма».

То, что эти слова отчаяния были произнесены тридцать, семьдесят и более ста лет назад, на самом деле дает нам большую надежду. Несмотря на опасения, о которых говорилось в эти разные периоды, гуманитарные науки никуда не ушли — как и все тревоги. Что это означает? По крайней мере то, что гуманитарные науки не находятся под прессом кризиса. Этот способ мышления, позволяющий «кризису» определять наш взгляд на вещи, таится, пока не проявится очередная нехватка финансирования. Выглядит все так, будто раньше никогда не было нехватки ресурсов, как если бы для гуманитарных наук всегда был День сурка.¹ Сокращение поддержки гуманитарных наук и страх такого сокращения, а также вечное беспокойство о состоянии гуманитарных наук носят системный характер. Пока мы не признаем этого факта, мы будем бросаться из одной стороны в другую, не сможем признать повторения, будем постоянно возвращаться к этой проблеме, и снова уходить от нее.

¹ Ссылка на известный американский фильм под тем же названием. — *Прим. перев.*

Сокращение государственного финансирования

По окончании Второй мировой войны качественное образование становилось все более доступным. Недавние исследования указали на «сильные причинные связи между развитием образования в США и экономическими успехами: к началу 1940 года Соединенные Штаты были далеко впереди европейских конкурентов по количеству выпускников средней школы и имели аналогичное опережение по отношению к практически всем другим странам по количеству выпускников вузов в течение тридцати лет после Второй мировой войны. Это опережение было далее закреплено в условиях “золотой эры” высокого экономического роста и расширения национального благосостояния» [2010, 611]. Итак, что произошло дальше? Учитывая данные, показывающие, что наше экономическое процветание было непосредственно связано с широким доступом к высшему образованию, почему мы стали наблюдать то, что Кристофер Ньюфилд метко охарактеризовал как агрессивное сокращение капиталовложений в высококачественные государственные университеты, которые и обеспечивали этот доступ?

Ньюфилд утверждает, и достаточно убедительно, что попытка упразднения одной из величайших в мире государственных систем образования, которая предоставила наибольший доступ к высококачественному образованию для большинства граждан, связана с волнениями 1960-х годов и реакцией на них. Вслед за эффективными антивоенными протестами и движением за гражданские права, среди правящих кругов стала ходить шутка: «Мы никогда не будем снова давать нашим детям такое хорошее образование». Сейчас я спрашиваю себя, не стала ли эта шутка реальностью? Действительно, в конфиденциальном меморандуме к лидерам Торговой палаты США под названием «Наступление на американскую систему свободного предпринимательства» Льюис Пауэлл [1971], назначенный Никсоном в состав Верховного суда, категорически заявил, что реальная угроза исходит не от «революционеров, которые хотели бы уничтожить всю систему», но от «совершенно респектабельных элементов общества: из кампусов университетов, церковных кафедр, средств массовой информации, интеллектуальных и литературных журналов, искусств и наук, от политиков. В движении против системы участвовало лишь меньшинство представителей этих групп. Тем не менее, именно они чаще всего возвышают свой голос, наиболее четко излагают свои мысли и являются самыми плодовитыми ора-

торами и писателями». Меморандум Пауэлла часто считают документом, который способствовал появлению системы консервативных мозговых центров. Ньюфилд делает вывод, что Пауэлл четко осознал, «что средний класс, получивший университетское образование, способен быстрее изменить систему бизнеса США в краткосрочной перспективе, чем более заметные радикалы» [2008, 53]. Группы, которые Пауэлл рассматривал как подрывающие бизнес, состояли как раз из тех высококвалифицированных кадров, которые могли мыслить критически и осуществлять символический анализ.

В данной статье нет цели определения того, прав ли Ньюфилд в том, что системное наступление на гуманитарные науки является попыткой сдержать критическое мышление, лишить университет его основы для углубленного исследования, способного бросить вызов власти предрешающим, и преобразовать высшее образование в машину для производства высококвалифицированных, но умиротворенных работников, а не критически настроенных граждан, способных к символическому анализу. Но, конечно, стоит воспринимать такую критику серьезно. Эти вопросы, в конце концов, являются центральными для нашей национальной безопасности. Сильная и жизнеспособная демократия зависит от среды, в которой оппозиционного мышления не боятся, а используют для продвижения всех нас. «Не обнаруживать слабость», как отмечала Эмили Дикинсон, «это уловка силы» [1976, 1054].

Возвращаясь к нашему разговору о важности метафор, следует отметить, что используемые для описания системы государственного образования метафоры начали резко меняться в конце 1970-х и начале 1980-х годов. С периода «революции Рейгана» мы наблюдали, как в отношении общественных явлений менялись метафоры — с «ресурсов», «инвестиций» и «укрепления» на «растраты»; «общественное благо» перестало быть «благополучием» и вместо этого стало характеризоваться как «запускание руки в чужой карман».

Технология самоосознания

В заключение я предлагаю пять рекомендаций того, как наиболее эффективно использовать самый мощный инструмент гуманитарных наук — технологию самоосознания и внимательности.

Оспаривайте миф, что гуманитарные науки стоят денег, но не приносят их. Не нужно соглашаться с навязываемыми нам метафорами. Самое главное — нам необходимо проделать работу, чтобы опровергнуть миф, что гуманитарные науки не окупают себя, что

они требуют только затрат и не обеспечивают прибыли. Это дело непростое. Как отмечал Ганс Роберт Яусс [1970], лишь только ошибка признается в качестве факта, «цепочку признания» этой ошибки уже почти невозможно сломать, независимо от количества доказательств, утверждающих обратное. В ходе своей работы, посвященной Эмили Дикинсон, я неоднократно убеждалась в том, насколько глубокой на самом деле была мысль Яусса. Многие считают, что Дикинсон была отшельницей, а причиной этого стал таинственный человек, разбивший ей сердце, и что это, в свою очередь, вдохновило ее на написание стихов. Но и я, и другие исследователи ее творчества обнаружили много фактов, опровергающих такую теорию о жизни Эмили Дикинсон, а читатели, привыкшие к образу застенчивой и убитой горем Дикинсон, просто не могут принять эти неудобные (для них) истины. Разорвать «цепочку признания» того, что гуманитарные науки не оправдывают себя, будет очень трудно; нужно помнить, что мы преодолеваем силовое поле коллективного заблуждения, соучастниками которого мы сами являемся. Тем не менее, разрушая миф, мы учимся сами и учим других прочитывать ситуацию по-другому, оценивать доказательства, синтезировать и образовывать убедительное изложение этих наличных фактов.

Активно защищайте гуманитарные науки. В одном из своих самых известных стихотворений Эмили Дикинсон рассуждает о силе литературы [1998, 1286]:

Нет лучше фрегата — чем книга —
Домчит до любых берегов.
Нет лучше коня — чем страница
Гарцующих стихов.
Ни дозоров в пути — ни поборов —
Не свяжет цепью недуг.
На какой простой колеснице
Летит человеческий Дух!¹

Ни фрегат, ни автобус, ни самолет, ни космический корабль, ни машина, ни поезд не могут сравниться с книгой, песней, оперным голосом, картиной, скульптурой, драмой, когда нужно перенестись в своем представлении в другие земли и культуры или помочь развивать сострадание и сопереживание, необходимые для демократии и достижения равенства как фундаментальной ценности. Как отмечалось в медицинском журнале «*New England Journal of Medicine*», Присцилла Уолд, читая работы по теории повествования и размышляя над ними, пришла к выводу, что «анализ того, как услов-

¹ Перевод В. Марковой.

ности рассказов о вспышке заболевания определяют отношение к возникновению болезни и к происходящим вследствие этого социальным преобразованиям, может привести к более эффективным, справедливым и гуманным решениям проблем глобального здравоохранения и благополучия человека в быстро изменяющемся мире» [Chew 2008, 1203]. Инфекционные болезни действительно зависят от социального взаимодействия, выходящего за рамки биологии, и Уолд [2008] приводит убедительные доводы, что рассказы о вспышках заболеваний имеют последствия для здоровья людей и общества в целом.

Сопровитляйтесь попыткам перевести нас на временные контракты. Даже в тот момент, когда мы обращаем внимание на важность вклада гуманитарных наук в высшее образование — в формирование критического мышления, строгого и в то же время гибкого эстетического чувства, и настаивая на том, что гуманитарные науки окупают финансовые инвестиции, мы также должны противостоять сокращению бессрочных постоянных контрактов и позиций тех, кто является кандидатами на такие контракты в будущем. Действительно, мы должны противостоять всем попыткам сделать финансовые соображения важнее образовательных задач. Да, так и есть на самом деле, что мы приносим больше долларов и центов, чем тратим, но мы не можем позволить, чтобы лишь на этом основании о нас судили и нас оценивали. Наша работа порождает смысл и чувства, которые позволяют нам и нашим студентам ощущать полноту повседневного существования и быть подготовленными к жизни в мире, где после привнесения прародительницей Евой критического взгляда на мир, «никогда больше песни птиц не будут прежними» [Frost 1972, 451]. Воспитание этих чувств крайне важно, если мы хотим ощущать и полноценно переживать нашу собственную человечность.

Будьте внимательны к этическому бремени технологии. Гуманитарии всегда были связаны с технологией; в наших садах всегда были машины. Соответственно, мы должны помнить об «этическом бремени технологии, особенно технологии, которая создает и распространяет» нашу работу. Технология вбирает в себя все предубеждения, предвзятости, предпочтения и моральные требования, связанные с ее созданием. Таким образом, технология «повышает ценность одних навыков вобретении знания, делая другие невидимыми» [Bowker, Star 1999, 6]. Именно первые будут вознаграждены в соответствии с финансовыми предпочтениями настоящего момента, и на нас, представителей гуманитарных наук, лежит нравственное бремя критиковать то финансирование, которое служит искусственной приманкой для работника умственного труда. Я скажу откровенно,

что работа, на которую я получала самое значительное финансирование, не является тем, что я считаю самой ценной своей работой, хоть она и была щедро вознаграждена в долларах и центах.

Не противопоставляйте себя администраторам или ученым — не-гуманитариям. Неоднократно с большим вниманием я брала интервью или общалась с администраторами, деканами, проректорами, президентами, большинство из которых являются учеными не гуманитарных специальностей. Не раз меня глубоко поражал тот факт, что они высоко ценят гуманитарные науки, и весьма красноречивы в выражении своей оценки. Один космолог заметил: «В чем ценность гуманитарных наук? Без гуманитарных наук в нашем процессе накопления знаний нет места людям, или, по крайней мере, мы просто о них забываем». Первый проректор Университета штата Мэриленд, инженер по специальности, красноречиво, глубоко и трогательно говорит о том, как любовь к поэзии укоренилась в культуре его родной страны, Ирана, и о том, что изучение персидской поэзии не является там ни выбором, ни роскошью; это просто необходимость.

Говоря словами моего старого друга Роберта Фроста, «я обращаю внимание на то, что если вы не в ладах с метафорой, если у вас нет в этом должного поэтического навыка, вы нигде не будете в безопасности. Ведь это значит, что вам трудно с переносными значениями: вы не знаете сильные и слабые стороны метафоры. Вы не знаете, как долго можно на ней гарцевать, и когда же она вас сбросит с седла. Для вас опасность представляет наука; опасность представляет история» [1972, 334]. Вместо использования метафор, заимствованных из области менеджмента, в гуманитарных науках мы должны скорее уподоблять себя садовникам; мы работаем в полях и одновременно мы культивируем — и то и другое жизненно важно для общего блага.

Библиография

- Bowker Geoffrey C., Leigh Star* (1999) *Sorting Things Out: Classification and Its Consequences*. Cambridge, MA: The MIT Press.
- Chew Suok Kai* (2008) Review of *Contagious: Cultures, Carriers, and the Outbreak of Narrative* by Priscilla Wald. *New England Journal of Medicine* 358 (11): 1203–4.
- Dickinson Emily* (1998) *The Poems of Emily Dickinson*. Ed. by R. W. Franklin. Cambridge, MA: The Belknap Press of Harvard University Press.
- Frost Robert* (1972) *Education by Poetry: A Meditative Monologue*. In: *Robert Frost. Poetry and Prose*. Ed. by E. C. Lathem, L. Thompson. 329–40. New York: Holt, Rinehart and Winston, Inc.
- Jauss Hans Robert* (1970) *Literary History as a Challenge to Literary Theory*. Translated by E. Benzinger. *New Literary History* 2 (1): 7–37.
- Lorde Audre* (1984) *Poetry Is Not a Luxury*. In: *Sister Outsider: Essays and Speeches*. 36–39. Freedom, CA: The Crossing Press.
- Newfield Christopher* (2008) *Unmaking the Public University: The Forty-Year Assault on the Middle Class*. Cambridge, MA: Harvard University Press.
- — — (2010) *The End of the American Funding Model*. *American Literature* 82 (3): 611–35.
- Powell Lewis F.* (1971) *Confidential Memorandum: Attack on American Free Enterprise System*. Memorandum to Eugene B. Sydnor Jr., Chairman, Education Committee, US Chamber of Commerce, August 23 [www.aspenlawschool.com/books/plater_environmentallaw/updates/2_Powell_Memorandum.doc].
- Topf Mel* (1981) *Smooth Things: The Rockefeller Commission's Report on the Humanities*. *College English* 43 (5): 463–70.
- Wald Priscilla* (2008) *Contagious: Cultures, Carriers, and the Outbreak Narrative*. Durham, NC: Duke University Press.
- Watson Robert N.* (2010) *The Humanities Really Do Produce a Profit*. *Chronicle of Higher Education*, March 21 [chronicle.com/article/The-Humanities-Really-Do-Pr/64740].
- Yudof Mark* (2009) Interview by Spencer Michels. *PBS NewsHour*, November 20 [www.pbs.org/newshour/bb/education/july-dec09/feehikes_11-20.html].
- — — (2010) *U. of California's Problem Is Unreliable State Support*. Letter to the editor, *Chronicle of Higher Education*, May 2 [chronicle.com/article/U-of-Californias-Problem-Is/65346/%29].

О месте искусства в либеральном образовании¹

Весной прошлого года танцевальная труппа Марты Грэм провела несколько дней в Колледже Помона. Во время их визита проводились мастер-классы, а в завершении состоялось совместное выступление студентов и профессионального ансамбля. Мало кто из выпускников колледжа станет профессиональным танцором или хореографом, и все же почти пятьдесят студентов приняли участие в этом тренинге и совместном выступлении. Возможность выступить на таком уровне является важной частью образования этих студентов вне зависимости от их будущей карьеры. Почему же танцевальное выступление или обучение танцам должно являться неотъемлемой частью жизни колледжа или университета и должно финансироваться из бюджета учебного заведения и денег, полученных за обучение? Этот вопрос нуждается в обоснованном ответе.

Роль искусства особенно важна в дискуссии о ценности либерального образования. Колледжи и университеты постоянно вынуждены объяснять преимущества либерального образования и карьерные возможности своих выпускников. Если стандартом оценки будет зарплата выпускников в зависимости от полученной специализации, то искусство неизбежно окажется далеко на заднем плане в наших университетах. Аналогично, если стандартом будет прямая дисциплинарная связь с наиболее востребованными областями — такими, как естественные и инженерно-технические науки, технология и математика, — искусство окажется на периферии «настоящей» жизни высшего образования. Однако если при этом мы считаем привитие творческого под-

* Президент Колледжа Помона, США.

Автор благодарит профессоров Колледжа Помона Донну М. Ди Грация, Кэтрин Дж. Хагедорн и Эрика С. Линдхольма за их вдумчивое чтение и предложения по усовершенствованию этой статьи.

¹ Настоящий текст является переводом статьи: *David W. Oxtoby. The Place of Arts in Liberal Education. Liberal Education. Spring 2012. Vol. 98. No 2.*

хода одной из основных ценностей образования, то преподавание предметов по искусству может и должно играть центральную роль. Мы должны понять и сформулировать как дисциплинарную целостность программ в области искусства, так и их междисциплинарное значение. Учитывая это при разработке учебных планов и распределении ресурсов, мы получаем потенциальную возможность для преобразования учебных учреждений и образовательной деятельности.

Какое место занимает искусство, в том числе и исполнительское искусство, в либеральном образовании? Говоря о месте гуманитарных наук и искусств в сфере высшего образования в современной жизни, Марта Нуссбаум выдвигает сильный аргумент в пользу искусств на всех уровнях образования. Она предлагает интересный взгляд на межкультурные отношения. Сопоставляя образование, нацеленное на формирование ответственной гражданской позиции в Индии и в Соединенных Штатах, Марта Нуссбаум, в частности, рассматривает роль детского хора в развитии демократического принципа включенности в процесс каждого участника. Она описывает воздействие искусств на идеологию, отмечая, что «воображение людей искусства <...> всегда выходит за рамки своих обычных границ и заставляет смотреть на мир по-новому» [Nussbaum 2010, 23–24]. Так же, как мы ожидаем, что наши студенты будут подвергать сомнению и критиковать идеологические догмы в своих устных и письменных работах, в той же мере мы должны признать, что студенты вступают во взаимодействие и бросают вызов идеологическим стереотипам через художественное творчество. Как целеустремленность, дисциплина и практика развивают понимание и талант, характерные для математики, химии или исторического анализа, так усердие и трудолюбие на занятиях по искусству позволяют студентам развивать понимание и совершенствовать художественное самовыражение.

Возможности для наших студентов часто ограничиваются анализом искусства, созданного другими, без шансов принять непосредственное участие в творческом процессе. Исполнительское, практическое искусство должно перейти из периферии в центр современного образования, поскольку оно может помочь сформировать новое поколение творчески мыслящих выпускников для разных сфер жизни. В наших колледжах и университетах мы должны разъяснять важность исполнительских и изобразительных искусств. Нужно четко представлять себе, как «вписываются» программы и курсы по искусству в учебные планы университетов, и признать непреходящее социальное и общественное значение тех студентов и выпускников, чье образование включало творчество, исполнительскую деятельность и другие разновидности практического искусства.

Место художественного творчества

В своем убедительном выступлении в цикле «Лекция имени Джефферсона» (ежегодное мероприятие в США, которое посвящено гуманитарным исследованиям и проводится с 1972 года) Хелен Вендлер утверждала, что в гуманитарном образовании искусства должны занимать центральное место. Она отметила, что общеобразовательные программы в университетах выделяют почетное место философии и истории, и, как правило, игнорируют формы культуры, которые она считает подвижническими и неподвластными времени: поэзия, искусство, музыка и драма. Завершая свой весомый аргумент, Вендлер подчеркивает, что «так же, как искусство является собой только наполовину без нас — его аудитории, его анализа, его исследователей — так и мы сами без него равны себе только наполовину» [Vendler 2010, 13]. Как бы ни был убедителен этот аргумент, отметим, что он ставит студентов и преподавателей на сторону ценителей и аналитиков искусства, а не создателей и исполнителей. Есть ли место в либеральном образовании не только для анализа и понимания искусства, но для художественного и исполнительского творчества? Этот вопрос остается без ответа в ее лекции, но я бы ответил, да, конечно, есть.

Подобно этому, в эссе о визуальной грамотности Деандра Литл, Питер Фелтен и Чад Берри [2010] обсуждают важность понимания того, как видеть и оценивать визуальные образы во всех областях, от искусства до астрономии. Визуальная грамотность, утверждают они, должна занять свое место рядом с чтением как одно из умений, включенных в основной учебный план. Но мы могли бы сделать шаг дальше в этом направлении. Если умение критически рассматривать визуальные образы так же важно, как и критическое чтение текстов, должно ли рисование (или создание визуальных образов на компьютере) приравниваться по важности к письму как ключевому навыку в колледже? Если идти дальше, мои коллеги в музыкальном образовании подчеркнут важность умения хорошо слушать и использовать навыки слушания для углубления навыков понимания и интерпретации. Как исполнение музыки или декламации поэзии повышают слуховую грамотность?

В обобщающих утверждениях о ценности либерального образования творческие и исполнительские виды искусства, как правило, почти не упоминаются. Мы все согласны, что критическое мышление является желаемой целью образования, и легко можем привести убедительные аргументы, что различные составляющие этой способности можно приобрести благодаря освоению таких разных предметов, как философия, литература,

социология и история искусства. Известный аргумент о существовании устойчивой связи между тем, что ищут в выпускниках будущие работодатели и основными программами в либеральном образовании, понятен в отношении большей части учебного плана (письмо, математика, навыки решения проблем, критическое мышление).

Однако это не столь очевидно для наших программ по искусству. Делает ли их это необязательными? Являются ли они только «причудами», которые дополняют основное образование? Или творчество, репетиции и выступления в равной мере, хотя и по-своему, способствуют формированию критического мышления, развивая способность выражать, воображать, взаимодействовать с миром, переосмысливая опыт человечества? Опять я бы сказал, да, конечно!

В то же время мой собственный опыт говорит, что педагоги не смогли эффективно продемонстрировать ни важность программ по практическим искусствам в рамках системы либерального образования, ни понимания практических искусств как дисциплин со своей собственной историей и теоретической базой, со своими успешными педагогическими методами. Несколько лет назад я представлял стратегический план развития Колледжа Помона нашему совету, построив этот план с учетом анализа основных результатов обучения, которые были определены в рамках проекта Ассоциации американских колледжей и университетов «Либеральное образование и будущее Америки» (*LEAP*). План был очень хорош, за исключением одной области — искусства. Трудно было связать далеко идущие цели колледжа по укреплению нашей программы по практическим искусствам с возможными результатами обучения, сформулированными в рамках проекта *LEAP*. В рубриках *LEAP* упоминается «изучение» искусства, но не говорится о создании или исполнении произведений искусства. «Работа в команде» — еще одна из формулировок, но она трактуется слишком широко и применима не только к группе студентов, исполняющих пьесу или музыку в ансамбле, но ко многому другому — от групповых презентаций в классе до лабораторной работы. Остальные рубрики проекта *LEAP* с большим трудом применимы к сфере искусств. Однако как лидеры в области высшего образования, мы можем и должны заявить о центральном месте активного творчества среди наших целей обучения.

На стыке разных интересов

Если цель либерального образования в развитии творческих способностей, то стоит задаться вопросом, поддерживается ли эта цель тем, как устроены наши учебные

заведения и какую институциональную культуру они формируют. Можем и хотим ли мы втиснуть практические, исполнительские искусства в традиционный учебный формат наших колледжей и университетов? Как определяются «научная работа» и «профессиональное достижение» для преподавателя скульптуры или вокала? Ведь стандартом здесь являются не опубликованные книги и статьи, а экспонированные или исполненные произведения, что не всегда легко оценить при избрании преподавателя по конкурсу. Как мы выставляем оценки студентам в рамках практического курса по музыке? Играют ли здесь роль «прилагаемые усилия»? Получают ли высшую оценку студенты с лучшими голосами или же мы учитываем сочетание усилий и конечного результата? Включается ли в основную учебную нагрузку студента участие в театральном представлении или создании сценографии?

Как отмечается в докладе Гарвардской специальной группы по вопросам искусства, аналогичная дилемма возникает, если посмотреть на этот вопрос с точки зрения самих студентов: «Многие студенты не осознают ту трудную работу — тщательную подготовку, тренировку восприятия и интеллектуальные усилия, которые требуются в сфере практических искусств. При этом они знают, что для написания эссе нужно приложить усилия, подразумевающие также серьезный навык и временные затраты. Точно так же они ожидают, что задания по математике и естественным наукам будут трудными. Однако попросите их сфотографировать пейзаж, сочинить рассказ или подготовить сцену из спектакля вместо написания аналитического эссе, и они почти все будут считать, что задание можно быстро и легко выполнить... [Нужно научить студентов] выполнять совершенно иной вид работы, где ум и тело вовлечены иначе, чем в случае с аналитическим письмом или вычислениями» [2008, 4].

Цитируя слова доклада специальной группы, «хотя искусства и можно встретить везде на территории кампуса, но всем понятно, что их роль второстепенна» [2008, 3].

Грамотная организация программ по практическим искусствам — нелегкая задача для колледжей и университетов, тем более что искусства имеют тенденцию вырываться за пределы университетских зданий и оказывать влияние на окружающее сообщество. Здания, где размещаются программы по искусству, не всегда самые ухоженные на территории университета. Студии для занятий по скульптуре или театральные мастерские, если они активно используются, могут быть шумными и лишены порядка. Публичные представления и выставки (одна из целей активных программ по практическим искусствам) могут вызывать самые разные вопросы —

от спорных политических взглядов до излишне откровенного сексуального содержания. Эти факторы могут приводить к маргинализации практических искусств во многих университетах в одном из двух направлений: либо в качестве программ сугубо профессиональной подготовки, либо как часть внеучебной деятельности студентов. Давайте рассмотрим каждый случай.

Профессиональное обучение. По всему миру существуют профессиональные школы в качестве основных институтов подготовки будущих художников и исполнителей: консерватории, школы искусств и дизайна. Однако не существует подобных профессиональных школ для подготовки будущих историков или математиков; эту роль выполняют наши колледжи и университеты. И хотя значительное число артистов действительно выходит из учебных заведений, построенных по модели свободных искусств и наук, в отношении к таким программам по-прежнему часто сохраняется подозрение в сугубо «профессиональной» ориентации, что исключает их из области базового общего образования в сферу программ, безоговорочно ориентированных на конкретную сферу рынка труда, — таких, как подготовка медсестер или бизнесменов. Во многих крупных университетах программы по практическим искусствам выделены в отдельные структурные подразделения, которые весьма отличаются от программ, реализующих модель свободных искусств и наук, тогда как в меньших по размеру учебных заведениях курсы по практическим искусствам часто ведут преподаватели-почасовики, вообще имеющие другой статус. Не отрицая важную роль профессиональной подготовки в области практических искусств в наших колледжах и университетах, я считаю, что в таких областях, как изобразительное искусство, театр и танец, писательское мастерство и музыкальное исполнительство, учебные программы должны быть лучше интегрированы в базовую часть системы либерального образования в качестве общеобразовательного элемента, обязательного для всех студентов.

Внеучебная деятельность. Дирижер оркестра Колледжа Помона является штатным преподавателем на постоянном контракте, а за игру в оркестре студенты получают оценки как за полноценную академическую дисциплину. Образовательный процесс, ведущий к исполнению сложных произведений музыкального репертуара, является чем-то экстраординарным. И тем не менее, слишком часто академическое сообщество, в том числе и преподаватели, относятся к такого рода деятельности как к «внеклассной работе», рассматривая ее как занятия, которые студенты выбирают ради удовольствия в свободное время. Курсы, которые подразумевают дискуссии в классе, решение задач или написание письменных работ, считаются центральной

частью учебного плана, в то время как другие виды деятельности — такие, как участие в пьесе или выполнение рисунка, — таковыми не признаются. Действительно, граница между учебной и внеучебной деятельностью не всегда является четкой; один и тот же студент может петь в камерном хоре (учебная деятельность) и в капелле, организованной студентами (внеучебная деятельность). Верно также и то, что разные колледжи делают разный упор на художественное творчество и исполнительские искусства в рамках своих программ. Некоторые студенты выступают за студенческий контроль над программами практических искусств и просят свои учебные заведения оказывать только общепрограммную поддержку, сопротивляясь «захвату» драматического искусства, например, кафедрами и штатными преподавателями.

Зачем включать практические искусства в учебный план?

Тот факт, что художественное творчество и исполнительские виды искусства не всегда легко вписываются в программы колледжей и университетов, является на самом деле важной причиной, чтобы туда их включать. Их «угловатость» помогает бросить вызов нашим учебным заведениям и расширить границы возможного. Есть, по крайней мере, четыре веских аргумента, почему практические искусства должны быть в центре, а не на периферии интересов наших образовательных институтов.

Влияние на общество. В то время, когда государственное финансирование искусства сократилось, особенно в Соединенных Штатах, наши колледжи и университеты являются одними из немногих мест, поддерживающих творческий талант, мест, где создание произведений искусства можно продвигать ради него самого, безотносительно непосредственной коммерческой выгоды. Некоторые из наших лучших писателей нашли себя в преподавании писательского мастерства в наших учебных заведениях. В Колледже Помона студенты имели уникальную возможность учиться сначала у Дэвида Фостера Уоллеса, а теперь у Джонатана Летема. Молодые актеры и художники иногда начинают свою карьеру, преподавая в колледжах, а театральные режиссеры могут сочетать преподавание с постановкой пьес за пределами кампуса. Во многих городах местный колледж или университет является основным ресурсом программ по практическим искусствам для населения. В условиях, когда средние школы сокращают финансирование таких программ, некоторые студенты

впервые непосредственно сталкиваются с искусством, когда они попадают в колледж и пробуют себя в танце или рисовании.

Для процветания искусства в обществе студенческие годы должны предоставлять человеку круг возможностей, ведь именно в этот период жизни формируются социальная и культурная ответственность личности. Многие выпускники говорят о том, как участие в программах по практическим искусствам во время обучения в университете направило их на путь постоянного самообразования. Приобщение к искусству во время учебы формирует у студентов жизненные установки и желание участвовать в общественной деятельности после окончания учебного заведения. В своей статье в журнале «Либеральное образование»¹ Дана Гиоя пишет, что во время обучения в колледже большинство студентов имеют то преимущество, что они являются «частью сообщества, которое принимает искусство и идеи всерьез». После того как эта «система поддержки» заканчивается при окончании колледжа или университета, студенты стоят «перед выбором, хотят ли они быть пассивными потребителями или активными гражданами, хотят ли они видеть мир на экране или жить в нем осмысленно и изменять его» [Gioia 2008, 21].

Помощь студентам в «расширении возможностей». Многие поступившие в университет студенты являются опытными прилежными учениками, знающими как хорошо написать стандартный тест, краткий ответ в виде эссе или решить задачу. Такие студенты чувствуют себя вполне комфортно, имея дело со значительной частью учебного плана. Но поставь такого студента, скажем, в танцевальный класс, если он никогда не пробовал себя в этом виде искусства, и он окажется вытесненным из своей зоны комфорта. Работа в области художественного творчества и исполнительского искусства представляет собой другой тип обучения, отличающийся от работы в традиционной аудитории. Это может оказаться испытанием для студента и все-таки в конечном итоге дать ему больше уверенности в своих силах. Когда мне было сорок лет, я брал уроки вокала, не имея никакого опыта пения, и во многих отношениях это оказалось совершенно новым вызовом для меня. Я не только стал лучше петь, но теперь я понимаю музыку по-другому. Я знаю о музыке то, что я не мог знать, не создавая музыку сам. То же самое может случиться с университетскими студентами всех возрастов.

Искусство и практическое обучение. Программы по практическим искусствам переводят образование студентов из теоретической плоскости в практическую.

¹ См.: Liberal Education 94 (1): 18–21.

Ученые хорошо знакомы с этим процессом. В моей собственной области, химии, студенты учатся во время лекций и дискуссий о принципах термодинамики или синтезе органических молекул, и здоровая доза теории дает им основу для понимания окружающего мира. Но потом они идут в лабораторию и узнают о «беспорядке» в науке: то, что эксперименты могут пойти не так, что они не всегда легко поддаются интерпретации, что творческие достижения могут возникнуть и от повторения, и от интуитивной прозорливости. Сам опыт исполнения или создания произведения искусства является столь же запутанным, трудоемким, требующим повторения и интуиции. Это не означает, что каждый искусствовед должен научиться писать картины для того, чтобы быть успешным в его или ее академической карьере, но скрупулезность конкретного опыта создания или исполнения дает практическое понимание творческого процесса, что не может не вдохновлять студентов как на профессиональное, так и на любительское понимание искусства в университете и в их дальнейшей жизни.

Активная программа по практическим искусствам может считаться продолжением движения в сторону практического обучения, которое обычно ассоциируется с социальными науками. Так же, как курс по социологии может выиграть от группового проекта при общественной организации, так и студент на программе по истории музыки приобретает «воплощенное знание» от пения мадригала с камерным хором колледжа или пробуя свои силы в электронной композиции. Эдвард Айерс приводит аргументы в пользу значения практического опыта в либеральном образовании. По его словам, «аудиторные занятия кажутся созданными именно для подавления опыта, чтобы лишить студентов как можно большего числа стимулов. Стулья жесткие, стены голые и не хватает окон. Позволены лишь два чувства: слушать и смотреть» [Ayers 2010, 6]. Хотя Айерс не говорит конкретно об искусстве, эти слова, конечно, непосредственно применимы и к нему. Дисциплины по искусству и их акцент на практические техники исполнения, воплощенное знание, работу воображения, на умение планировать и наблюдательность вносят важный вклад в переходе к новым парадигмам, объединяющим естественные, социальные и гуманитарные науки.

Обучение творчеству. Инновации и творчество являются основными целями экономики XXI века. Общеизвестно, что успех в будущем зависит от способности создавать новые связи и порождать новые идеи, а не просто от применения своего образования в рамках четко определенной карьеры. Образование для такого будущего должно соответствовать этому требованию, и здесь свою роль играют основные курсы, которые сту-

денты проходят во время их пребывания в высшем учебном заведении. Таким образом, практические искусства являются одним из важных компонентов современного либерального образования, так как они развивают особый набор способностей, который поможет студентам в течение всей их жизни после окончания университета. Один из наших выпускников, ныне успешный международный бизнесмен, был студентом программы по изобразительному искусству. Сейчас он говорит о том, как учеба в колледже расширила его кругозор и сделала его открытым для новых идей. Другие выпускники, которые прошли лишь по несколько курсов по практическим искусствам, также часто упоминают их среди наиболее важных предметов, несмотря на то, что связь этих дисциплин с их текущей работой является косвенной. Чтобы подготовить творческих граждан и лидеров, следует поощрять все творческие возможности в процессе получения высшего образования.

Заключение

Определяя свои цели, наши колледжи и университеты должны учитывать центральную роль практических искусств. Качество помещений, выделяемых для занятий по искусству, является свидетельством приоритетов вуза, так же, как и уровень инвестиций в соответствующий преподавательский состав, когда нужен баланс между штатными преподавателями на постоянных контрактах, художниками или исполнителями, приглашаемыми на определенных условиях и просто преподавателями-почасовиками. То, учитываем ли мы художественные интересы и опыт абитуриентов во время приемной кампании, помогает сформировать наш студенческий контингент. Экспонирование произведений искусства в публичных пространствах и в музейном контексте, так же, как и показ творчества студентов — все это формирует художественный вкус на кампусе. Роль и приоритеты практических искусств — творчество, опыт, целостность — характеризуют учебное заведение в не меньшей степени, чем что-либо еще.

В Колледже Помона мы сделали упор на практические искусства в нашем стратегическом планировании и нашей кампании по сбору средств. Мы планируем открытие новых помещений для занятий практическими искусствами, а также для музейной программы, и, подобно многим высшим учебным заведениям, мы продолжаем искать пути, как поддерживать и развивать практические искусства и с точки зрения привлечения студентов, и со стороны развития учебного плана. Обучение и совместные выступления наших студентов

с танцевальной труппой Марты Грэм ясно показали, что студенты могут разумно, осмысленно и творчески взаимодействовать друг с другом и с миром. Тем не менее, полная интеграция практических искусств в опыт студента и в наше видение либерального образования потребует нового мышления, откровенных дискуссий и творческих действий.

Как сказала Дана Гиоя, «искусство является незаменимым способом понимания и выражения мира — равнозначным, но отличающимся от научного и философского методов <...> Искусство пробуждает, расширяет, облагораживает и восстанавливает нашу человечность» [2008, 21]. Учебные планы в высших учебных заведениях являются результатом политики и компромисса, и невозможно включить все желаемое в образование студентов. Баланс между естественными, точными, социальными и гуманитарными науками, и обучение разнообразным умениям и навыкам — от критического мышления до письма и математической грамотности — может показаться более чем достаточным для заполнения необходимой программы обучения. Выделение места в учебном плане для курсов, где овладение дисциплиной и совершенством техники позволяет студенту проявить себя творчески, окупается подготовкой по-настоящему широко образованных студентов, которые будут опираться на свой творческий потенциал в будущей жизни и карьере.

Библиография

- Ayers E. (2010) The Experience of Liberal Education. *Liberal Education* 96 (3): 6–11.
- Gioia D. (2008) The Transformative Power of Art. *Liberal Education* 94 (1): 18–21.
- Harvard University (2008) Report of the Task Force on the Arts. Cambridge, MA: Harvard University [www.provost.harvard.edu/reports/ArtsTaskForce-Report_12-10-08.pdf].
- Little D., Felten P, Berry C. (2010) Liberal Education in a Visual World. *Liberal Education* 96 (2): 44–49.
- Nussbaum M. (2010) Not for Profit: Why Democracy Needs the Humanities. Princeton, NJ: Princeton University Press.
- Vendler H. (2010) Centering Humanistic Study on the Arts. *Liberal Education* 96 (1): 6–13.

Будущее научного образования в колледже свободных искусств¹

Меня попросили рассказать о будущем естественнонаучного образования в контексте образования по модели свободных искусств, и я предлагаю подойти к этому сюжету с двух разных, но равно важных, позиций. Во-первых, это собственно образование будущих ученых, а во-вторых, это подготовка граждан, имеющих адекватное представление о современном научном знании. Обе задачи одинаково приоритетны для колледжей свободных искусств и университетов, но рискну утверждать, что пути их решения принципиально различны.

Разрешите начать с небольшого исторического экскурса, который позволит осознать, почему так важна задача подготовки творчески мыслящего ученого. Сильнейшим аргументом в ее пользу является то, что по меньшей мере за последние пятьдесят лет половиной своего роста валовый внутренний продукт США обязан достижениям в науке и технике. Совершенно новые отрасли промышленности — такие, как биотехнология, телекоммуникация и интернет-торговля, — появились благодаря научно-техническим изобретениям, большинство из которых было сделано в исследовательских университетах. С тех самых пор, как администрация президента Трумена приняла решение о серьезных государственных инвестициях в фундаментальные исследования и образование ученых, прогресс американской науки всецело зависит от молодого поколения, а его энергии, любознательности и способности быстро адаптироваться к требованиям времени завидует весь мир. Заманчиво почитать на лаврах, полученных нами в XX веке, однако нужно помнить, что, как говорят

* Профессор молекулярной биологии, Президент (2001–2013) Принстонского университета.

¹ Настоящая статья представляет собой перевод текста выступления 5 января 2010 года в Президентском институте Совета независимых колледжей. Оригинал доступен по адресу: www.princeton.edu/president/tilghman/speeches/20100105/

финансисты, прошлые удачи не гарантируют будущих результатов.

Я хотела бы просто стоять здесь и восклицать: «Молодцы! Так держать!» Но факты говорят о том, что на горизонте сгущаются грозовые тучи. Стоит внимания высказывание одного из моих личных героев — Нормы Августина, выпускника Принстона 1957 года, бывшего главы корпорации *Lockheed Martin*, председателя Комитета национальной академии «Благополучие в условиях глобальной экономики XXI века». В докладе указанного Комитета под названием «Подъем перед надвигающейся бурей: как вдохнуть в Америку новую энергию и силу ради светлого экономического будущего» он бросает вызов всем, кто считает непреложным фактом то, что наша сила заключается в достижениях науки и техники. В действительности для многих, кто следит за траекторией научно-технического развития, очевиден смысл следующей цитаты: «Если не приложить усилий для укрепления основ нашей конкурентоспособности, вполне возможно, что в ближайшие десятилетия мы потеряем привилегированное положение». Сегодня, когда исчезают физические препятствия для быстрой передачи товаров, услуг и идей, а такие страны, как Китай и Индия существенно увеличивают интеллектуальные и промышленные вложения в развитие науки, остро необходимо, чтобы США вновь продемонстрировали свою приверженность фундаментальным исследованиям и технологическим инновациям.

Августин и его коллеги дают конкретные рекомендации — от крупных и целенаправленных инвестиций в фундаментальные исследования до существенного материального стимулирования в области частных научных изысканий. Но, с моей точки зрения, нет ничего более важного, чем их призыв изменить саму систему преподавания естественных и точных наук в наших государственных школах. Необходимо проводить целенаправленную политику по привлечению «самых умных и выдающихся» к занятиям наукой и техникой в колледжах и за их пределами. Почему? Да потому что не все так хорошо в системе американского научного образования; проблемы начинаются (хотя совершенно точно — не заканчиваются) в классах. Как напрямую Августин заявил руководителям Конгресса, «всем известно, что Америка имеет одну из самых слабых систем среднего школьного образования в мире, и в то же время тратит денег на одного студента больше, чем большинство стран. Чем сильнее наши школьники подвергаются воздействию такой образовательной системы, тем ниже их результаты в международных тестах».

Больно осознавать, что по последним данным программы международной оценки учащихся пятнадцатилетние американцы находятся на двадцать третьем

и тридцать втором местах соответственно по уровню знаний в естественных и точных науках среди их ровесников из пятидесяти семи государств, сильно отставая от таких стран, как Канада, Австралия, Корея и Германия. Национальная экспертная служба в области образовательных программ рисует столь же мрачную картину. Среди учащихся четвертых, восьмых и двенадцатых классов, которых тестировали в 2005 году, только четвероклассники показали средний балл выше, чем их предшественники в 1996 году. Результаты старшеклассников были значительно хуже — лишь 18% из них смогли пройти тест или показали достаточное владение материалом. Когда более половины выпускников средних школ не может правильно нарисовать схему расположения Солнца и четырех планет солнечной системы по отношению друг к другу, не нужно быть большим ученым, чтобы понять, что мы имеем проблемы в национальном образовании.

Нас также не должно удивлять, что эти проблемы отражаются и на последующих уровнях системы образования. Студенты, которые с трудом освоили школьную программу естественных и точных наук, вряд ли будут мотивированы выбирать эти дисциплины как профилирующие в вузах. Большинство станет сторониться таких курсов, ограничиваясь предметами, далекими от естественнонаучных. Ежегодный опрос первокурсников, проводимый Исследовательским институтом высшего образования, показывает, что, за исключением медицины, интерес к научно-техническим специальностям год от года уменьшается. Действительно, число изучающих технические предметы в 2005 году было значительно меньше, чем в 1985-м, несмотря на общий прирост численности студентов американских колледжей.

Очевидно, что технические науки, которые так вдохновляли мое постспутниковое поколение на движение к звездам, потеряли свою привлекательность для многих молодых американцев. Это позор — и не только потому, что подобная ситуация ослабляет главный двигатель прогресса в США и внушительный источник американского влияния за рубежом, но и потому, что сейчас, как никогда, существует множество увлекательных вопросов для изучения и так много чудесных проектов, вызывающих к тому, чтобы быть осуществленными! Что же мы готовы сделать, чтобы увлечь юных американцев чудесами науки и техники? Мы в вузе не можем себе позволить сложить руки, осуждая плачевное состояние дел с преподаванием естественных наук в средней школе и ожидая, что эта ситуация когда-то где-то будет улучшаться. Да, студенты приходят в высшие учебные заведения с плохим уровнем подготовки и нежеланием изучать серьезные дисциплины, но мы можем попра-

вить ситуацию тем, как сами будем преподавать науку. Я хотела бы описать три важные стратегии, которые мы используем в Принстоне для улучшения естественнонаучного образования.

Для начала нужно понять, что вообще заставляет студента становиться ученым. В моем случае это началось в детстве с восторга от математики и любви к решению задачек. Но по-настоящему я увлеклась наукой, когда меня осенило, что ученые призваны решать головоломки, которые могут изменить мир. Лично я хотела понять, как развивается эмбрион, превращаясь из одной клетки в полностью сформированный организм. Многие мои ровесники были вдохновлены полетом спутника, поддерживали растущую силу Америки в изучении космоса. Это привело меня к мысли, что мы должны как можно раньше ставить перед студентами глобальные проблемы, волнующие ученых в данный момент. Обучение естественным наукам часто представляется пирамидой, в основании которой находятся фундаментальные факты, открытые сотни лет назад. Их нужно знать наизусть — законы Менделя о наследственности, законы Ньютона о гравитации. Есть ли в аудитории люди, кого вдохновили горох Менделя или яблоко Ньютона? Подобные факты часто запоминают списком, и преимущественно с исторической точки зрения, без попыток объяснить их актуальность для современных проблем. Только после того как вы утвердились на этом фундаменте, можно переходить на следующий уровень более сложных фактов, продвигаясь к верхушке пирамиды. В конечном счете, если у вас имеются настойчивость Сизифа и терпение Иова, то есть вероятность добраться до вершины и понять, для чего вам нужно было учить все это. Но ведь именно такие знания и являются инструментами для решения захватывающих проблем! Я думаю, нужно перевернуть эту пирамиду и начинать поиски истины с великих идей. Тогда, постоянно сводя воедино факты, теории и гипотезы, мы научимся решать вопросы, которые стоят за великими идеями.

Я опробовала такой подход с группой из одиннадцати первокурсников Принстона в ходе семинара «Роль асимметрии в развитии». В 1992 году я читала этот курс одной из групп обязательного семинара для первокурсников. В каждой группе профессор должен был выбрать фундаментальный вопрос, чаще всего связанный с его (или ее) актуальными исследовательскими интересами, и в течение целого семестра рассматривать эту тему со студентами. И поныне тот семинар остается одним из самых незабываемых преподавательских экспериментов, который понравился как студентам, так и их наставникам. Ведь до этого никто даже не пытался вести семинар первого года в рамках естественнонаучных

дисциплин. Причина? Пирамида! Догма говорила, что мы не можем вовлекать первокурсников в запутанные научные проблемы, потому что, находясь на нижней ступени пирамиды, они абсолютно не готовы воспринимать то, что находится на вершине. Я не была уверена, что это возможно, и все же начала семестр с того, что задала студентам самый фундаментальный вопрос биологии развития: возможно ли создать асимметрию в оплодотворенной или стволовой клетке так, чтобы после их однократного деления возникли две дочерние клетки, которые бы отличались друг от друга? Без генерации асимметрии не может быть различия, а, соответственно, не может происходить развитие.

Задание, которое я дала студентам на первые три недели, заключалось в том, чтобы додуматься, как асимметрия может быть введена или использована в биологической системе. При этом нельзя было пользоваться учебниками или другими источниками готовой информации. Я хотела, чтобы они нашли собственные оригинальные ответы на этот вопрос. Три недели мы обсуждали их идеи, взвешивая все «за» и «против». Лишь после того как они поняли, что сами способны изобрести гипотезу, мы стали читать профессиональные статьи, посвященные их идеям, которые были проверены на практике. Да, каждое занятие мы начинали со словаря, так как ученые имеют склонность использовать тайный язык там, где могли бы быть простые слова. Только вооружившись словарями, студенты смогли понять концепции и, что гораздо важнее, пути, по которым ученые выходили к экспериментам, чтобы протестировать свои гипотезы великими идеями. Именно тогда я поняла, что это возможно — перевернуть пирамиду.

Второй подход, который применяется в Принстоне, разрушает все искусственные барьеры, отделяющие одну естественнонаучную дисциплину от другой. Эти барьеры существовали в наших университетах столетиями, но к научно-техническим исследованиям XXI века они уже не имеют отношения. Самые захватывающие проблемы, с которыми сталкиваются ученые и инженеры в наши дни, не ограничиваются ни одной из существующих фундаментальных наук; они лежат на пересечении нескольких дисциплин. Сегодняшним нейробиологам знания в области физики и информатики требуются ничуть не в меньшей степени, чем знания по биологии и психологии. Для успешной экологической реабилитации экологов понадобятся гидрологи, инженеры-строители, геологи и химики. Важно, что мы готовим студентов к будущему в науке. Пять лет назад Давид Ботстейн, профессор молекулярной биологии Принстонского университета, создал программу «Интегральной науки» (*Integrated Science*) для студентов первого и второго курсов. Он предложил ведущим

профессорам химии, физики, биологии и информатики встретиться и представить список наиболее важных проблем в каждой из данных областей, а также вычленившие лежащие в их основе научные принципы. К своему удивлению, преподаватели обнаружили, что имеют намного больше общего, чем могли себе представить. Используя этот план, они создали двухгодичный курс, который ведут несколько педагогов — представителей разных научных дисциплин. Данный курс должен помочь студентам выбрать одну из областей науки для дальнейшего изучения на старших курсах. Как вы можете себе представить, подготовка курса заняла известное время; не обошлось и без некоторых трений, так как каждый факультет хотел взять в свои руки контроль над курсом. Тем не менее, курс получился, и процент выпускников программы, поступивших на самые престижные в стране магистратуры, а затем аспирантуры, превысил все ранее известные нам показатели. Более того, руководители этих аспирантских программ умоляют нас присылать им больше таких студентов, готовых к междисциплинарному характеру научных исследований в современном мире.

Третий подход, который используется в Принстоне, не является новшеством, но я уверена в его эффективности при подготовке будущих ученых. Мы предоставляем студентам возможность в действительности *быть* учеными. За прошедшие годы было проведено много исследований, подтвердивших связь между ранним исследовательским опытом и вероятностью продолжения научной карьеры. И это не удивительно, ведь лучшей мотивацией для ученого является возможность совершить открытие. В Принстоне каждый студент четвертого курса должен написать исследовательскую работу. Чем раньше студенты начинают работать в наших лабораториях, тем больше вероятность того, что они сделают что-то существенное. Должна добавить, что кому-то, наоборот, заключительная исследовательская работа помогает понять, что он не создан для науки, и это тоже полезный урок.

Я обращаюсь к руководителям независимых колледжей нашей страны, призывая задуматься над ролью, которую высшие учебные заведения, реализующие модель свободных искусств, могут сыграть в деле омоложения науки, чтобы избежать «грядущей бури» на горизонте. Действительно, ваши вузы имеют внушительные списки выпускников, работающих в научно-технической сфере. Говоря словами Тома Кеча, химика, лауреата Нобелевской премии, выпускника Гриннелл колледжа, «колледжи свободных искусств как группа выпускают в два раза больше будущих докторов в области точных и естественных наук, чем все программы бакалавриата в целом, и топ-колледжи соперничают с лучшими

исследовательскими университетами страны в количестве таких будущих докторов наук пропорционально к общему числу выпускников. На более субъективном уровне, когда успешные ученые сравнивают свое обучение в колледжах свободных искусств с тем, что они могли бы получить в больших исследовательских университетах, они называют опыт в колледже существенным преимуществом в своей карьере». В статье «Наука в колледже свободных искусств: лучшее образование?» Кеч исследует основы этого феномена. Эта статья должна быть рекомендована к обязательному прочтению всем приемным комиссиям магистерских и аспирантских программ. Из двадцати пяти колледжей и университетов, которые выпускают наибольшее количество студентов, получающих докторские степени в научно-технической сфере, по словам Кеча, не менее двенадцати являются колледжами свободных искусств, и лишь четыре из них — Свартмор, Карлтон, Харви Мад и Рид — уступают таким влиятельным вузам, как Калтек и Массачусетский технологический институт (МИТ).

Я тоже подготовила несколько цифр. Результаты подтверждают, что наши колледжи свободных искусств выпускают не просто ученых, а ученых мирового уровня. За последние двадцать лет семьдесят американцев, получивших диплом бакалавра в этой стране, стали лауреатами Нобелевской премии в области химии, физики и медицины. Из них шестнадцать, то есть больше, чем каждый пятый, посещали колледжи свободных искусств. Лидируют Гарвард и МИТ, имея семь и пять лауреатов соответственно, но если посмотреть на соотношение выпускников и нобелевских лауреатов с учетом данных Национального центра статистики образования, то мы увидим, что первые пять мест займут Калтек, Юнион колледж, МИТ, Амхерст и Купер-Юнион колледж.

Проблема шестидесяти четырех тысяч долларов,¹ несомненно, помогает понять, почему колледжи свободных искусств столь успешны в подготовке ученых и инженеров. Конечно же, имеют значение индивидуальный талант студента и его отношение к учебе. Но,

¹ Такова на сегодняшний день максимальная общая сумма ежегодных затрат студента престижного американского колледжа свободных искусств и наук (сюда входит не только полная стоимость обучения, но и стоимость проживания, питания, расходов на книги и т. д.). Стоимость обучения на программах бакалавриата самых престижных американских исследовательских университетов — таких, как Гарвард, Стэнфорд, Принстон — при этом, естественно, ничуть не ниже. Стоит отметить, что большинство студентов престижных американских университетов и колледжей свободных искусств и наук имеют существенные скидки, и реальная средняя общая сумма затрат студентов значительно ниже. — *Примеч. ред.*

как правильно отметил Чек, частные исследовательские университеты — такие, как Принстон, Стэнфорд и Чикагский университет, — проводят даже более избирательную политику, чем любой колледж свободных искусств. В то же время, их показатели по выпуску докторов наук остаются высокими, но по-прежнему отстают от колледжей. Другими словами, что-то должно быть еще, кроме просто таланта студента. Химик и лауреат Нобелевской премии Томас Стейц, выпускник университета Лоуренс,¹ считает, что у колледжей либеральных искусств есть три плюса: маленькие классы, мотивированные преподаватели, перекрестное обучение в области гуманитарных наук и искусств. Профессора крупных исследовательских университетов обычно сконцентрированы на значительных исследовательских проектах с небольшим количеством аспирантов, научных сотрудников и технического персонала, на публикации статей в специализированных журналах, на поездках по стране и миру, на разнообразных конференциях. Вся эта работа отвлекает их от тесного общения со студентами, от того, что является основой обучения в колледже свободных искусств. Да и, честно говоря, они всегда должны помнить, что преподавательская деятельность мало влияет на профессиональную карьеру. Подчеркивая преимущества учебного плана по модели свободных искусств и наук, Стейц говорит: «Мое обучение в университете Лоуренс дало мне общую картину мира и научило вычленять вопросы, имеющие принципиальное значение. Этого не хватало многим моим сокурсникам-аспирантам в Гарварде». Те, у кого за плечами столь же широкое образование, как у Стейца, имеют больше шансов стать успешными учеными, так как они способны подходить к научной проблеме с разных позиций, а также быстрее понять ее социальную значимость.

Я хотела бы добавить четвертую причину к списку Тома Стейца, объясняющую, почему колледжи свободных искусств выпускают так много будущих ученых. Обидно об этом говорить, но научно-исследовательская деятельность становится сегодня все более конкурентной, в связи с сокращением финансирования как на федеральном уровне, так и на уровне конкретных штатов. Студенты исследовательских университетов уже во время обучения в бакалавриате становятся свидетелями стресса, переживаемого преподавателями, аспирантами и научными сотрудниками, которые постоянно нервни-

¹ Университет Лоуренс — частный колледж свободных искусств и наук в городе Апплтон, штат Висконсин, с общим количеством обучающихся студентов около тысячи четырехсот человек. — *Примеч. ред.*

чают по поводу подачи документов на получение грантов или по поводу научных публикаций, находящихся на рассмотрении. Говоря, что наука — это область не для слабонервных, я не шутила. Существует множество причин, из-за которых ученые сегодня испытывают постоянное давление, но у меня нет ни малейшего сомнения, что непосредственное наблюдение за этой ситуацией может отвлечь от идеи посвятить свою жизнь науке даже самых ярких и талантливых студентов.

Помните, что от образования, которое вы предоставляете вашим студентам, интересующимся наукой, и от того, как вы их мотивируете, зависит наше будущее!

Однако образование в области точных и естественных наук имеет отношение не только к подготовке ученых и инженеров. Речь идет также о понимании научного метода и преобразующей роли науки и техники в повседневной жизни теми, кто никогда не будет работать в лаборатории. Без информированных политиков и разбирающейся в этих вопросах общественности научно-технический прогресс затормозится или пойдет в неверном направлении. По целому ряду тем — от эмбриональных стволовых клеток до эволюции, от изменения климата до изучения космоса — ученые и не-ученые находятся по разные стороны баррикад. Частично это происходит потому, что научное сообщество безнадежно обособленно, но в основном потому, что мы, как нация, не понимаем и не уважаем фундаментальные принципы научного исследования. Если бы мы относились к науке с большим вниманием и уважением, мы бы не исказили и не политизировали недавнюю рекомендацию от Американской организации по разработке профилактических мер, которая касалась необходимости проведения скринингового обследования населения для диагностики рака молочной железы. Парадоксально, что результаты столь серьезного обследования были фальсифицированы для того лишь, чтобы обвинить правительство в неверно проводимой политике в области здравоохранения.

Кажется, что ученые и не-ученые говорят на разных английских языках, подобно тому как британцев и американцев называют «одним народом, разделенным общим языком». Возьмем термин «теория». Для многих в этой стране теория эволюции является предположением, как любая другая гипотеза. В результате сторонники креационизма нашли своих адептов, когда пытались включить «их теорию» в учебный план государственных школ, несмотря на ее научную недостоверность. При этом для ученых неоднократно проверенные и перепроверенные идеи Дарвина — лишь предположение, представляющее собой элегантно и на данный момент самое научно доказуемое объяснение чрезвычайного разнообразия жизни на Земле.

Если метафора с пирамидой наглядно показывает проблемы традиционного научного образования, то ее аналогией для не-ученых является словарь, или, другими словами, ужасающий обзорный курс. Очень часто наши студенты — гуманитарии и социологи — берут курсы по введению в естествознание, чтобы удовлетворить соответствующее общеобразовательное требование. Эти вводные курсы достаточно ограничены и представляют собой большой свод любопытных, но бесполезных фактов, вызывающих бессонницу, но не позволяющих осознать сущность и важность науки. Последние годы Принстон просит преподавателей разрабатывать специальные краткие курсы для тех, кто не собирается заниматься естественными науками. Цель этих курсов — не поверхностный обзор тех или иных наук, так как студенты все равно забудут факты и цифры сразу после выпускного экзамена, цель — научить самих студентов добывать и проверять научные знания, вырабатывать понимание, какое отношение наука имеет к их собственному будущему. Когда я возглавляла комиссию преподавателей, разрабатывающих эти курсы, мы задавали себе вопрос: «Может ли подобный курс помочь будущему конгрессмену или исполнительному директору принять правильное решение, когда речь пойдет о научно-технологических проблемах?» Больше всего я расстраиваюсь, когда студенты говорят, что обязательные курсы по науке были нелюбимыми во время их обучения в Принстоне. Если мы хорошо делаем свою работу, эти выпускники должны быть уверены, что именно обязательные научные курсы подготовили их к тому, чтобы стать полезными для общества гражданами.

Свободные искусства включают в себя естественнонаучные дисциплины с тех пор, когда последние были формализованы в V веке, а именно: геометрию, арифметику и астрономию. Колледжи свободных искусств не являются прибежищем лишь для либералов и художников, как многие думают. Постигая в течение четырех университетских лет свободные искусства во всей их широте, студенты строят фундамент для своего будущего, фундамент, который потом поможет им сфокусироваться на академическом или сугубо профессиональном поприще. И, как я люблю говорить своим студентам, именно здесь у них есть возможность подготовить себя не к какой-то одной, а к любой профессии, включая те, которые еще не изобретены. И именно здесь семена понимания научно-технических сфер жизни либо прорастают, либо засыхают. В этом и есть смысл нашей непростой работы.

Как учить инновациям? О гуманитарных науках и экономике знаний¹

Давние поклонники журнала «*New Yorker*», несомненно, вспомнят карикатуру Майкла Маслина 1999 года, в которой театральный режиссер открывает занавес и спрашивает: «Нет ли в зале доктора филологических наук?» Забавно и нелепо звать профессора литературы на помощь. Доктора в области гуманитарных наук, в конце концов, уже давно известны своим родственникам как «не те доктора». И новые интерпретации шекспировской пьесы «Буря» вряд ли когда-нибудь спасут кому-нибудь жизнь. Однако этот здоровый скептицизм может начать разрушать основы американского высшего образования. В условиях ограниченных ресурсов администраторы и политики вынуждены вкладывать больше средств в программы по естественным и инженерно-техническим наукам [Goldin, Katz 2008]. Тем временем колледжи свободных искусств и наук (*liberal arts*) идут к тому, чтобы стать вымирающим видом (До свидания, Антиох!). Но то, что выглядит, как неизбежная рыночная тенденция, само по себе может иметь негативные экономические последствия. Я утверждаю, что гуманитарные науки действительно играют определяющую роль в подготовке не только «настоящих» докторов, но и предпринимателей, инженеров и дизайнеров, которые делают американскую экономику столь продуктивной. На мой взгляд, это потому так, что гуманитарные науки предоставляют студентам наилучшие возможности для того, чтобы учиться инновационному мышлению.

Ценить гуманитарные науки (или нет)

Гуманитарии не любят говорить о своем ремесле как о ремесле. Одна из причин того, почему многие из нас

* Профессор французского языка Стэнфордского университета.

¹ Настоящий текст является переводом статьи: *Dan Edelstein. How Is Innovation Taught? On the Humanities and the Knowledge Economy. Liberal Education. Vol. 96. No 1.*

стремятся получить ученые степени и выбирают академическую деятельность, заключается в том, что мы хотим обойти обычную служебную лестницу. Однако, когда в прошлом году экономический ураган обрушился на башню из слоновой кости, стало невозможно игнорировать тот факт, что даже исследования, посвященные Петрарке или Петену, могут стать жертвами Великой рецессии. И хотя мы можем продолжать думать, что наше преподавание и научные изыскания находятся далеко от мирской суеты Уолл-стрит, мы все же обязаны объяснить себе и общественности, почему за гуманитарные науки стоит бороться и платить.

Вряд ли добродетели гуманитарных наук остались незамеченными. Но их наиболее красноречивые защитники обычно указывают, например, на высокие достижения гуманитарных наук в воспитании чувства гражданского долга и патриотизма, в развитии представления о человеческом совершенстве и способности сострадания к ближнему. В более практическом ключе навыки, которые гуманитарные науки формируют, — такие, как ясный стиль письма или рациональный анализ, — только косвенно связаны с профессиональным успехом.

Вкладу гуманитарных наук в наше потребительское общество, напротив, редко уделяют внимание. Либеральное образование, основанное на гуманитарных науках, почти повсеместно рассматривается как противоположность профессионального образования. Доведенная до крайности, эта точка зрения привела к заявлению Стэнли Фиша, что «на вопрос, есть ли какая либо польза от гуманитарных наук, единственный честный ответ будет, что нет никакой» [Fish 2008].

Примечательно, что в то время как представители гуманитарных наук избегают или категорически отвергают аргументы об их практической ценности, ученые, которые не преподают традиционные гуманитарные дисциплины, активно используют эти аргументы. Следующие три примера из исследований предпринимательства, естественных и инженерно-технических наук и медицины иллюстрируют эту тенденцию.

Так, социолог Мария Годвин недавно подчеркнула общность между целями свободных искусств и предпринимательства. По ее утверждению, «предпринимательство является реальным и практическим проявлением восприимчивости к свободным искусствам <...> это имеет экономические последствия, которые расширяют возможность предпринимателя взаимодействовать с социальным дискурсом — развивать и выражать личную идентичность, оказывая влияние на более широкий социальный контекст» [Godwyn 2009]. Кроме того, она призвала преподавателей и администраторов «интегрировать курсы по свободным искусствам и предприни-

мательству». Это предложение, вероятно, не услышат представители большинства гуманитарных факультетов. Но она также отметила, что для многих ученых предпринимательство — это нечто большее, чем просто бизнес. Как и гуманитарные науки, оно «включает изучение и анализ того, что *есть* <...> и путем выявления и оценки возможностей для улучшения того, что *есть*, сознательно способствует тому, что *будет*». Как мы увидим, этот процесс улучшения существующего положения дел очень похож на уроки инновационного мышления в рамках гуманитарных программ.

Еще один аргумент в пользу важности гуманитарного образования был высказан физиком и инженером. В одном из номеров журнала «*Forbes*» Марк Миллс и Хулио Оттино (декан факультета технических наук имени Маккормика Университета Нортвэстерн) заявили, что правительственные учреждения, предоставляющие гранты, должны поддерживать исследовательские программы, ориентированные на «весь мозг» в отличие от обычных грантовых предложений, ориентированных на «левое полушарие мозга». Они предполагают: «Возможно, портфолио с работами в области искусства, литературы или музыки [должны] учитываться при приеме на работу на факультеты естественных и инженерно-технических наук». Почему? «Инновации <...> невозможны без того, что воспитывается гуманитарными науками и связано с мыслительными процессами правого полушария мозга — креативностью, артистизмом, интуицией, фантазией, эмоциями».

Последний пример сопровождается статистикой, показывающей измеримые достижения студентов, которые проводят больше времени, используя правое полушарие мозга. Доктор Джоэл Кац из Гарвардской медицинской школы и его команда попросили группу студентов первого и второго курсов проводить немного больше половины еженедельного аудиторного времени в Бостонском музее изящных искусств, посещая занятия и семинары по искусству, а оставшийся час на лекциях по курсу физической диагностики [Naghshineh et al. 2008]. Контрольная группа тем временем посещала только эти лекции, не занимаясь в музее. В конце восьминедельного срока студенты, которые посещали занятия по искусству, проводили диагностику на 38% эффективнее, чем студенты из контрольной группы.

Инновации: антропологический аспект

Неизменное презрение, которое многие защитники гуманитарных наук проявляют по отношению к их утилитарным результатам, кажется особенно неуместным

в свете признания значимости этих результатов другими специалистами. Эта значимость становится более понятной, если учесть в какой степени идеи заменили товары как движущая сила экономики. На самом деле, в то время как политики по-прежнему пребывают в надежде, что Америка будет продолжать выживать как производственная держава, большинство экономистов и бизнесменов признают тот факт, что наши экономические перспективы лежат в патентах, а не в товарах. Согласно мнению этих аналитиков, не будет ничего страшного, если Китай или другие развивающиеся страны возьмут на себя производство, при условии, что Силиконовая долина нашей страны продолжит разработку товаров. Соответственно, максимальные инвестиции для нашего будущего процветания заключаются в том, чтобы сделать наше «население более умным и инновационным» [Friedman 2009].

Но как именно научить студентов быть «более умными и инновационными»? Инновациям, пожалуй, обучать наиболее сложно. Это умение не приобретается через подражание или следование каким-нибудь правилам. Это просто то, что, как мы надеемся, студенты приобретут самостоятельно в учебном заведении или вне его стен. Существует даже подозрение, что университеты могут сдерживать инновационные инстинкты; хорошо известно, что ни Стив Джобс, ни Билл Гейтс не закончили колледж.

Мой тезис о том, что гуманитарные предметы предоставляют больше возможностей для развития в студентах способности к инновациям, может показаться некоторым таким же смешным, как и карикатура из журнала «*New Yorker*», упомянутая выше. Стоит, однако, задуматься, почему одни культуры и народы более склонны к инновациям, чем другие. Как нам говорят антропологи, все культуры запрограммированы на то, чтобы быть преимущественно консервативными. Как и наша ДНК, культура передается от одного поколения к другому, но с гораздо менее устойчивым результатом: всегда есть риск того, что миф, танец, текст или песня будут преобразованы в процессе передачи. По этой причине, как отмечал Грег Урбан [Urban 2001], во многих культурах есть механизм ограничения риска мутаций. Старшие заставляют детей повторять стихи или ритуалы слово в слово; игры имеют строгие правила, а школы следят за тем, чтобы знания прошлых поколений не исчезали с появлением нового поколения.

Конечно, некоторые общества дорожат инновациями. Наряду с традиционным способом передачи культурных ценностей существует и тот, который Урбан называет современным. При традиционном способе культурный продукт должен претерпеть как можно меньше изменений в процессе передачи от одного по-

коления к другому. Современный способ допускает, что культурный продукт будет преобразован (хотя и не до неузнаваемости). Одним словом, традиционному повторению народных песен на протяжении веков современная музыка предпочитает ремикс. Традиционной одежде в племенных обществах современные общества противопоставляют моду (французское *la mode*, к которому восходит слово «современный»).

Но нужно осторожно говорить о «современных обществах», поскольку ни одна культура не начинает с чистого листа, сжигая книги и записи прошлого (за исключением, возможно, опыта культурной революции). Даже для нас, современников, сохранение культурного прошлого необходимо. Мы не переписываем Конституцию каждые пятнадцать лет, и большинство взрослых морщатся, когда их дети-подростки калечат грамматику. Кроме того, инновации сами по себе являются своего рода консервациями. Поэт-модернист Т. С. Элиот переработал «Божественную комедию» в «Бесплодную землю»; старый «Фольксваген Жук» все еще узнаваем в новой марке машины. Осуществление инноваций — это не столько отказ от прошлого, сколько пересмотр и преобразование того, что было раньше.

Инновации в академической среде

Антропология демонстрирует нам, что инновации возможны в широком поле от убежденного традиционализма до авангардного радикализма. Различные культурные группы могут быть расположены вдоль этого поля в зависимости от их степени предпочтения традиционного или современного способа передачи знаний. Антропологический подход рассматривает создание новых произведений искусства, товаров или порождение новых идей с точки зрения культурной передачи. Подобная трактовка инноваций особенно перспективна применительно к академической среде.

Как и культурные группы, академические дисциплины можно охарактеризовать в зависимости от их ориентации на воспроизведение или преобразование знаний. В этом отношении органическая химия, например, может быть описана как более «консервативная» дисциплина, чем, скажем, нейробиология. Причина заключается в том, что первая была областью исследований гораздо дольше, и то знание, которое одно поколение химиков-органиков передает следующему, редко оспаривается новыми открытиями. Аспиранты в области нейробиологии, наоборот, почти наверняка будут выдвигать теории мозговой деятельности, которые противоречат убеждениям их профессоров. Подобные

различия можно было бы провести и в области гуманитарных наук: подходы к изучению логики в сфере аналитической философии меняются гораздо более медленными темпами, чем, например, подходы к изучению революционных движений в сфере исторической дисциплины.

Можно было бы возразить, что, независимо от дисциплины, научные исследования по определению являются попыткой изменить существующий свод знаний. В этом случае инновации, понимаемые как способ пересмотра знаний, могут с одинаковым успехом находить место в любой дисциплинарной области. В определенной степени, это действительно так: исследовательские семинары для первокурсников в стенах университетов призваны ознакомить начинающих студентов с интересными исследованиями, скажем, по электротехнике, морской биологии или истории.

Если ознакомиться с требованиями учебного плана большинства научных специальностей, становится очевидным, что основная часть курсов нацелена на воспроизведение знаний у студентов. Возможно, нейробиология как дисциплина и находится в стадии становления, но прежде чем вы начнете изучать взаимодействие синапсов, необходимо приобрести прочные познания в области биохимии. Сегодняшние студенты, занимающиеся теоретической физикой, могут пойти очень далеко: обнаружить новые субатомные частицы и переписать правила квантовой механики. Но сначала они должны освоить более традиционную, и в значительной степени неизменную, практику решения интегральных уравнений.

Конечно, гуманитарные дисциплины также строятся вокруг канонических знаний (пусть эти канонические знания и более подвержены изменениям). Вы не можете быть аттестованы как специалист по французской литературе, если не прочли ряда пьес XVIII столетия и романов XIX века. Если вы никогда не читали Канта, вам, вероятно, не дадут диплом по специальности «философия». Но реальные различия между исследованиями в области гуманитарных и естественных наук определяются механизмами освоения соответствующих этим наукам канонических знаний. Например, студенты, изучающие американскую революцию, не только должны знать имена всех главных героев и даты всех ключевых событий — они также обязаны продемонстрировать, что способны самостоятельно осмысливать материал и формулировать аргументы относительно причин, движущих сил, итогов исторических процессов.

Указанные различия между гуманитарной и естественнонаучной исследовательскими практиками могут показаться эфемерными, но они станут очевидными, если мы обратимся к примерам экзаменационного опыта

студентов. Если на экзамене по математике вы дадите те же ответы, что и пятьдесят других студентов, у вас появится много шансов получить отличную оценку, при условии, конечно, что это были правильные ответы. Но если в заключительном эссе по курсу, посвященному американской истории, вы предложите тот же тезис, что и пятьдесят других студентов, вы, скорее всего, не получите отличную оценку, так как оригинальность мышления выступает в данном случае одним из критериев аттестации студента.

Более того, если на курсах по естественным наукам и математике от студентов в некоторых случаях могут требовать, чтобы они нашли инновационные методы решения проблем, на курсах по гуманитарным наукам от них потребуют оригинальности с первого же дня. Как я рассказывал в предыдущей версии этой статьи [Edelstein 2009], я впервые узнал о такой ситуации, когда преподавал первокурсникам в Стэнфорде «Введение в гуманитарные науки». В разговоре со мной после занятий два китайских студента высказали свое недоумение в связи с необходимостью писать статьи, которые выдвигают оригинальный тезис; в средней школе их учили только запоминать материал, в то время как мы просили студентов объяснить, что они думают о литературных текстах.

Наших иностранных студентов застало врасплох как раз то, что является одним из центральных принципов американского либерального образования. В наши цели входит воспитание независимо мыслящих людей, мы призываем студентов думать самостоятельно. Они могут и не порождать идей, по большому счету «оригинальных», но мы ожидаем, что они будут самостоятельно делать выводы. Вся система поощрений в гуманитарных науках ориентирована на тех студентов, которые приводят либо убедительный довод внутри необычной аргументации, либо необычный довод внутри убедительной аргументации. В обоих случаях высокие оценки и поощрения получают студенты, которые демонстрируют наибольшую оригинальность.

Занятия по гуманитарным дисциплинам предоставляют студентам не только широкие возможности, но и модели для развития инновационного мышления. В конце концов, профессора присутствуют в классах не просто для того, чтобы передавать дискретную информацию о книгах, сочинениях, теориях или событиях — им важно показать студентам, как можно связно и аргументированно излагать свои соображения относительно того или иного предмета. Профессора «демонстрируют инновационность», когда они предлагают, скажем, политическое прочтение Гамлета, экономическую интерпретацию американской революции или гегельянский анализ Маркса. Одним из лучших педагогических при-

емов будет привлечь внимание студентов к тому, что передаваемые знания можно поставить под сомнение. Это не приглашение к безудержному ревизионизму или постмодернизму, а простое признание того, что историческое, литературное, политическое и антропологическое знание складывается не из уравнений или органических структур, а из наблюдений, аргументов, эстетического восприятия, философских концепций и других представлений, смысл которых подвержен изменению. Слова из «Гамлета» или из «Декларации независимости» остаются теми же, но их смысл может меняться.

Роль гуманитариев

И в заключении необходимо сказать, что гуманитарные науки не являются более инновационными, чем естественные науки; просто студенты-гуманитарии должны прибегать к инновационному мышлению раньше, чем студенты — не-гуманитарии. Хотя есть большая разница в результатах между медленным чтением «Отца Горио» Бальзака и работой над новой операционной системой программного обеспечения, оба действия основаны на сходных когнитивных процессах. Но студенты будут чаще использовать когнитивный подход в гуманитарных дисциплинах, чем в дисциплинах естественнонаучного или инженерно-технического цикла.

Некоторые могут счесть, что это похоже на самовосхваление, которое, говорят, присуще гуманитариям. Но приведенные примеры и аргументы подчеркивают, что когнитивный разрыв между, скажем, анализом портрета Пикассо и диагностикой пациента не так уж велик: хотя предметы различаются, направленные на них интеллектуальные процессы тесно связаны, и одни навыки переходят в другие. Работа студентов-гуманитариев может иметь прямые выгоды для широкого круга профессиональной деятельности. Кто знает? Может быть, доктора филологических наук тоже способны спасти чью-то жизнь.

Библиография

- Edelstein D.* (2009) Iphigenia and the iPhone. Inside Higher Ed, August 13 [www.insidehighered.com/views/2009/08/13/Edelstein].
- Fish S.* (2008) Will the humanities save us? New York Times, January 6 [fish.blogs.nytimes.com/2008/01/06/will-the-humanities-save-us].
- Friedman T.* (2009) Invent, invent, invent. New York Times, June 27 [www.nytimes.com/2009/06/28/opinion/28friedman.html].
- Godwyn M.* (2009) Can the liberal arts and entrepreneurship work together? *Academe* 95 (1): 36–38.
- Goldin C., Katz L. F.* (2008) The race between education and technology. Cambridge, MA: Harvard University Press.
- Mills M., Ottino J.* (2009) We need more Renaissance scientists. *Forbes.com*, June, 3, [www.forbes.com/2009/06/03/phd-engineering-science-clayton-christensen-mark-mills-innovation-research.html].
- Naghshineh S., Hafler J. P., Miller A. R., Blanco M. A., Lipsitz S. R., Dubroff R. P., Khoshbin S., Katz J. T.* (2008) Formal art observation training improves medical students' visual diagnostic skills. *Journal of General Internal Medicine* 23 (7): 991–7.
- Task Force on the Future of American Innovation (2005) The knowledge economy: Is the United States losing its competitive edge? [www.futureofinnovation.org/PDF/Benchmarks.pdf].
- Urban G.* (2001) Metaculture: How culture moves through the world. Minneapolis: University of Minnesota Press.

Почему так важны свободные искусства?¹

В американских университетах и колледжах наступила пора выпускных церемоний. И значит, повсюду звучат торжественные речи, — пришло время бородатых шуток и мудрых напутствий. В этом году меня попросили принять участие в выпускных мероприятиях Сара Лоуренс колледжа в Нью-Йорке, типичном частном колледже свободных искусств и наук. Поэтому я подумал, что стоит поговорить об этой образовательной модели, переживающей в наши дни тяжелые времена.

Губернаторы Техаса, Флориды и Северной Каролины в один голос заявили, что не собираются тратить деньги налогоплательщиков на поддержку свободных искусств. Губернатор Флориды Рик Скотт задается вопросом: «Неужели государству жизненно необходимо еще большее число антропологов?» И тут же отвечает: «Я так не думаю». Даже президент Обама недавно предупредил студентов, что техническая специальность может оказаться ценнее, чем степень по искусствоведению.

Я могу понять эти сомнения в либеральном образовании, потому что сам вырос в Индии в 1960—1970-х годах. Техническое образование считалось залогом успешной карьеры. Умные и способные шли учиться естественным и точным наукам, так поступил и я.

Приехав в США учиться в колледже, я сразу же осознал огромную силу образовательной модели свободных искусств и наук. На мой взгляд, ее главная ценность заключается в том, что она учит письменно излагать свои мысли. На первом курсе колледжа я взял курс писательского мастерства. Преподаватель, с острым умом и еще более острым красным карандашом, не щадил никого. До меня дошло, что в Индии

* Американский политический аналитик, эксперт в области международных отношений; редактор еженедельника «Newsweek International»

¹ Напутственное обращение Фариды Закария к выпускникам на церемонии вручения дипломов в Сара Лоуренс колледже. Полную запись см.: globalpublicsquare.blogs.cnn.com/2014/05/24/why-the-liberal-arts-matter.

я поднаторел в успешном выполнении тестов и бездумном повторении вызубренного, но так и не научился выражать свои собственные мысли. Теперь я, по всей видимости, должен сказать, что либеральное образование учит думать, а мышление и письмо неразрывно взаимосвязаны. Принимаясь за сочинение, я понимаю, что мои «мысли» зачастую представляют собой хаотичное скопище сырых и запутанных идей, грешащих отсутствием логических связей.

Будь вы писателем, бизнесменом, консультантом по маркетингу или историком, изложение мыслей на письме заставляет вас делать выбор, приводит в порядок и проясняет ваши идеи. Если вы считаете, что вам это ни к чему, спросите Джеффа Безоса, основателя «Амазона». Он настаивает на том, чтобы руководители высшего звена в его компании готовили письменные отчеты, нередко объемом в шесть печатных страниц. Первые полчаса в начале каждого собрания руководства все сидят тихо, читают записи друг друга и делают пометки на полях.

Чем бы вы ни занимались, способность писать четко, чисто, и я бы добавил — быстро, окажется бесценным навыком.

Еще одно весомое преимущество либерального образования состоит в том, что оно учит говорить и выражать свои мысли. Я был поражен, что в отличие от Индии, итоговая оценка по курсу в большой степени зависела от устных выступлений. Мои преподаватели оценивали меня по способности вслух размышлять на заданную тему и описывать ход анализа и выводы. Говорить ясно и кратко — важное умение в жизни.

И, наконец, преимущество либерального образования состоит в том, что оно учит вас учиться — читать материалы по самым разным предметам, находить и анализировать информацию. Какую бы работу вы ни выбрали, я ручаюсь, что специальные знания, полученные вами в колледже (и это справедливо для любой области), окажутся по большей части или очень быстро бесполезными и малопригодными в реальной жизни. Даже если вы учились программировать несколько лет назад, до начала эры отдельных приложений, вам придется учиться программировать заново. А с теми темпами изменений, которые происходят сейчас во многих промышленных сферах и профессиях, умение учиться и менять род занятий будет полезно все время.

В этом заключаются преимущества либерального образования, и они пригодятся вам в течение всей профессиональной деятельности. Безусловно, если вы хотите добиться успеха, придется много и упорно работать, находить общий язык с окружающими, да и удача не помешает. Правила здесь универсальны для всех, даже для инженеров.

Нам нужна не просто специальность: приоритеты работодателей и успех студентов в высшем образовании¹

В январе 2013 года «Харт Ресерч Ассошиейтс» (*Hart Research Associates*) провела опрос в режиме онлайн среди трехсот восемнадцати работодателей, чьи организации имеют по меньшей мере двадцать пять сотрудников, и среди них 25% или более имеют диплом двухгодичного колледжа (*Associate Degree*) или степень бакалавра после четырех лет учебы в колледже или университете. Респондентами были руководители частных и некоммерческих организаций, в том числе владельцы, топ-менеджеры, директора, вице-президенты и президенты.

Данный отчет содержит детальный анализ приоритетов работодателей в отношении обучения, которое необходимо студентам, чтобы добиться успеха в современной экономике. Он также сообщает об изменениях в методах преподавания и оценки работы студентов, которые рекомендуют работодатели.

Введение

Сегодня инновации являются приоритетом для работодателей. Почти все опрошенные работодатели (95%) говорят, что при найме они отдают предпочтение выпускникам вузов с навыками, которые позволят им внедрять инновации на рабочем месте. Более девяти из десяти соглашаются, что «инновации обязательны» для дальнейшего успеха организации.

¹ Настоящий текст является переводом результатов опроса, выполненного исследовательской организацией «Харт Ресерч Ассошиейтс» (*Hart Research Associates*) по поручению Ассоциации американских колледжей и университетов. Оригинал доступен по адресу: www.aacu.org/liberaleducation/le-sp13/hartresearchassociates.cfm.

Работодатели признают определенные способности, которые важны для выпускников вне зависимости от полученной специальности и имеющие решающее значение для потенциального успеха в карьере, и они считают наличие этих умений более важным, чем собственно выбор студентом специализации. Почти все опрошенные (93%) согласны, что «способность кандидата мыслить критически, выражать мысли доходчиво, и решать сложные задачи важнее, чем его специализация». Более девяти из десяти опрошенных говорят, что очень важно, чтобы те, кого они нанимают, демонстрировали нравственную зрелость и принципиальность, навыки межкультурного общения и способность приобретать новые знания. Более трех из четырех работодателей говорят, что они хотят, чтобы вузы уделяли больше внимания развитию у студентов пяти ключевых навыков: критического мышления, решения сложных проблем, общения в письменной и устной форме, и применения знаний в реальных условиях. Для достижения будущими выпускниками успеха на рабочем месте работодатели отмечают потенциальную продуктивность ряда педагогических подходов. К ним относятся такие практики, которые подразумевают проведение студентами исследований, анализа, основанного на фактических данных; получение углубленных знаний по специальности, и опять же навык решения проблем, использование коммуникативных навыков и применение знаний в реальных условиях.

Работодатели признают важность либерального образования и образования по модели свободных искусств и наук. Большинство работодателей считают, что для достижения долгосрочного успеха в карьере наиболее важными для недавних выпускников вузов являются как обладание конкретными предметными знаниями и навыками, так и широта диапазона знаний и навыков. Лишь немногие думают, что наличие только знаний и навыков в конкретной предметной области является тем, что наиболее необходимо для успешной карьеры. Восемьдесят процентов работодателей считают, что независимо от специализации, каждый студент должен приобрести широкую общегуманитарную подготовку. После ознакомления с краткой характеристикой либерального образования XXI века, подавляющее большинство работодателей признают его важность, а 74% рекомендовали бы такой вид образования знакомым как наилучший путь подготовки молодого человека к успеху в современной глобальной экономике.

Работодатели одобряют смешанную модель либерального и прикладного образования. Повсеместно работодатели из разных областей решительно поддерживают тип обучения, который включает вовлечение студентов в активную, требующую усилий работу,

практику коллективного решения проблем, а также стажировки, работу над дипломным проектом, активную общественную деятельность. Работодатели неизменно дают более высокую оценку подходам, подразумевающим активное применение навыков, и возникающим благодаря этому результатам, нежели простому усваиванию конкретного объема знаний. Они решительно поддерживают методики, которые в случае необходимости усваивания знаний требуют демонстрации их применения.

Работодатели считают, что выпускники вузов имеют навыки и подготовку, необходимые лишь для позиций начального уровня, а не для дальнейшего продвижения. Большинство работодателей (56%) выражают удовлетворение той работой, которую колледжи и университеты выполняют, чтобы подготовить выпускников для достижения успеха на рабочем месте, но больше, чем двое из пяти указывают на возможности для совершенствования. Два из трех работодателей (67%) считают, что большинство выпускников вузов имеют навыки и знания, необходимые для успешной работы на начальном уровне, но только 44% считают, что у них есть то, что требуется для продвижения на более высокий уровень и более высокую позицию.

Работодатели проявляют интерес к системе электронных портфолио и партнерства с вузами, чтобы обеспечить успешный переход выпускников колледжей к рабочим местам. В дополнение к резюме или диплому с оценками, более четырех из пяти работодателей говорят, что электронный портфолио будет полезным для них, чтобы убедиться, что кандидаты на должность имеют знания и навыки, необходимые для достижения успеха в их компании или организации. Руководители коммерческих и некоммерческих организаций (значительная их часть) говорят, что они вступили в партнерство с колледжами с двухлетней и четырехлетней программой обучения для продвижения успеха студентов после окончания вуза; те, кто этого не сделал, выразили свою заинтересованность в том, чтобы предоставить больше практических возможностей для обучения и помочь студентам успешно осуществить переход от вуза к работе в компании.

Одиннадцать основных выводов

1. Работодатели уделяют очень большое внимание инновациям как имеющим решающее значение для успеха своих компаний; они сообщают, что проблемы, с которыми их сотрудники сталкиваются сегодня, являются более сложными и требуют более широкого набора на-

выков, чем в прошлом. Примечательно, что работодатели указывают, что они считают критическое мышление, навыки общения и решения сложных проблем более важными, чем специализацию (*major*) кандидата при принятии решения о найме на работу.

Работодатели отмечают: ожидания в отношении навыков сотрудников и те вызовы, с которыми сталкиваются поступающие сегодня на работу выпускники, выше, чем в прошлом. Большинство опрошенных говорят, что их компании или организации просят сотрудников брать на себя больше ответственности и обладать более широким набором навыков (93% согласны в целом; 52% безусловно согласны), в то время как проблемы становятся более сложными, чем в прошлом (91% согласны в целом; 50% безусловно согласны).

Работодатели сегодня придают большое значение инновациям и при найме отдают приоритет сотрудникам, которые могут помочь в этом отношении. Девяносто два процента в целом согласны, что инновации необходимы для дальнейшего успеха их компаний, включая 51% тех, кто безусловно согласен. Кроме того, 95% работодателей в целом согласны (57% безусловно согласны), что их компании «отдают приоритет при найме на работу людям с интеллектуальными навыками и навыками межличностного общения, которые помогут им в содействии инновационной деятельности на рабочих местах».

Работодатели в целом согласны, что для достижения успеха в их компаниях в более сложной современной среде способность мыслить критически, выражать мысли доходчиво и решать сложные проблемы важнее для кандидата, чем его или ее специализация (93% согласны полностью; 59% согласны).

2. Хотя работодатели и могут отдавать приоритеты ключевым навыкам, а не специализации кандидата, большинство из них считают, что оба фактора — обладание конкретными предметными знаниями и навыками, обладание широким диапазоном навыков и знаний — являются важными для недавних выпускников колледжей для достижения долгосрочного успеха в карьере. На вопрос, что является наиболее важным для достижения долгосрочного успеха в карьере — обладание конкретными предметными знаниями, широкий диапазон навыков или то и другое вместе, — более половины (55%) работодателей говорят, что наиболее важно обладать тем и другим. Среди работодателей, выбравших только одну категорию, основная часть считает, что широкий диапазон навыков и знаний имеет большее значение для продвижения по службе (29%), а меньшая часть (16%) считает, что знания и навыки, которые относятся к конкретной предметной области или по-

зиции, являются наиболее важными для выпускников колледжей «для достижения долгосрочного успеха».

3. Оценка работодателями колледжей с двухлетней и четырехлетней программой обучения и университетов в отношении работы, которую они делают для того, чтобы выпускники могли преуспеть и внести свой вклад в сегодняшнюю экономику, предполагает, что многие видят здесь возможности для совершенствования. Они выражают больше уверенности в том, что выпускники колледжей имеют навыки и знания, чтобы преуспеть в позициях начального уровня, чем чтобы расти и продвигаться по работе в рамках их компаний или организаций.

Пятьдесят шесть процентов работодателей считают, что высшее образование выполняет отличную (9%) или хорошую работу (47%) по подготовке студентов к успеху в сегодняшней экономике по сравнению с 44% тех, кто говорит, что система выполняет удовлетворительную (40%) или плохую работу (4%). Следует отметить, что мало кто из работодателей дает высшим учебным заведениям отличные или плохие оценки; большинство опрошенных высказывается за средний уровень.

Когда работодателей спросили о выпускниках колледжей с двухлетней и четырехлетней программой обучения и университетов, две трети работодателей сказали, что все (14%) или большинство (53%) выпускников, которые хотели работать в их компании или организации, имели навыки для достижения успеха в позициях начального уровня, по сравнению с одним из трех (33%), которые говорят, что около половины или меньше достаточно квалифицированы для позиции начального уровня.

Думая конкретно о навыках и знаниях, необходимых для продвижения или поощрения в рамках их компании или организации, 44% работодателей говорят, что все (7%) или большинство (37%) выпускников имеют все необходимое, чтобы выйти за рамки начального уровня. Пятьдесят шесть процентов работодателей говорят, что около половины или меньше из обратившихся за работой, имеют навыки и знания для успешного карьерного роста.

4. Работодатели указывают на разные типы знаний и навыков в качестве важных при приеме на работу; при этом наиболее приоритетными называли этику, навыки межкультурного общения и способность к профессиональному развитию. В то время как большинство работодателей говорят, что все из указанных навыков и знаний важны, они имеют свои предпочтения среди тех, которые очень важны для приема на работу в их компании или организации.

Работодатели называют наиболее важными следующие качества:

- **этика:** «Проявляют этические убеждения (*ethical judgement*) и принципиальность (*integrity*)» (96% считают важным, в том числе 76% считают очень важным);
- **межкультурные навыки:** «Не испытывают проблем в работе с коллегами и клиентами, представляющими различные культуры» (96% считают важным, в том числе 63% считают очень важным);
- **повышение квалификации:** «Проявляют способность к профессиональному развитию и приобретению новых знаний» (94% считают важным, в том числе 61% считают очень важным).

Работодатели придают меньшее значение следующим качествам при найме на работу:

- **участие в общественной жизни:** «Проявляют интерес к оказанию помощи сообществу, в котором расположена наша компания или организация, или тем, кого она обслуживает» (71% считают важным, в том числе 26% считают очень важным; 29% считают важным в некоторой степени или не важным);
- **глобальные знания:** «Имеют знания о культуре, истории, ценностях, религии и социальных системах других стран» (55% считают важным, в том числе 16% считают очень важным; 45% считают важным в некоторой степени или не важным).

5. Большинство опрошенных работодателей считают, что колледжи с двух- и четырехлетней программой обучения и университеты должны уделять больше внимания целому ряду ключевых результатов обучения с целью повышения успеха выпускников в современной глобальной экономике. Небольшое число предпринимателей сказали, что меньше внимания должно уделяться какому-либо из предложенных результатов обучения, но работодатели в целом скорее склонны полагать, что есть необходимость в усилении акцента на активные навыки — такие, как критическое мышление, решение сложных проблем, умение общаться и применение знаний в реальных ситуациях.

Работодателей спросили, должны ли колледжи и университеты уделять больше, меньше или то же внимание на семнадцать различных результатов обучения, чтобы помочь студентам добиться успеха в сегодняшней глобальной экономике. Значительное большинство считают, что колледжи и университеты должны уделять, по крайней мере, такое же или большее внимание всем этим результатам обучения. В отношении семнадцати предложенных результатов обучения большинство считают, что вузы должны уделять больше внимания одиннадцати из них, включая семь, в отношении кото-

рых более семи из десяти работодателей сказали, что вузы должны повысить внимание.

Работодатели считают, что наибольшее внимание необходимо уделить следующим качествам:

- критическое и аналитическое мышление (82% больше внимания, 7% меньше внимания);
- решение сложных проблем и анализ (81% больше внимания, 6% меньше внимания);
- письменные и устные навыки общения (80% больше внимания, 8% меньше внимания);
- применение знаний и навыков в реальных условиях (78% больше внимания, 6% меньше внимания);
- поиск, организация и оценка информации из нескольких источников (72% больше внимания, 9% меньше внимания);
- инновации и креативность (71% больше внимания, 9% меньше внимания).

Работодатели видят меньше необходимости для вузов усиливать внимание на повышение способности выпускников демонстрировать (1) владение иностранным языком, (2) знания, относящиеся к международным вопросам и проблемам развития, (3) знания, касающиеся культурного разнообразия/роли США в мире, (4) гражданского знания участия, и (5) понимания демократических институтов и ценностей. Большинство работодателей скорее хотели бы, чтобы высшие учебные заведения поддерживали текущий уровень подготовки в этих областях.

6. Среди работодателей существует согласие, что все студенты, независимо от выбранной ими области специализации, должны иметь учебный опыт, который прививал бы им чувство гражданской ответственности, давал широкие общеобразовательные знания (*liberal arts and sciences*), а также знания о культуре других стран.

Значительное большинство работодателей согласны с каждой из шести целей для колледжей и университетов, включенных в опрос (рис. 1). Девяносто один процент работодателей (это самый высокий показатель), в том числе 57% тех, кто полностью согласен с этим утверждением, убеждены, что все студенты должны получить в вузе опыт, который учит их решать проблемы с людьми, чьи взгляды отличаются от их собственных. Другие цели обучения, которые получили высокие уровни согласия, включают знание этических проблем и общественных дебатов, важных для выбранной студентами специализации (87% общего числа согласны в целом, включая 43% тех, кто безусловно согласен), и предоставление студентам возможности получить

Рис 1. Работодатели согласны с широким списком образовательных целей вузов

опыт работы для решения важных проблем локального сообщества (86% от общего числа согласны, из них 41% безусловно согласны).

Хотя работодатели не требуют от вузов усиления внимания общегражданской проблематике или преподаванию, касающемуся глобальных проблем, многие соглашались, что все студенты должны воспитываться в духе гражданской ответственности и получить широкое представление о культурах других стран. Восемьдесят два процента согласны (из них 27% безусловно согласны), что каждый студент должен ходить на занятия, которые прививают чувство гражданской ответ-

ственности, и дают знания об обществах и культурах за пределами Соединенных Штатов (78% от общего числа согласны, из них 26% безусловно согласны). Кроме того, четыре из пяти согласны (и из них 32% полностью согласны), что все студенты должны приобрести полноценную общеобразовательную подготовку (*liberal arts and sciences*), независимо от выбранной области специализации студента.

Изменение доли безусловно согласных с этими целями для колледжей, действительно выявляют некоторые различия; однако полученные данные предполагают очень сильную приверженность работодателей цели приобретения студентами знаний того, как решать проблемы с людьми, чьи взгляды отличаются от их собственных.

7. Среди десяти предложенных существующих и возникающих образовательных методик, работодатели отдают предпочтение некоторым из них как имеющим потенциал для улучшения качества образования современных студентов и подготовки выпускников для успеха на будущих рабочих местах.

Работодатели активнее всего поддерживают использование нижеперечисленных методик как способных помочь студентам добиться успеха после окончания вуза. Значительное большинство считают, что колледжи, которые устанавливают цели для студентов по достижению этих результатов обучения, делают все возможное, чтобы подготовить их к успеху:

- проработка и обсуждение этически важных вопросов, чтобы формировать собственные суждения студентов об обсуждаемых проблемах (66% говорят, что «поможет сильно/достаточно»);
- приобретение практического, непосредственного опыта работы с научными методами (69% говорят, что «поможет сильно/достаточно»);
- развитие навыков проведения совместных исследований (74% говорят, что «поможет сильно/достаточно»);
- прохождение стажировки или реализация конкретного проекта для местного сообщества (78% говорят, что «поможет сильно/достаточно»);
- завершение к моменту выпуска дипломного проекта, который бы демонстрировал полученные знания и навыки (79% говорят, что «поможет сильно/достаточно»);
- формулировка вопросов исследований в профессиональной области и проведение анализа на основе практических данных (83% говорят, что «поможет сильно/достаточно»).

Изменение подхода к тому, что происходит в учебной аудитории также привлекательно для работодателей. Трое из пяти (59%) говорят, что подход, который в меньшей степени базируется на лекциях и уделяет учебное время диалогу, дискуссии и решению проблем в группах или индивидуально под руководством преподавателя, поможет (сильно или в достаточной степени) подготовить студентов для достижения успеха после окончания вуза.

Работодатели считают, что другие появляющиеся педагогические методики имеют меньший потенциал влияния на подготовку студентов к успешной карьере: среди них ожидание полноценного представления у студентов о наличии различных точек зрения людей в обществах и культурах за пределами Северной Америки и Западной Европы (47% «поможет сильно/достаточно»), ожидание полноценного представления о культурном и этническом многообразии внутри самих Соединенных Штатов (44% «поможет сильно/достаточно»), наличие у студентов опыта изучения различных проблем, стоящих перед обществом (42% «поможет сильно/достаточно»).

8. В дополнение к резюме и диплому с оценками, подавляющее большинство работодателей говорят, что электронный портфолио, который демонстрирует работу студента и ключевые навыки и области знаний, будет полезным при оценке потенциальных кандидатов в процессе найма на работу.

Четыре из пяти (83%) работодателей говорят, что электронный портфолио студенческих достижений был бы очень (43%) или довольно (40%) полезен для них, чтобы понять, имеют ли кандидаты навыки и знания для достижения успеха в компании или организации. Только 17% говорят, что портфолио будет лишь в некоторой степени полезным или мало полезным.

9. Значительное количество работодателей говорят, что их компании или организации в настоящее время сотрудничают с колледжами или университетами, чтобы предлагать стажировки студентам. Меньшее количество работодателей сообщают о партнерстве с высшими учебными заведениями в других отношениях, но они проявляют интерес к партнерству, чтобы предлагать стажировки в будущем.

Когда дело доходит до партнерства с колледжами с двухлетней и четырехлетней программами обучения и с университетами для продвижения успеха студентов после окончания учебы, работодатели говорят, что их компания или организация предлагает стажировки и/или производственное обучение для студентов из соседних вузов (47% в настоящее время делают это). Еще

42% работодателей говорят, что они имеют высокую (21%) или среднюю (21%) степень заинтересованности в развитии такого вида программы в будущем. Только 11% говорят, что они будут мало заинтересованы.

Другие совместные усилия колледжей и компаний или организаций являются менее распространенными среди работодателей сегодня; тем не менее, большинство работодателей выражают заинтересованность в этих инициативах:

- работа в тесном сотрудничестве с офисом по вопросам трудоустройства соседнего колледжа, помощь студентам в успешном переходе от учебы к работе (26% в настоящее время делают это; 51% в настоящее время не делают этого, но имеют высокую/среднюю степень заинтересованности заниматься этим в будущем);
- партнерские отношения с находящимися рядом колледжами, чтобы лучше согласовывать учебные программы и результаты обучения с навыками и знаниями, которые компания ожидает от новых сотрудников (22% в настоящее время делают это; 54% в настоящее время не делают этого, но имеют высокую/среднюю степень заинтересованности в этом в будущем);
- спонсорская помощь программе в соседнем колледже, чтобы студенты могли участвовать в реальном или практическом обучении, пока они еще учатся (18% в настоящее время делают это; 53% в настоящее время не делают этого, но имеют высокую/среднюю степень заинтересованности заняться этим в будущем).

10. Работодатели полностью поддерживают педагогические методики, которые включают студентов в активную, требующую усилий, работу — методики, которые подразумевают такие действия, как совместное решение проблем, исследования, дипломные проекты, участие в деятельности локальных сообществ, стажировки.

Вопросы, в которых работодателей спрашивают о конкретных областях знаний без ссылки на активное обучение или развитие навыков получают более низкую оценку, чем вопросы, которые касаются универсальных навыков, или вопросы, которые касаются сочетания знаний и навыков. Даже там, где работодатели считают отдельные виды знания очень важными или достаточно важными (например, знания о глобальных проблемах, науке и технологиях), они по-прежнему отдают более высокий приоритет формам обучения, которые подчеркивают активное развитие учащихся и применение ими интеллектуальных и практических навыков.

Более девяти из десяти опрошенных говорят, что очень важно, чтобы те, кого они нанимают, демонстрировали этически зрелые суждения и принципиальность, навыки межкультурного взаимодействия и способность дальнейшего приобретения новых знаний. Более 75% работодателей говорят, что они хотели бы, чтобы колледжи уделяли больше внимания развитию пяти ключевых компетенций, а именно критического мышления, решения сложных проблем, письменному и устному общению, способности применения знаний в реальных условиях.

В противоположность этому, не более 40% работодателей поддерживают стремление колледжей уделять больше внимания оказанию помощи студентам в плане получения знаний в различных областях, включая глобальные проблемы, роль США в мире, культурное многообразие в Америке, основы гражданской ответственности, демократические институты и ценности (большинство опрошенных предпочли бы, чтобы колледжи поддерживали свой нынешний уровень внимания к этим областям знаний). Единственная область знаний, которой более половины работодателей хотели бы, чтобы колледжи уделяли больше внимания, это знания о науке и технике (56% хотели бы больше внимания), но это все же более низкий приоритет, чем активное, требующее напряженных усилий обучение и развитие навыков.

Работодатели одобрили несколько педагогических методик как потенциально полезных в подготовке студентов для достижения успеха на рабочих местах. К ним относятся методы, которые требуют, чтобы студенты проводили исследования и использовали анализ, основанный на фактических данных; получали углубленные знания по специальности, аналитические и коммуникативные навыки, навыки решения проблем, а также чтобы они применяли свои знания в реальных условиях.

11. Работодатели признают важность того, что сегодняшние колледжи и университеты предлагают либеральное образование — образование, которое фокусируется как на обширных знаниях в различных областях, так и на знаниях в конкретной области специализации, а также на интеллектуальных и практических навыках, которые охватывают все дисциплинарные области, и чувстве социальной ответственности. После ознакомления с описанием составных элементов либерального образования, почти все работодатели считают для колледжей очень или довольно важным предоставлять именно этот вид обучения, и подавляющее большинство рекомендовало бы такое образование знакомым молодым людям.

Определение. Либеральное образование — это такой подход к высшему образованию, который обеспечивает как широкие знания в разных областях, так и знания в конкретной специальности или сфере интересов. Такое образование помогает студенту развить чувство социальной ответственности, интеллектуальные и практические навыки, которые охватывают все области обучения, развить аналитические навыки и навыки решения проблем, а также способность применять знания и навыки в реальном мире.

Насколько важно современным колледжам и университетам предоставлять такой вид обучения?

Если бы вы давали совет своему ребенку или знакомым молодым людям о виде образования, которое им следует выбрать, чтобы достичь профессионального успеха и карьерного роста в сегодняшней глобальной экономике, посоветовали бы вы им вид образования, описанный выше?

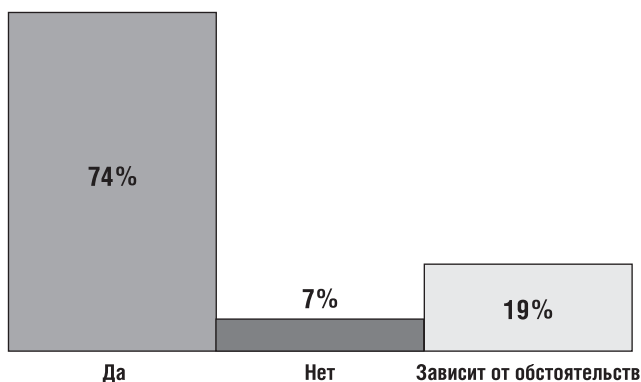

Рис. 2. Работодатели поддерживают концепцию либерального образования

После ознакомления с приведенным описанием либерального образования, 94% работодателей говорят, что для современных колледжей важно обеспечить этот тип образования, в том числе более половины (51%) говорят, что очень важно (рис. 2).

Кроме того, почти три из четырех работодателей (74%) говорят, что будут рекомендовать собственному ребенку или знакомому молодому человеку выбрать именно этот вид образования для достижения профессионального и карьерного успеха в сегодняшней глобальной экономике (рис. 2). Только 7% не рекомендовали бы такое образование, и 19% говорят, что это зависит от обстоятельств. Когда работодателей попросили сделать конкретный выбор (без варианта «это зависит от обстоятельств»), 89% полностью рекомендовали бы такое образование молодым людям, ожидающим совета о типе высшего образования, которое они должны выбрать, и только 11% не стали бы этого делать.